

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОМУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1 9 3 3

№ 4

П А Р Т И З Д А Т

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

Г О Д
ИЗДАНИЯ
П Я Т Ы Й

П Р О Б Л Е М Ы Э К О Н О М И К И

Д
В
У
Х
М
Е
С
Я
Ч
Н
Ы
Й
Ж
У
Р
Н
А
Л

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 4

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1933

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Первый год второй пятилетки	3
Кац. Вл. — Рост народного дохода в СССР за 15 лет	15
Кривицкий М. — Рабочее время и время рабочего	50
Меклер М. — К характеристике методологических основ люксембургской теории	70
Сперлина А. — За верную цифру социалистического учета	101
Пилимейстер И. — Шпани как „кригик“ Маркса	117
Меренков И. — О советской торговле	130
Реуэль А. — Полемка вокруг теории стоимости в России 90-х 900-х и годов	144

Редколлегия: Бутаев К. (Ответственный редактор), Вознесенский Н., Гатовский Л., Кривицкий М., Партигул С., Шурыгин В.

Сдано в производство 2/VIII 1933 г.
Подписано к печати 23/IX 1933 г.
Уполн. Главлита В—62727
Выпускающий Широков

Формат 72×105^{1/16}
Партиздат № 907. Зак. тип. 2024
Объем 10 печ. лист. 61000 зн. в п. л.
Тираж 16.555 экз.

ПЕРВЫЙ ГОД ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В первый год второй пятилетки Советская страна вступила с всемирно-историческими достижениями, полученными в результате выполнения социалистического плана первой пятилетки. Советский союз, развертывая социалистическое наступление во второй пятилетке, опирается на уже созданный за годы первой пятилетки экономический фундамент социализма.

Тов. Сталин, развивая мысли Ленина по вопросу о том, что такое экономический фундамент социализма, писал: «Создать экономическую базу социализма — это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается прежде всего капитал, создать в конце концов такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов» («Об оппозиции», стр. 531).

Этот прогноз величайшего мастера пролетарской революции т. Сталина оказался выполненным. В самом деле, уже заменены в основном две различные основы, на которые опиралась советская власть (крупная социалистическая промышленность и мелкотоварное крестьянское хозяйство), одной, социалистической, так как не только в промышленности, но и в земледелии создано крупное социалистическое производство. Решен внутри советской страны в пользу социализма вопрос «кто—кого». Подорваны корни капитализма. Преодолены позиции единоличного хозяйства в основных районах Советского союза. Хотя уровень развития производительных сил в стране и в настоящее время еще не удовлетворяет полностью потребностей расширенного социалистического воспроизводства, по законам которого развивается наша страна, но уже создана собственная техническая база для завершения социалистической реконструкции народного хозяйства. Достаточно сказать, что размер товарной продукции станков внутри Советского союза с 10,4 млн. руб. в 1928/29 г. вырастает в 1933 г. до 85,8 млн. руб. Широким фронтом развернулась культурная революция, которая необычайно повышает культурный уровень работников, т. е. самой первой производительной силы общества.

Мы уже перешли к новой ступени торговли — к советской торговле, в том числе и колхозной торговле. Производственная смычка является решающей в деле укрепления союза рабочего класса и колхозного крестьянства. Основными звеньями этой производственной смычки являются: машинно-тракторные станции, совхозы и колхозы. По всему фронту усилилось плановое воздействие пролетарского государства на развитие народного хозяйства. Сельское хозяйство уже в основном подчинено плановому воздействию диктатуры пролетариата.

В результате всего этого разгромлены, хотя еще и не добыты капиталистические элементы в советской стране, в основном закрыты ка-

налы, по которым рождаются классы и капитал, созданы условия, на основе которых прямо и непосредственно происходит уничтожение классов. Все это означает в совокупности, что в Советском союзе действительно создан экономический фундамент социализма.

Создание экономической базы социализма обусловлено диктатурой пролетариата и генеральной линией авангарда рабочего класса — коммунистической партии во главе с испытанным вождем т. Сталиным. Диктатура пролетариата — основа и определяющая сила движения нашего народного хозяйства к социализму. Экономические законы движения советского хозяйства обуславливаются и определяются диктатурой пролетариата, осуществляющей политику партии, ее план социалистического строительства. Поэтому закономерности движения советской экономики являются закономерностями социалистического строительства, закономерностями ликвидации капитализма, выкорчевывания его корней и преодоления капиталистической тенденции мелкотоварного крестьянства. Достаточно сказать, что мы уже в основном преодолели такую стихийную закономерность развития, как товарно-капиталистическая тенденция крестьянства. Эта тенденция в основном уже преодолена тем, что преобладающая масса крестьянства стала прочно и твердо на путь колхозного строительства, т. е. на путь, принципиально противоположный товарно-капиталистической тенденции крестьянства как класса мелких собственников. Законы развития переходного периода изменяются на различных этапах социалистического строительства в связи с изменением соотношения классовых сил и форм классовой борьбы и подготовкой пролетарским государством материальных условий для своего социалистического строительства.

На всем протяжении переходного периода остается то основное, что диктатура пролетариата является единственной и решающей движущей силой пролетарской революции. Диктатура пролетариата является единственно возможной основой движения в переходный от капитализма к коммунизму период. Закономерности движения народного хозяйства, изменяющиеся на различных этапах переходного периода, суть законы развития социализма, устанавливаемые самим рабочим классом, организованным в свое пролетарское государство.

Задача уничтожения классов, которая стоит перед нами во второй пятилетке, задача построения социалистического общества может быть осуществлена только при условии укрепления железной диктатуры пролетариата.

На основе укрепления диктатуры пролетариата и в первом полугодии 1933 г. продолжалось дальнейшее развертывание социалистического производства. Промышленность выросла по сравнению с 1932 г., имеются первые и существенные достижения в переломе динамики производительности труда и себестоимости промышленной продукции. Введен ряд новых крупнейших агрегатов социалистических фабрик, заводов, рудников, электростанций. Осуществлена величайшая победа колхозного движения в весеннюю посевную кампанию. Укреплены финансовая дисциплина, денежное обращение и плановая дисциплина в ряде отраслей народного хозяйства. Начата радикальная перестройка организационного управления народным хозяйством, что связано с новой ступенью социалистического строительства.

Все это стало возможным на основе решающей роли диктатуры пролетариата, осуществляющей политику партии — план социалистического строительства. Без диктатуры пролетариата невозможно планирование народного хозяйства.

В капиталистических странах, особенно в САСШ, в последнее время усилились попытки «планировать» капиталистическое производство. Особенно большая суета поднята вокруг этих вопросов президентом Рузвельтом, пытающимся осуществить государственно-капиталистический контроль над магнатами финансового и промышленного капитала. Действительность показывает, что государственно-капиталистический контроль означает не что иное, как содействие со стороны капиталистического государства стихийным процессам, развивающимся в недрах американского капитализма: концентрации производства и капитала, росту и укреплению капиталистических монополий, разгрому «самостоятельных» мелких предпринимателей и дальнейшему обнищанию рабочего класса.

Генерал Джонсон и Дж. Пик, назначенные Рузвельтом в качестве «организаторов» капиталистической индустрии и земледелия, являются не чем иным, как игрушкой в руках Бернарда Баруха — современного американского крупнейшего финансового монополиста.

Промышленная продукция капиталистических стран в 1933 г. не проявляет никаких существенных признаков подъема. Так, в апреле 1933 г. индекс физического объема промышленной продукции по отношению к 1928 г. составил в САСШ 60,4, в Германии — 65,7, во Франции — 84,3. Продукция машиностроения в Германии составляла в марте 1933 г. 35,4% по отношению к уровню 1928 г. При этом безработица продолжает увеличиваться: процент полностью и частично безработных среди членов профсоюзов в САСШ в апреле 1933 г. достиг 53.

Капиталистический мир не в силах осуществить плановые законы развития товарно-капиталистической экономики; последняя подчинена стихийному закону стоимости, основным содержанием которого при капитализме является прибавочная стоимость. Прибавочная стоимость — это закон движения капиталистического производства. Прибыль как форма прибавочной стоимости — абсолютная цель и мотив производства. При господстве этих законов ни о каком сознательном планировании народного хозяйства не может быть речи.

На основе диктатуры пролетариата СССР успел догнать и перегнать ряд передовых капиталистических стран. Вопреки троцкистской клевете социалистическое производство в советской стране исключает сколько-нибудь существенное влияние капиталистической стихии мирового рынка. СССР за последние годы вышел в число передовых стран по своему технико-экономическому уровню. Место СССР в мировом производстве изменилось следующим образом:

Виды производства	1913 г.	1928 г.	1932 г. (во всем мире)	1932 г. (в Европе)
Электроэнергия	15	10	6	4
Каменный уголь	6	6	4	3
Чугун	5	6	2	1
Общее машиностроение	4	4	2	1
Нефть	2	3	2	1
С.-х. машины	—	4	1	1
Тракторы	—	4	1	1
Торф	—	—	1	1
Автомобили	—	12	6	4
Вся продукция	—	5	2	1

В первом полугодии 1933 г. ряд отраслей народного хозяйства еще недовыполнил установленный для них социалистический план. Тяжелая промышленность в первом полугодии 1933 г. выросла по сравнению с первым полугодием 1932 г. на 7,4%, в то время как производство средств потребления шло даже на пониженном по сравнению с 1932 г. уровне. Весьма положительным явлением развертывания соцпромышленности необходимо признать усиление темпов производства во II квартале 1933 г. по сравнению с его I кварталом.

Если например по тяжелой промышленности I квартал 1933 г. дал прирост на 3,7% против I квартала 1932 г., то во II квартале 1933 г. мы уже имеем рост тяжелой промышленности на 11% по сравнению со II кварталом 1932 г. В легкой промышленности мы в I квартале 1933 г. имели развертывание производства на пониженном по сравнению с I кварталом 1932 г. уровне, а во II квартале 1933 г. уже начинается рост производства предметов потребления по сравнению с соответствующим кварталом 1932 г.

Задача коммунистов, рабочих, специалистов состоит в том, чтобы закрепить максимально эту наметившуюся тенденцию усиленного развертывания соцпромышленности во II квартале. Задача состоит в том, чтобы обеспечить непрерывное увеличение производства из квартала в квартал на протяжении второго полугодия в борьбе за народнохозяйственный план 1933 г. Основным условием для этого роста является решительное преодоление остатков старых, канцелярско-бюрократических методов руководства промышленностью, выполнение задачи коренной перестройки промышленности в сторону большего оперативного руководства непосредственным процессом производства. Вопросы организации и управления на современном этапе, когда социалистические формы производства стали господствующими во всем народном хозяйстве, а в соцпромышленности даже единственными формами воспроизводства, приобретают неизмеримо большее значение, чем на предыдущих этапах нашего развития.

Наиболее слабыми участками до сих пор являются металл и топливо.

За первое полугодие 1933 г. производство чугуна выросло на 7,3% по сравнению с первым полугодием 1932 г., производство же стали и проката осталось почти на уровне прошлого года. Такое позорное топтание черной металлургии на месте, несмотря на ввод в эксплуатацию за годы первой пятилетки массы новых доменных и мартеновских печей и прокатных станов, может быть объяснено лишь крайне неудовлетворительным руководством черной металлургией, начиная от заводов и кончая Главным управлением черной металлургии. Под воздействием ЦК ВКП(б) и СНК СССР мы имеем во II квартале 1933 г. значительные сдвиги по сравнению с I кварталом 1933 г.

Однако черная металлургия, показывая возможность выполнения хозяйственного плана первого года второй пятилетки (суточная добыча чугуна достигала в отдельные дни 23 тыс. т — это близко к заданию III квартала — 24 тыс. т в сутки), все же не реализует этих возможностей и еще не обеспечила должных темпов нарастания продукции металла. Черная металлургия должна развернуть в IV квартале 1933 г. еще более быстрые темпы увеличения выплавки чугуна, стали и производства проката. Для этого имеются все условия, ибо и в 1933 г. черная металлургия пополнилась новыми доменными и мартеновскими печами и прокатными станами. Закрепление наметившейся тенденции роста продукции черной металлургии должно стать важ-

нейшей задачей всех работников черной металлургии. Одной из решающих задач в этом отношении является своевременный завоз необходимых запасов сырья, т. е. кокса и руды, для того чтобы обеспечить бесперебойную работу металлургических агрегатов в зимний период.

Если в черной металлургии наметился перелом в разворачивании производства, то в каменноугольной промышленности сколько-нибудь существенного перелома еще не имеется. Каменноугольная промышленность продолжает позорно топтаться на месте. За первое полугодие 1933 г. добыча каменного угля по трестам Наркомтяжпрома СССР увеличилась всего лишь на 3,9%, а в I квартале каменноугольная промышленность дала каменного угля даже меньше, чем в I квартале 1932 г.

СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) в своем историческом постановлении «О работе угольной промышленности Донбасса» считают, «что главной причиной этого позорного движения назад является все еще неизжитый, окончательно обанкротившийся канцелярско-бюрократический метод руководства угольной промышленностью, начиная от шахт и кончая Главтопом Наркомтяжпрома».

После этого постановления ЦК и СНК прошло уже несколько месяцев. Однако в каменноугольной промышленности не замечается необходимого нам перелома. II квартал 1933 г. хотя и дает рост по сравнению с I кварталом 1933 г., однако этот рост является крайне недостаточным, не обеспечивающим выполнения социалистического плана производства. Главная причина этого совершенно нетерпимого положения заключается в том, что решения партии и правительства о перестройке руководства шахтой реализуются крайне медленно. В частности до сих пор еще крайне недостаточно внимания уделяется вопросам организации заработной платы на началах прогрессивной оплаты, на началах стимулирования роста производства.

Наиболее ярким признаком наличия неизжитых методов канцелярско-бюрократического руководства каменноугольной промышленностью является совершенно неудовлетворительное руководство делом механизации добычи. До сих пор еще имеются антимеханизаторские тенденции среди работников каменноугольной промышленности. Достаточно сказать, что количество бездействующих врубовых машин возросло с 93 в 1931 г. до 272 в 1933 г., а количество бездействующих отбойных молотков выросло с 716 в 1931 г. до 1064 в настоящее время.

Использование механизмов до сих пор в ряде случаев остается варварским. Процент использования тяжелых врубовых машин в каменноугольной промышленности на протяжении первого полугодия 1933 г. не превышает 68, а процент использования отбойных молотков не превышает 62.

Подготовка кадров, борьба с текучестью рабочей силы, правильная организация труда и заработной платы, укрепление шахт производственными специалистами (инженеры, техники), — все это является важнейшим условием дальнейшего повышения уровня механизированной добычи, а вместе с тем и повышения темпов разворачивания каменноугольной промышленности.

Снова и снова приходится напоминать ряду хозяйственников о шести условиях т. Сталина. В них — ключ к подъему производства. Шесть условий в действии в практике миллионов — это и есть законы нашего хозяйственного строительства. Вне их не может быть успешного движения.

В первом полугодии 1933 г. мы имеем в ряде отраслей промышленности крайне положительное явление — рост производительности труда.

Выработка продукции на одного рабочего в первом полугодии 1933 г. выросла по сравнению с первым полугодием 1932 г. в тяжелой промышленности на 11,3%. Это величайшее завоевание первого года второй пятилетки.

Январский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) указал, что важнейшей задачей второй пятилетки является обеспечение перелома в росте производительности труда в сторону убыстрения этого роста. Важнейшими причинами роста производительности труда явились, во-первых, приведение численности рабочей силы и фонда зарплаты в соответствие с планом, т. е. укрепление в значительной степени плановой и финансовой дисциплины, и, во-вторых, успехи в области освоения новой, социалистической техники.

Если в 1932 г. себестоимость продукции в ряде отраслей тяжелой промышленности увеличилась, то в первом полугодии 1933 г. мы имеем снижение себестоимости по сравнению с уровнем 1932 г. Это — достижение первого года второй пятилетки, которое необходимо во что бы то ни стало умножить и которое нужно обеспечить и в остальных отраслях промышленности и всего социалистического производства.

Основным условием дальнейшего роста производительности труда и снижения себестоимости является борьба за освоение новой техники. Январский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) указал на необходимость дополнить во вторую пятилетку лозунг «новое строительство» в качестве решающего и основного лозунгом «освоение новой техники». Это вытекает из того, что советская страна в период первой пятилетки ввела в строй новых основных фондов на 40,5 млрд. руб. Задача роста промышленной продукции в дальнейшем упирается в необходимость освоения этих огромных новых основных фондов, в задачу сокращения периода «детских болезней», освоения новой техники и уменьшения издержек на освоение этой техники. Рабочий класс Советского союза уже доказал, что он может осваивать новую технику так же хорошо, как строить новые фабрики и заводы.

Достаточно привести несколько примеров из работы крупнейших машиностроительных предприятий, пущенных за годы первой пятилетки. Так, дневная выработка рабочего выросла в I квартале 1933 г. по сравнению с I кварталом 1932 г. на автомобильном заводе им. Сталина на 50%, на подшипниковом госзаводе им. Кагановича — на 61,3%, на Харьковском тракторном заводе — на 63,6%, на заводе фрезерных станков — на 303,0%. Эти факты показывают огромные возможности, которые имеются у нас для быстреего освоения социалистической техники, а вместе с тем и для быстреего подъема продукции промышленного производства.

В первом полугодии 1933 г. продолжался ввод в эксплуатацию новых фабрик и заводов: введены в строй такие гиганты, как Челябинский тракторный завод, Уральский завод тяжелого машиностроения, Днепровская гидростанция, введены в строй 4 новых доменных печи, 4 мартеновских печи, 3 прокатных стана и 2 блюминга.

Водный транспорт Советского союза увеличил свои производственные возможности. Мы имеем в виду постройку 2 гигантских искусственных водных путей, а именно — Беломорско-балтийского канала,

соединившего моря Балтийское и Белое, и сооружение плотины и шлюзов на Днепре, в результате чего впервые в истории народов Днепр превратился в сквозную на всем своем протяжении реку.

Все это обязывает нас уделить максимальное внимание вопросам освоения новой техники. Задача коммунистов-экономистов состоит в том, чтобы тщательно исследовать уроки освоения новой техники на примере машиностроительных заводов, учесть уроки освоения доменных печей, уроки освоения новых каменноугольных шахт. Мысль экономистов-коммунистов должна быть прикована к вопросу изучения структуры издержек производства на новых предприятиях, к задаче изучения условий быстрого подъема производительности труда.

В области сельского хозяйства Советским союзом достигнуты в первом полугодии 1933 г. величайшие успехи.

На 10 июня план весеннего сева был выполнен на 92,6% против 90,9% на эту же дату в 1932 г., 91,9% — в 1931 г. и 89,9% — в 1930 г. За все эти годы, начиная с 15 мая, мы имели более быстрый темп хсда сева, чем за 1930—1932 гг. Знаменательным также является усиление роли совхозов — ведущего звена в соцземледелии. На 20 июня 1933 г. совхозы выполнили свой посевной план на 107,2%, в то время как колхозы выполнили его на 100,6%, между тем как в 1932 г. мы имели на 10 июля обратную картину: совхозы на этот же срок выполнили свой план на 90,9%, а колхозы — на 94,2%. Единоличники отстают по сравнению с совхозами и колхозами в выполнении плана, преподанного им пролетарским государством, что требует от деревенских коммунистов особого внимания.

Важнейшей исторической чертой весенней посевной кампании 1933 г. является перелом, происшедший в массах колхозников в отношении к труду.

Воспитание трудовой дисциплины, борьба с кулацкой уравниловкой, борьба за социалистический принцип распределения продуктов в колхозах по труду привели к тому, что масса колхозников убедилась на собственном опыте в необходимости честно работать и трудиться, что является условием дальнейшего подъема благосостояния колхозников.

Необыкновенно огромную политическую роль сыграл лозунг партии, выдвинутый т. Сталиным: превратить всех колхозников в зажиточных тружеников социалистического производства. Этот лозунг партии оказался величайшим стимулом для развертывания инициативы и соревнования среди масс колхозников.

Все это закреплено в результате огромного усиления роли партии в непосредственном руководстве колхозным, совхозным производством, что выразилось в создании политотделов в колхозах и совхозах. Политотделы уже в весеннюю посевную кампанию 1933 г. сыграли историческую роль в организации актива колхозников, в мобилизации их на дело организационно-хозяйственного укрепления колхозов, в борьбе с разгромленным кулачеством, в очищении колхозов и совхозов от вредителей, от капиталистических элементов, пытающихся взорвать изнутри колхозы и совхозы, пытающихся расхищать общественную социалистическую собственность. Все это означает, что большинство крестьянства в Советском союзе окончательно и прочно укрепилось на колхозном, т. е. социалистическом,

пути развития. Все это означает, что позиции единоличного хозяйства в советской стране в основных районах преодолены и возврата к этому единоличному хозяйству уже не может быть.

Важнейшим экзаменом партийных организаций деревни, важнейшим экзаменом всех деревенских коммунистов является правильная организация уборки урожая, подъема паров, проведения вспашки под зябь и озимого сева. Борьба за урожай не кончается посевом — с посева она лишь начинает разворачиваться. Борьба за урожай должна вестись на протяжении всего с.-х. года. На борьбу за урожай нужно мобилизовать энергию, инициативу всех колхозников.

Основной политической задачей предстоящего периода является правильная организация государственных заготовок с.-х. продуктов. ЦК ВКП(б) и СНК СССР указывают, что «в отличие от прежних лет мы имеем в этом году не хлебозаготовки старого типа, производившиеся на основе не вполне определенных контрактационных договоров с крестьянством, а зернопоставки, основанные на твердом и непререкаемом законе, обязательном к выполнению всеми колхозами и единоличниками. Это значит, что никакого уклонения от обязательств по сдаче зерна в срок допущено ни под каким видом не будет».

В отличие от прошлых лет поставка с.-х. продуктов в этом году будет производиться не по меняющимся планам, а по твердым и неизменным нормам, установленным революционным законом. Это должно укрепить организационно-хозяйственное положение колхозов, должно создать устойчивость в хозяйстве и обеспечить колхозникам и единоличникам возможность твердо рассчитать свои доходы.

«Это значит, что никакие встречные планы по сдаче зерна впредь не должны быть допущены ни при каких условиях».

Задача деревенских партийных организаций состоит в том, чтобы воспитать у колхозников чувство ответственности за выполнение задач всего пролетарского государства, всей своей социалистической родины. Мы должны сделать колхозника-крестьянина государственным человеком, понимающим связь своего благополучия с задачей укрепления всего режима пролетарской диктатуры.

На время заготовок, т. е. начиная с 25 июня 1933 г., для одних областей, с 1 июля — для других и с 1 августа — для третьих, прекращена колхозная и индивидуально-крестьянская торговля хлебом, а также закупка зерна «Закупхлебом». Это вытекает из того, что первой обязанностью каждого колхоза является выполнение государственных заданий, а затем уже распределение общественно-го продукта по количеству и качеству труда, вложенного каждым колхозником. Необходима борьба как с худшим видом проявления оппортунизма, со всякой попыткой ослабить эту первоочередную задачу выполнения поставки государству с.-х. продуктов.

Совхозы, будучи предприятиями, принадлежащими пролетарскому государству, должны сдать своему государству всю имеющуюся у них товарную продукцию. Худшим проявлением правого оппортунизма, проявлением буржуазных тенденций является попытка некоторых совхозов скрыть от пролетарского государства действительные запасы товарной продукции зерна и хлеба. История с одесским Зернотрестом, который попытался преуменьшить урожай 1933 г. и тем самым скрыть от пролетарского государства свои хлебные резервы, является поучительным примером того, как разнообразны

формы классовой борьбы, применяемые остатками разгромленных капиталистических классов против социалистического наступления. Люди из совхозов, пытающиеся преувеличить свои собственные потребности, пытающиеся преуменьшить свои производственные возможности, являются расхитителями общественной социалистической собственности и беспощадно караются пролетарским государством.

В этих условиях приобретает огромное значение борьба за социалистический учет. Борьба за правильные цифры — это одна из острых форм классовой борьбы пролетарского государства за государственный учет и контроль над производством и распределением общественного продукта.

Классовый враг пытается через учет и отчетность нарушить плановое воздействие пролетарского государства на общественное производство и распределение. Поэтому и по этой линии необходима бдительная развернутая борьба за социалистический учет, борьба за точную, верную цифру.

Крайне важным моментом, новым в нашем социалистическом строительстве является организация обмена между машинно-тракторными станциями и колхозами. Этот обмен выражается в том, что за производственные услуги, оказываемые машинно-тракторными станциями колхозам, последние в качестве платы за эти услуги передают машинно-тракторным станциям определенную долю урожая натурой. Это новая форма обмена, которая не была известна на первых ступенях нэпа и которая могла возникнуть только при переходе к соцземледелию, при развертывании машинно-тракторных станций пролетарского государства. С развертыванием машинно-тракторных станций с охватом ими всех колхозов во вторую пятилетку этот вид обмена неизбежно примет еще более широкие размеры. Задача коммунистов-экономистов состоит в том, чтобы тщательно изучить этот опыт первого года второй пятилетки.

Крайне отсталым участком в системе социалистического хозяйства до сих пор является ж.-д. транспорт. Грузооборот железных дорог в I квартале 1933 г. достиг лишь 61 млн. т против 67 млн. т в I квартале 1932 г. Начавшееся улучшение в работе железных дорог в зимний период 1931/32 г. НКПС и дорогами не было закреплено, в результате чего имеется позорное для ж.-д. транспорта увеличение крушений и мелких аварий на дорогах.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) «считают главной причиной совершенно неудовлетворительной работы железных дорог недостатки руководства, недостатки организационного характера, все еще не изжитый, окончательно обанкротившийся канцелярско-бюрократический метод руководства железными дорогами, начиная от районов и дирекций и кончая центральными управлениями НКПС».

СНК СССР и ЦК ВКП(б) указывают, что «нельзя дальше терпеть нынешнюю совершенно неправильную организацию зарплаты, в основе которой все еще лежит уравниловка и при которой зарплата рабочих и служащих тем выше, чем ближе работники к канцелярии и чем дальше они от депо, от мастерской, от станции и вообще от работы на линии.

Нельзя дальше терпеть доведенную до крайности многочисленность и дробность норм выработки и расценок, путающие рабочих и де-

зорганизующие работу, равно как нельзя терпеть такого положения, когда ответственное дело нормирования труда и установления расценок поручено не мастерам и другим оперативным руководителям в депо, на станциях, на дорогах и в НКПС, а второстепенным работникам из канцелярий, оторванным от живой работы.

Нельзя дальше терпеть такого положения, что $\frac{2}{3}$ инженерно-технических работников ж.-д. транспорта заполняют канцелярии районов, дирекций и НКПС, а на линии осталась только третья часть состава инженерно-технических работников транспорта. В результате этого решающие участки транспорта—депо, станция, дистанция, пути и связи — работают без квалифицированных технических сил и не справляются со своим делом.

Нельзя дольше терпеть такого положения, когда руководящих работников подбирают не по деловому признаку, когда коммунисты из руководящих кадров, занимая ответственные посты на транспорте, не знают, не изучают серьезно техники дела и попусту кичатся своим партийным билетом, между тем как знающие дело и умеющие работать беспартийные работники оттираются от руководства, исходя из того, что у них нет партийного билета.

Нельзя наконец терпеть такого положения, когда руководители районов, дорог и управлений НКПС сводят задачи руководства к даче «общих» директив и многочисленных приказов, не видя того, что главное руководство теперь состоит в фактической, повседневной проверке исполнения директив и приказов на месте — в депо, на станции, в дистанции».

Эта большевистская критика, которой подвергли правительство и партия работу ж.-д. транспорта, обязывает коммунистов, рабочих, специалистов добиться резкого перелома в работе железных дорог. Особенно острой является задача обеспечения осенне-зимних перевозок: хлеба, топлива, сырья для металлургических заводов, материалов и оборудования для ударных строек. Уменьшение процента больных паровозов и вагонов, выполнение плана поставки новых вагонов и паровозов ж.-д. транспорту, правильная организация труда на основе упорядочения нормирования труда, введение прогрессивно-премиальной оплаты труда, борьба с обезличкой, еще имеющей место на ж.-д. транспорте, экономия топлива, высококачественный ремонт паровозов и вагонов, концентрация строительства на важнейших участках и объектах, — все это является непременным условием улучшения работы ж.-д. транспорта и подготовки его к осенне-зимним перевозкам.

Все это может быть обеспечено лишь при условии коренной реорганизации аппарата НКПС и его местных органов. Нынешняя структура НКПС и его местных органов содержит в себе ряд бюрократических извращений, без быстрой и решительной ликвидации которых невозможно упорядочить хозяйство ж.-д. транспорта.

В первом полугодии 1932 г. пролетарское государство продолжало разгортывать советскую торговлю и товарооборот. Крайне положительным явлением во всей сфере советского обращения является укрепление денежного обращения, укрепление советского рубля. На протяжении первого полугодия 1933 г. удалось изъять известную сумму денег из обращения благодаря упорядочению финансового

хозяйства, благодаря максимальной экономии, проводимой пролетарским государством на аппарате и на ряде непроизводительных расходов. Это обеспечивает возможность в III квартале, когда усиливаются заготовки, сохранения твердости советского рубля и денежного обращения вообще. Это — величайшее завоевание первого года второй пятилетки, которое мы должны всемерно закрепить.

Укрепление финансовой дисциплины енесло порядок и в розничный товарооборот. Розничный товарооборот в первом полугодии 1933 г. вырос по сравнению с первым полугодием 1932 г. на 25,4%. Оздоровление денежного обращения, укрепление финансовой дисциплины в области зарплаты, развертывание производства ширпотреба и советской торговли привели в большее соответствие спрос и предложение на предметы потребления. В результате этого увеличилась требовательность потребителя к качеству и цене продукции. Этот цовой момент в сфере розничного товарооборота некоторые чиновники поняли как наличие процесса затоваривания в стране. Это не что иное, как бюрократическая выдумка, непонимание того, что увеличилось требование потребителя к цене и качеству продукции. «Затоваривание» имеет место там, где торгующие организации и производители относятся невнимательно к качеству выпускаемой продукции, где торговые организации и производители не заботятся о снижении себестоимости продукции и издержек обращения и таким образом навязывают покупателям продукт за высокую цену. Борьба за качество продукции, борьба за снижение себестоимости и издержек обращения, выпуск необходимого потребителю ассортимента продукции является в настоящее время наиболее острой задачей и условием дальнейшего развертывания розничного товарооборота.

Переход от старой формы рабочей кооперации к отделам рабочего снабжения на ряде предприятий уже дал значительные результаты. Производственные предприятия в значительной степени уже освободились от лишних, не имеющих ничего общего с производством потребителей.

Заводы сумели наладить пригородное хозяйство и создать в известной мере собственные продовольственные базы вокруг предприятий. Задача состоит в том, чтобы обеспечить максимальный рост собственной продовольственной базы социалистических предприятий. Задача состоит в том, чтобы на базе выполнения государственной поставки продуктов развернуть по государственным ценам местные децентрализованные заготовки продуктов.

Нужно помнить, что дело улучшения рабочего снабжения находится целиком в руках рабочих данного предприятия, в руках его руководителей. Особенно острой является задача уборки овощей в пригородных хозяйствах, задача правильного их хранения, задача создания продовольственных запасов на осенне-зимний и весенний периоды.

Партийная экономическая мысль должна усилить свое внимание: к актуальным вопросам социалистического строительства.

В недавно имевшей место дискуссии по поводу закона движения советской экономики наряду с положительными результатами в части выявления социалистических закономерностей движения в переходный период имел место со стороны ряда экономистов схоластический подход к изучению советской экономики. Действительные:

законы развития переходной от капитализма к коммунизму экономики могут быть поняты только на основе изучения конкретных материалов, конкретных итогов социалистического строительства.

Задача состоит в том, чтобы обеспечить разработку вопросов о закономерности развития советской экономики на основе итогов первой пятилетки, на основе всего опыта 15-летнего существования советской страны.

Задача состоит в том, чтобы дать теоретические исследования по таким актуальным вопросам современного этапа, как значение машинно-тракторных станций в социалистической реконструкции сельского хозяйства, как уроки освоения новой техники, как проблема издержек производства и производительности труда. Только на этом пути возможна перестройка работ в области советской экономики. В этом важнейшая задача теоретической мысли в борьбе за выполнение социалистического плана второй пятилетки.

Этот план вполне выполним. Надо крепко ударить по тем оппортунистам, по околопартийным обывателям, которые сеют сомнения в реальности наших планов и всего дела народнохозяйственного планирования. Борьба с оппортунизмом, с двурушниками, с правым уклоном особенно как главной опасностью в период социалистической реконструкции — важнейшее условие дальнейшего движения вперед.

РОСТ НАРОДНОГО ДОХОДА В СССР ЗА 15 ЛЕТ ¹

Победы рабочего класса СССР велики во всех областях народно-хозяйственной и общественной жизни. Но, разумеется, решающее значение имеют победы пролетариата прежде всего и раньше всего в области революционного преобразования самой экономики. Эти победы имеют международное значение. Они оказывают огромное воздействие на развитие международной революции, одной из форм движения которой они сами являются. Недаром Ленин учил партию о том, что «сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой» и «поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное» ².

Проследить основные этапы побед пролетариата в СССР в области экономики можно лучше всего по наиболее обобщающим народно-хозяйственным показателям. Бесспорно, что одним из наиболее синтетических показателей подобного рода является движение нашего народного дохода за весь рассматриваемый период.

Народный доход в период военного коммунизма

Советское хозяйство за 15 лет своего развития прошло несколько основных этапов, отличающихся между собою весьма значительно как по состоянию достигнутого уровня развития производительных сил, так и особенностями развития социалистических производственных отношений, своеобразной расстановкой и соотношением классовых сил, особыми формами и содержанием классовой борьбы, складывающимися на каждом из них.

Мы можем говорить о следующих основных этапах развития нашего хозяйства: этап от Октября до середины 1918 г.; этап военного коммунизма (1918—1921 гг.); восстановительный этап на основе нэпа (1921—1926 гг.); реконструктивный этап социалистического строительства, во время которого создана первая пятилетка (1927—1928 гг.); после года великого перелома (1929 г.) наступила полоса сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, ликвидации безработицы (1930 г.). СССР завершил построение фундамента социалистической экономики и вступил в период социализма. Вступление СССР в период социализма, завершение построения фундамента социализма в СССР, успешное выполнение первой пятилетки в четыре года, — все это знаменует собой совершенно исключительное изменение социального качества нашей экономики, классовой структуры нашего общества. Все это сделало возможным переход к периоду

¹ Извлечение из работы «Итоги и перспективы роста народного дохода советского хозяйства» (1917—1937 гг.), подготовленное автором для серии «На рубеже двух пятилеток» в издании Института экономического исследования Госплана СССР.

² Ленин, т. XXVI, стр. 410—411.

второй пятилетки — периоду борьбы за окончательную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще и построение бесклассового, социалистического общества.

Смена указанных выше этапов социалистического строительства, а внутри их определенных ступеней развития носит, разумеется, не случайный характер. Противоречия, возникавшие в ходе развития каждого из этапов, разрешались в конечном счете переходом на дальнейший новый и высший этап развития. То, что образует непрерывное единство этих этапов, несмотря на их различие в смену, заключается в том, что каждый из них является ступенью развития коммунизма в нашей стране, ступенью строительства бесклассового, социалистического общества. Расширенное воспроизводство нашего народного хозяйства является вместе с тем и расширенным воспроизводством социалистических форм производства, социалистических производственных отношений, что в условиях экономики переходного периода неизменно включает и уничтожение капиталистических элементов и классов вообще.

Особое место в переходном периоде в СССР во всех отношениях занимает этап военного коммунизма.

Мировая война и сменявшая ее война гражданская до крайней степени подорвали развитие производительных сил страны. Достаточно будет здесь только напомнить о том, что у порога Октября продукция промышленности по абсолютным своим размерам сильно сократилась, составив не более $\frac{3}{4}$ довоенного уровня; посевные площади сократились процентов на 5, а урожайность снизилась на 7%. Весь сбор с.-х. продуктов упал процентов на 12, а вся с.-х. продукция (включая животноводство) — процентов на 8 ниже довоенного уровня. При этом надо иметь в виду глубокие структурные сдвиги, происшедшие под влиянием нужд войны в самом составе производимой промышленной продукции. Период 1917—1920 гг. характеризуется дальнейшим падением народного хозяйства. В период 1920 г. промышленность в целом дошла до самого низкого своего уровня со времени мировой войны, составив всего только $\frac{1}{5}$ часть продукции 1913—1914 гг. При этом фабрично-заводская промышленность упала даже до 13% своего довоенного уровня. Сельское хозяйство к этому времени составило меньше 70% уровня 1913—1914 гг. Гражданская война и особенно интервенция (которая была наиболее острой формой гражданской войны, навязанной извне), поддерживавшие и раздувавшие пламя гражданской войны и силу сопротивления разгромленных остатков буржуазии внутри страны, довершили катастрофическое падение производительных сил, которое началось еще раньше — в период империалистической войны. Однако было бы односторонне, а следовательно неправильно видеть в этапе военного коммунизма одну только разруху, сокращение материального процесса воспроизводства. Такой подход к военному коммунизму означал бы переход полностью на буржуазные позиции. Только буржуазная ограниченность в соединении с классовым интересом делает невозможным понятие принципиально нового направления для всего последующего развития хозяйства, которое закладывалось революционным преобразованием этого этапа.

Своеобразие этого этапа заключается в том, что вся экономическая и политическая обстановка того времени (хозяйственная разруха,

³ См. «Пятилетний план», изд. 1929 г., т. I, стр. 15; Л. Крицман, Героический период великой русской революции, изд. 2-е, 1926 г., стр. 154.

блокада, необходимость в этих условиях вести гражданскую войну, отставная завоевания Октября) делала совершенно неизбежной и необходимой революционную перестройку на коммунистических началах производства и распределения во всем народном хозяйстве страны с преобладанием мелкокрестьянского хозяйства. Эта перестройка народного хозяйства осуществлялась в виде гигантской централизации в руках пролетарского государства и его органов на местах по возможности всех, даже мелких средств производства, излишков хлеба, сырья и прочих видов с.-х. продукции (собираемых в порядке продразверстки) и организации централизованного целевого распределения как производившихся промышленных и с.-х. продуктов, так и еще весьма значительных тогда старых запасов материалов, сырья и готовых изделий, перешедших к советской власти после Октября.

Возможность осуществлять довольно длительное время подобного рода систему военно-коммунистических мероприятий в стране с преобладанием мелкокрестьянского хозяйства покоилась тогда на двух важнейших в политическом отношении фактах.

Во-первых, помещики и капиталисты подверглись полной экспроприации — «...разбиты совершенно политически как класс...» (Ленин). Крестьяне получили от рабочего государства землю. Отсюда в крестьянской стране «...первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще». Крестьянин, который прежде, при помещиках и капиталистах, не имел возможности работать на себя и голодал, «в первые при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и питался лучше горожанина»⁴.

Во-вторых, нашествие капиталистов и помещиков, как писал Ленин в тезисах своего доклада на III конгрессе Коминтерна, «...создало, закрепило и оформило военный союз пролетариата и крестьянства за советскую власть». Защиту от капиталиста и помещика могло организовать только рабочее государство, и крестьянство в собственных интересах вынуждено было предоставлять рабочим «продовольствие в ссуду до восстановления крупной промышленности»⁵.

Народное хозяйство в целом, не говоря уже об отдельных его участках, было, разумеется, тогда еще совершенно не подготовлено к ликвидации товарной формы экономических связей между отраслями народного хозяйства и к немедленному введению коммунистических порядков. Неизбежным последствием этого противоречия было то, что старые, индивидуалистические, мелкобуржуазные стимулы к труду были подорваны, в то время как новые, коммунистические стимулы к труду находились еще в зачаточном состоянии. Последние ярко, но эпизодически себя проявляли на отдельных участках («коммунистические субботники»), что конечно не могло приостановить общей экономической разрухи. Разрушения материальных производительных сил гражданской войной, интервенцией и блокадой были чрезвычайно велики. Известно, что эти годы (1917—1920) отмечены катастрофическим падением производительных сил народного хозяйства, ибо к опустошениям периода империалистической войны, которая уже успела основательно подорвать народное хозяйство к моменту

⁴ Ленин, Собр. соч., т. XXVI, стр. 430 (здесь и везде в дальнейшем цитирую по 2-му изданию).

⁵ Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 511.

Октября, присоединились еще разрушения, порожденные интервенцией и гражданской войной.

Но вместе с тем именно на этом этапе диктатура пролетариата закрепила за собою в экономическом отношении основные командные высоты, основные экономические рычаги, без обращения которых в собственность пролетарского государства, без овладения которыми никакое строительство социализма в нашей стране было бы вообще невозможно. То обстоятельство, что эти командные высоты были пролетариатом по необходимости тогда использованы главным образом в целях охраны завоеваний Октября, вооруженного отражения бесчисленных врагов, следовательно использованы в экономическом отношении крайне односторонне и с точки зрения нормальных условий не для развития народного хозяйства, — все это не меняет величайшего исторического значения сосредоточения командных высот в руках пролетарского государства. Пролетарское государство, освободив революционными методами хозяйство страны от феодально-крепостнических пережитков и национализировав капиталистические предприятия, создавало новую социальную форму производственных отношений, которая таила в себе величайший простор для развития производительных сил всего народного хозяйства на новой, социалистической основе, что и сказалось в полной мере уже на следующих этапах развития советского хозяйства.

Что представляет собой наш народный доход на этом этапе?

Поскольку на этом этапе имела место ликвидация товарной формы воспроизводства в решающих частях народного хозяйства, постольку чистая продукция в известной небольшой своей части (на подпольном рынке, который не прекращал действовать на всем протяжении военного коммунизма)⁶ принимала форму нелегального дохода. В подавляющей же своей части чистая продукция или оставалась в своей первоначальной натуральной форме (потребляясь на месте производства) или же подвергалась на первый взгляд чисто формальной (с точки зрения рынка) денежной оценке по твердым ценам, установленным пролетарским государством.

Народный доход начал деградировать к низшим своим формам, ибо он подвергался натурализации в рамках отдельных замкнутых, самодовлеющих районов и хозяйств. Это соответствовало общему распаду народнохозяйственных связей на прежней рыночной основе. Но вместе с тем — и это обстоятельство имеет решающее значение — народный доход у нас сделался орудием диктатуры пролетариата, превращаясь в плановую категорию в тех специфических формах, которые были для него доступны и неизбежны для того времени, когда планирование проявлялось как универсальное планирование всех ресурсов страны для целей и нужд вооруженной защиты революции. Отсюда мы имели не просто формально-счетный характер твердых цен, а плановый (хотя и специфически-плановый) их характер. Превращение народного дохода в орудие диктатуры пролетариата указывает на экономический способ движения чистой продукции в масштабе всего народного хозяйства, на то, каким целям воспроизводства это движение с самого начала подчинено —

⁶ См. в этом отношении работу Р. Вайсберга, Деньги и цены (Подпольный рынок в период военного коммунизма), Москва 1925 г.

именно целям и задачам революции. В этом — его специфичность.

Если ясна эта природа нашего народного дохода, условия его создания и характер его использования в эпоху военного коммунизма, то понятно и то резкое сокращение народного дохода, которое имело место в это время.

К сожалению за весь этот период от 1917 до 1921 г. мы не располагаем никакими мало-мальски достоверными расчетами о движении народного дохода в СССР. Для общей ориентировки мы можем исходить из следующего. Две решающих в этом отношении отрасли, как промышленность и сельское хозяйство, определили направление резкого сокращения нашего народного дохода в тот период. В отношении этих отраслей мы располагаем некоторыми данными. Если валовая продукция всей промышленности и сельского хозяйства, вместе взятых, составляла в 1917 г., по некоторым подсчетам⁷, 85% от довоенного уровня, то в отношении народного дохода (в неизменных довоенных ценах) мы должны говорить о цифре более низкой. Это не только потому, что другие отрасли народного хозяйства могли сократиться в большей степени, чем эти отрасли, но и в силу того, что движение чистой продукции вообще не совпадает с движением валовой продукции. В условиях падения производительности труда и сокращения производства снижение чистой продукции (в неизменных ценах) идет более быстрым темпом, чем снижение валовой продукции. Это означает, что при противоположных условиях можно наблюдать обратную закономерность — более быстрые темпы роста чистой продукции по сравнению с валовой (в тех же неизменных ценах). Эти случаи мы будем иметь возможность отмечать в дальнейшем на других этапах развития советского хозяйства. Следовательно, говоря о народном доходе 1917 г. в отношении к 1913 г., мы можем исходить из цифры не свыше, а скорее даже ниже 80%, т. е. вместо 21,5 млрд. руб. довоенного народного дохода (в неизменных ценах 1926/27 г.) размер народного дохода, доставшийся нам в наследство от капитализма, вероятно составил по некоторым нашим ориентировочным расчетам сумму в размере 16,5 млрд. руб. в тех же неизменных ценах 1926/27 г.

За 1920 г. мы имеем оценку (грубую, как и предыдущий расчет) т. Л. Крицмана, который в своей работе о периоде военного коммунизма полагает, что народный доход в 1920 г. «сократился по крайней мере в 2½, а вероятнее и в полных 3 раза»⁸. Он обосновывает это, исходя из коэффициентов сокращения валовой продукции. Мы считаем, что более вероятно именно первое, т. е. сокращение народного дохода не в 3, а только в 2½ раза. Дело в том, что более поздние данные⁹ (правда, также только приблизительные) по валовой продукции дают менее резкое снижение ее по сельскому хозяйству (вместо цифры несколько ниже 44%, приводимой т. Крицманом, мы имеем сокращение только на 31%, т. е. 69% от довоенного уровня). А сельское хозяйство по своему удельному весу тогда являлось преобладающей отраслью народного хозяйства: удельный вес его был вероятно не менее 60% всего народного дохода. Исходя из того, что валовая продукция промышленности и сельского хозяйства (в довоенных ценах) несколько сократилась в 1921 г. по отношению

⁷ «Пятилетний план», т. I.

⁸ Крицман, Героический период великой русской революции, изд. 2-е, гл. IX.

⁹ «Пятилетний план», т. I.

к 1920 г. (на 20% — только из-за сокращения сельского хозяйства, ибо промышленное производство возросло), мы, применяя этот коэффициент сокращения к народному доходу 1921 г. (который, по нашим расчетам, составил 8,1 млрд. руб. в ценах 1926/27 г.), приходим к цифре народного дохода за 1920 г. в сумме 8,5 млрд. руб., или 40% от довоенного уровня.

За 1921 г. мы имеем оценку Преображенского, который в порядке прикидки в одной из своих брошюр называет цифру в 5 млрд. золотых рублей, что составляет около 35% довоенного уровня. Ориентировочный расчет, произведенный нами, приводит к иной, несколько большей цифре, которая соответствует 37,8% довоенного уровня.

Итак, мы получаем следующий ряд в пересчете на неизменные цены 1926/27 г.¹⁰:

Народный доход СССР
(в неизменных ценах 1926/27 г.)

Г о д ы	Абсолютные данные (в млн. руб.)	В % к 1913 г.
1913	21 492	100,0
1917	16 549	77,0
1920	8 596	40,0
1921	8 115	37,8

Итак, мы видим неуклонное сокращение народного дохода до поразительно низкого уровня, что свидетельствует о колоссальном разрушении производительных сил в результате империалистической и гражданской войны, блокады, интервенции и голода. Приводимые выше данные показывают, что за годы империалистической войны народный доход сократился на 23%, и за период гражданской войны сокращение народного дохода, в корне уже подорванного империалистической войной, произошло еще на 43%, что по отношению к довоенному уровню определило общее сокращение более чем в 2½ раза.

Сокращение народного дохода в период военного коммунизма особенно резко отражая между прочим ту особенность (характерную впрочем и для годов империалистической войны, за исключением разве ее начального периода), что чистая продукция сокращалась здесь быстрее, чем валовая. Это является результатом и резкого падения производительности труда (при котором сокращение накладных расходов непропорционально сокращению продукции) и структурных сдвигов между отраслями (более резкое сокращение крупной промышленности по сравнению с мелкой) и сдвигов, которые произошли внутри отдельных отраслей (например в сельском хозяйстве — более резкое сокращение технических трудоемких культур по сравнению с зерновыми).

Другой характерной чертой для народного дохода в этот период можно считать то, что народный доход, поскольку шло сокращенное воспроизводство народного хозяйства, реализовался только в предметах потребления. Мы знаем по теории воспроизводства Маркса, что уже при простом воспроизводстве народный доход реализуется исключительно только в предметах потребления, ибо по стоимости сумма чистой продукции общих подразделений (средств производства и предметов потребления) равняется валовой стоимости средств потребления. Тем более это справедливо в условиях не только простого, но и сокращенного воспроизводства. Мы даже можем

¹⁰ Подробную таблицу см. на стр. 29.

говорить в известном смысле об аграризации тогда нашего народного доход — его реализации не просто в предметах потребления, а в подавляющей своей части в продуктах сельского хозяйства. (Вспомним, что фабрично-заводская промышленность в 1920 г. составляла только 13% довоенного, а мелкая — повидимому — 20%, в то время как сельское хозяйство все же достигало 69% довоенного уровня.)

Что касается распределительных отношений, которые стояли в центре внимания на этом этапе, то здесь характерным является следующее. Строго централизованное и резко дифференцированное в классовом отношении прямое распределение продуктов дополнялось резко децентрализованным по стране подпольным рынком (с особыми товарными эквивалентами, игравшими фактически роль заместителей золота при совзнаках), действовавшим прямо противоположно системе государственного распределения. Несмотря на то, или, вернее, также и потому, что на государственном централизованном снабжении состояло в 1920—1921 гг. огромное количество людей (по некоторым данным 37,5 млн. чел., не считая многомиллионной армии)¹¹, снабжение было недостаточным. И даже в бюджете рабочих того периода спекулятивный рынок занимал очень видное место — 41% по хлебу, муке и картофелю (речь идет о семьях рабочих и служащих в 28 губернских городах)¹². Ленин в этот период на основании материалов ЦСУ (Центральное статистическое управление) констатировал, что «...приблизительно половину хлеба городам дает Компрод, другую половину — мешечники»¹³.

В чем заключалось своеобразие того типа распределения предметов потребления, которое сложилось в период военного коммунизма? Оно состояло в том, что, как и в области производства, здесь имела место попытка наладить, опираясь на военную и политическую силу пролетарского государства, «распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране» (Ленин), вызванная специфической обстановкой страны, находившейся в этот период на положении вооруженного лагеря. Это значит, что производившиеся тогда в крайне ограниченном количестве продукты распределялись по классовому принципу — «по потребностям», вызванным войной и разрухой, и задачей сохранения основной производственной и революционной силы рабочего класса, независимо от меры труда, от производительности труда. Если при коммунизме распределение по потребностям предполагает наивысшую производительность труда как естественную предпосылку такого принципа распределения продуктов, то здесь все это происходило как раз при обратной предпосылке — наивысшего падения производительности труда.

Основное противоречие, заключенное здесь как в отношении производства, так и распределения, вскрылось со всей силой сейчас же по окончании гражданской войны и обусловило переход к непу — этой нормальной для переходного периода хозяйственной политике пролетариата.

С переходом к непу произошло восстановление на новой основе товарной формы воспроизводства. Товарная форма, которая в условиях диктатуры пролетариата делает возможным сочетать государственные интересы плана (куда входят и задачи по социалистической переделке мелкого крестьянского хозяйства) с личной материальной заинтересованностью мелкого товаропроизводителя, должна была быть

¹¹ Сборник «За 5 лет», 1922 г., стр. 306.

¹² БСЭ, т. XII, стр. 376.

¹³ Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 510.

восстановлена на иных условиях, чем она действовала при капитализме, именно как орудие диктатуры пролетариата, подчиненное его целям и задачам, как орудие расширенного воспроизводства всего народного хозяйства в целом на основе систематического и опережающего роста в нем социалистических форм хозяйства. Своеобразие этого орудия заключается в том, что оно не исключало, а допускало известное возрождение на основе товарной формы воспроизводства также капиталистических элементов в нашей экономике. Вскоре после введения нэпа приостановилось падение производительных сил в народном хозяйстве, особенно в сфере мелкого товарного производства, и начался восстановительный процесс во всем народном хозяйстве.

Народный доход в восстановительный период нэпа

Восстановительный этап был восстановлением довоенного уровня продукции на основе новых, созданных Октябрем производственных отношений. Поэтому он отличался такими особенностями, которые ничего общего с обычным восстановлением разрушенного народного хозяйства не имеют.

В отличие от военного коммунизма пятилетие — 1921—1926 гг. — было периодом социалистического строительства на основе огромного роста производительных сил, периодом расширенного воспроизводства социалистического сектора на основе роста всего народного хозяйства. Этот рост происходил на материальной базе, оставшейся от капитализма и уцелевшей от разрушений империалистической и гражданской войн. Это был в основном период социалистического освоения этого капиталистического наследства с зачатками нового в технико-экономическом отношении реконструктивного строительства.

Буржуазные идеологи трактовали восстановительный процесс по-своему, усматривая в нем начало «оздоровления» всего народного хозяйства в смысле возвращения его в лоно капитализма. Отсюда — сменовеховские контрреволюционные, реставраторские, экономические и политические иллюзии о сущности восстановительного процесса. Разбитая наголову в открытом вооруженном бою буржуазия продолжала утешать и уверять себя во временном характере своего поражения. Пресловутые теории правых о нэпе «как отступлении и только отступлении» созвучно перекликались с этими буржуазными теориями.

Однако правильная большевистская линия нашей партии в вопросах экономической политики predetermined действительно социалистический характер и социалистическое направление восстановительного процесса, который на начальных ступенях своего развития принимал особо противоречивый характер, когда одновременно с быстрым ростом и укреплением позиций социализма все же происходил в нашей экономике абсолютный рост капиталистических элементов при падении их удельного веса. Двойственный характер нэпа в этом смысле был тем базисом, на котором вырастали иезапейливые узоры буржуазной идеологии этого периода. Все они видели только одну сторону нэпа — рост капиталистических элементов, и не видели основного — другой его стороны — мощного, непрерывного роста социалистического сектора во всех решающих индустриальных позициях народного хозяйства.

Экономическая политика диктатуры пролетариата уже периода 1917—1918 гг. была направлена к созданию условий для развертывания на новых социалистических основах восстановительного процесса в народном хозяйстве, столь глубоко подорванного империалистической войной. Однако разразившаяся интервенция и обострение гражданской войны оборвали ход развития этого процесса. Он возобновился лишь в 1921 г. в результате победоносного окончания гражданской войны и интервенции. Он возобновился уже тем самым на новой основе, образуя новую ступень восстановительного процесса в народном хозяйстве, отличную от периода 1917—1918 гг.

Уже 1921 год был годом начала восстановительного процесса для ряда отраслей народного хозяйства, в первую голову для крупной государственной и мелкой промышленности. По сравнению с 1920 г. фабрично-заводская промышленность выросла в 1921 г. на 46,3%. Однако народный доход в целом за этот год показывает дальнейшее снижение, ибо окончание гражданской войны совпало с голодным годом. Продукция сельского хозяйства резко упала (на 13,1%), потянув за собою вниз и народный доход в целом, ибо сельское хозяйство занимало тогда в народном доходе 68,7%, т. е. значительно больший удельный вес, чем это было до войны, когда сельское хозяйство составляло 48,1%.

Государственная промышленность, перестраиваясь на новых началах, разгружала себя от мелких предприятий. Она освободила себя от излишней рабочей силы, собирая и закрепляя за предприятиями старые квалифицированные кадры, рассеявшиеся за время гражданской войны по всей стране. Резко повысив их заработную плату и снабжение, опираясь на старое оборудование и мобилизуя внутренние ресурсы для восполнения нехватавших оборотных средств, промышленность начала развивать огромные темпы в своем развитии, обогнав к 1926 г. довоенный уровень.

Чтобы оценить, насколько велико значение этого факта, достаточно только будет здесь напомнить, что такой знаток довоенной промышленности, как известный буржуазный экономист проф. Гриневецкий, полагал, что на восстановление довоенного уровня промышленности (разумеется, на старых капиталистических основах) потребуется 15—20 млрд. руб. иностранных вложений и период времени в 10—12 лет.

Мы же восстановили промышленность на социалистической основе без иностранных вложений и в период времени в 2 раза меньший, чем предполагал Гриневецкий.

На основе этого развития социалистической промышленности и восстановления с.-х. производства без помещиков и крупнокапиталистических элементов колоссально возрос и народный доход СССР, перевалив уже в 1926 г. за довоенный уровень. Об этом и говорят следующие данные:

Народный доход СССР

(в неизменных ценах 1926/27 г.)

Г о д ы	Абсолютные величины (в млн. руб.)	В % к преды- дущему году	В % к 1913 г.
1913	21 492	—	100,0
1920	8 596	40	40,0
1921	8 115	94,4	37,8
1925	19 588	241,4	91,1
1926	22 950	117,2	106,8

Эти данные говорят об огромных темпах роста нашего народного дохода. Для того чтобы достигнуть в 1926 г. довоенного уровня, народный доход должен вырасти за эти 5 лет больше чем в $2\frac{1}{2}$ раза.

Огромные темпы роста нашего народного дохода не могут быть объяснены просто только наличием старого оборудования, неиспользованных резервов основных фондов. Этот момент конечно был одним из важнейших факторов этого роста, но не сам по себе, а в соединении с другим решающим обстоятельством; рабочий и крестьянин-труженик стали впервые в мире работать на себя и пролетарское государство и, опираясь на командные высоты, направляли труд гигантской страны на дело социализма, на борьбу с капитализмом. Советское хозяйство, восстановив на новых началах рыночные отношения, отнюдь не переставало быть плановым хозяйством. Расширенное госпроизводство сказывалось в этот период не только в огромных, совершенно неслыханных темпах роста производительных сил и народного дохода, а и в том, что оно совершалось на основе неуклонного роста социалистического сектора в народном хозяйстве, а этот рост не мог не быть с самого начала плановым, т. е. результатом экономической политики пролетарского государства.

По старым расчетам Госплана¹⁴ (не вполне сопоставимым с новыми расчетами за более поздние годы реконструктивного периода) социалистический сектор в народном доходе обнаруживал неуклонный рост, достигнув к концу восстановительного процесса примерно около 40%. Эти 40% удельного веса социалистического сектора в народном доходе представляли собой огромную мощь, совершенно непропорциональную 60%, которые в это время занимал распыленный частный сектор. Вся мощь пролетарского государства, вся мощь крупной промышленности—этой ведущей отрасли в социалистической реконструкции всего народного хозяйства, короче говоря, вся мощь командных высот нашего хозяйства, — была на стороне этих 40%. И поэтому легко понять всеопределяющее значение именно социалистического сектора на всем протяжении этого периода, несмотря на преобладание в абсолютном отношении тогда еще частного сектора.

Недаром XIV съезд нашей партии, констатируя бурный рост народного хозяйства в целом, подчеркнул, что «...налицо экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики и продвижение экономики СССР в сторону социализма. Государственная социалистическая промышленность все более становится авангардом народного хозяйства, ведущей за собой все народное хозяйство в целом»¹⁵.

Итак, мы видим, что восстановительный процесс может быть понят во всем своеобразие только тогда, когда мы будем рассматривать его как этап социалистического строительства, чем он и является на самом деле в ходе исторического развития советского хозяйства. В этом его коренное принципиальное отличие от любого «восстановительного процесса», который имел место после империалистической войны в ряде капиталистических стран.

В восстановительный период мы имели и определенные реконструктивные сдвиги, которые произошли в особенности в промышленности и отчасти в области сельского хозяйства.

1926 год является годом некоторого превышения социалистической промышленностью довоенного уровня по валовой и чистой продукции. Однако чрезвычайно важно отметить, что это превышение про-

¹⁴ «К. Ц. 1928—1929 г.», стр. 71.

¹⁵ «Резолюция XIV съезда», М. Гиз, 1925 г., стр. 6.

изошло в условиях, когда численность рабочих еще не достигла довоенного уровня. Число рабочих ценовой промышленности в 1925/26 г. было почти на 15% ниже довоенного¹⁶, в то время как среднемесячная зарплата одного рабочего (включая коммунальные услуги) превысила довоенную зарплату уже почти на 2%.

Это значит, что производительность труда резко повысилась. Измерение производительности труда выработкой в неизменных рублях на одного рабочего дает превышение против довоенного уровня на 8,8% в 1926/27 г., в то время как для 1925/26 г. производительность труда равняется 99,3% довоенного уровня. Эти данные, приведенные в брошюре т. Кржижановского¹⁷, в свете новейших данных являются чрезвычайно минимальными. Более правильным, но тоже отнюдь не безупречным подходом¹⁸ является исчисление выработки на 1 человекочас и 1 человекодень. Произведенное в этом направлении исчисление обнаруживает, что производительность труда к концу восстановительного процесса выросла в человекочасах на 50—60%, а в человекоднях — на 22% выше довоенного уровня.

Мы видим таким образом, что продукция промышленности была восстановлена на базе не довоенной, а новой, более высокой производительности труда.

Этот рост производительности труда является результатом соединения социалистического труда с обобщественными орудиями труда (старым сохранившимся основным капиталом) при значительно возросшем коэффициенте использования основного капитала и загрузки всего предприятия, что в наших условиях является вполне естественным при плановом характере использования его. Это указывает на новое качество восстановительного периода, на новый тип движения производительных сил советского хозяйства. В этом росте производительности труда (обгонявшем рост зарплат) по мере приближения к использованию старого основного капитала была заложена и возможность перехода к реконструктивному периоду, был создан самый материальный источник возможности перехода к нему на базе внутрипромышленного накопления.

Вторым чрезвычайно важным фактом являются те новые сдвиги в структуре промышленной продукции, которые произошли на протяжении восстановительного периода и которые свидетельствуют с несомненностью, что некоторые элементы социалистической реконструкции начинают уже накладывать свою печать и на этот период.

В материалах, опубликованных в журнале ЦУНХУ¹⁹, мы находим чрезвычайно интересную таблицу, которая проливает свет на этот вопрос. Эта таблица следующая:

Валовая продукция в ценах 1926,27 г.

	1913 г.	1926 г.
Вся промышленность	100,0	100,0
В том числе: группа «А»	41,8	44,4
» «Б»	58,2	55,6
Электростанции	1,2	2,1
Машиностроение	6,0	7,6
Электротехника	0,8	1,4

¹⁶ По данным, опубликованным в «Народном хозяйстве», № 3—4 за 1932 г. (стр. 204), мы получаем иной процент (7% ниже 1913 г.). Однако эти цифры исчислены вместе с переменными и домашними работами, что менее показательно.

¹⁷ Кржижановский, Десять лет.

¹⁸ Мы совершенно согласны с оценкой этого метода («как грубого суррогата» правильного показателя), которую дают авторы учебника по статистике (см. «Статистика», изд. Комакадемии, 1932 г., стр. 420).

¹⁹ «Народное хозяйство» № 3—4 за 1932 г., стр. 13.

Мы видим из этой таблицы, что в ходе восстановления нашей промышленности произошли значительные внутренние сдвиги: удельный вес группы «А», т. е. средств производства, поднялся, а группы «Б» — предметов потребления — соответственно понизился, причем такие ведущие отрасли в деле последующей технико-экономической реконструкции всего народного хозяйства, как электротехника, машиностроение и электростанции, выросли в своем удельном весе более значительно, чем это имело место до войны. Это значит, что к концу восстановительного периода, несмотря на перевес сельского хозяйства во всем народном доходе, несмотря на преобладание в промышленности все еще группы «Б» (55,6%), страна оказалась на несколько более высоком индустриальном уровне, чем она была до войны, заложив некоторые необходимые элементы дальнейшей индустриализации уже в восстановительный период.

В этой связи важно также отметить, что к концу восстановительного периода было выстроено 479 новых заводов и промышленных предприятий, а вместе с обновленными и реконструированными старыми предприятиями — всего 1 434 единицы²⁰, наконец то, что первый великий план социалистической индустриализации страны, план ГОЭЛРО, был разработан и утвержден еще в 1920 г. и осуществлялся уже в восстановительный период (это обстоятельство и сказалось на тех сдвигах в промышленности, которые мы отмечали выше). В частности Волховская гидро-электростанция, эта первая крупная гидро-электростанция, построенная на территории СССР, была пущена к концу восстановительного периода (декабрь 1926 г.)²¹.

Если мы обратимся теперь к сельскому хозяйству, то мы и здесь обнаружим также некоторые положительные сдвиги.

Сельское хозяйство²²

1925/1926 г. в % к 1913 г.

Валовая продукция (в млн. руб. по довоен. ценам)	104,1
Посевная площадь (в млн. дес.)	88,7
Валовой сбор (в млн. пуд.):	
а) зерновых	77,6
б) льна	79,4
в) хлопка	72,9
г) масличных	155,0
Количество крупного рогатого скота (в млн. голов)	108,2
В том числе:	
коров	114,2
овец	107,3
свиней	103,7

Прежде всего необходимо отметить, что сельское хозяйство восстановило размер своей довоенной валовой продукции даже на год раньше промышленности, обеспечив необходимые сырьевые и продовольственные ресурсы для восстановления последней. Быстрое восстанов-

²⁰ «Народное хозяйство» № 3—4 за 1932 г., стр. 13.

²¹ «БСЭ», т. XII (в статье ошибочно указано (стр. 826), что съезд советов утвердил план ГОЭЛРО в 1921 г., VIII съезд советов происходил в 1920 г.).

²² К р ж и ж а н о в с к и й, Десять лет хозяйственного строительства СССР, стр. 125. (Проценты на стр. 129 исчислены по сельскому хозяйству совершенно ошибочно.) Абсолютные данные по сельскому хозяйству, приводимые в этой брошюре, нуждаются в ряде уточнений, и мы ими пользуемся здесь только в качестве самой общей иллюстрацией качественных сдвигов, которые происходили в этот период в сельском хозяйстве по сравнению с довоенным периодом. По животноводству в частности мы имели возможность обновить статистические материалы по данным, приведенным в последнем — XXV томе «БСЭ» (стр. 362).

ление промышленности доказывает правильность ленинского выбора в восстановительный период сельского хозяйства как решающего звена, восстановление которого обеспечило возможность восстановления государственной социалистической промышленности, а следовательно и всего народного хозяйства на новых основах. По чистой продукции сельское хозяйство в 1925 г. обгоняет довоенный уровень на 2,4%, в то время как чистая продукция промышленности была тогда еще на 30% ниже довоенных размеров.

Валовая продукция сельского хозяйства восстановилась на базе отнюдь не старой, а более высокой производительности с.-х. труда, взятого в целом, хотя она продолжала тогда базироваться почти всецело на раздробленном, неустойчивом и экономически ненадежном мелком крестьянском хозяйстве.

Если бросить хотя бы беглый взгляд на приведенную выше таблицу показателей по сельскому хозяйству, то она с первого взгляда кажется противоречивой: посевные площади в 1925/26 г. были в целом ниже довоенных размеров; валовой сбор и урожайность — ниже довоенных, за исключением масличных, а валовая продукция в целом в неизменных ценах тем не менее превысила даже довоенный уровень. Разгадка этой противоречивости заложена в сдвигах, происшедших в сельском хозяйстве, в изменении структуры с.-х. продукции, пропорций с.-х. культур. Известное представление о том, в каком направлении происходили сдвиги, дают следующие данные по 1927 г.:

Сдвиги в сельском хозяйстве за восстановительный период²³

I. Посевы (в млн. дес.)

	1913 г.	1927 г.	1927 г. в % к 1913 г.
Всего	100,0	100,0	
Зерновые	88,3	84,2	92,2
Всего технических и интенсивных культур	11,7	15,8	130,4
В том числе:			
картофель	3,3	4,7	138,8
подсолнух	1,2	2,6	215,3
леп	1,5	1,5	94,1
конопля	0,6	0,8	130,8
сахарная свекла	0,5	0,6	107,0
хлопок	0,6	0,7	115,6

II. Скот по видам (в млн. голов, 1916 г.=100,0)²⁴

	1926 г. в % к 1916 г.
Лошади	81,6
Крупный рогатый скот	108,2
В том числе:	
коровы	114,2
овцы	107,3
свиньи	103,7

Площади зерновых культур сократились на 8% по сравнению с довоенным периодом, а площади технических и интенсивных культур увеличились на 30% по сравнению с довоенными. То же относится и к животноводству: лошади дают — 18,4% к 1916 г., свиньи + 3,7%, а крупный рогатый скот + 8,2%, коровы + 14,2%, овцы + 7,3%, причем довоенный уровень по коровам был достигнут уже в 1923 г., по свиньям — в 1924 г., а по овцам — в 1925 г. Таким образом мы

²³ Кржижановский, Десять лет.

Данные взяты из «БСЭ», т. XXV, стр. 362, изд. 1932 г.,

видим, что животноводство обгоняло по темпу восстановления земледелие (посевная площадь к базе 1913 г. дала в 1925 г. только 88,7%) и следовательно удельный вес его во всей с.-х. продукции должен был возрасти.

Отсюда следует, что одновременно с восстановлением сельского хозяйства внутри его производственной структуры произошли определенные изменения по сравнению с довоенным периодом. Меняется соотношение между животноводством и остальными отраслями сельского хозяйства в сторону повышения удельного веса животноводства. Внутри самого животноводства возрастает удельный вес наиболее высокоценных отраслей животноводства — крупного рогатого скота, коров и т. п. Меняется соотношение с.-х. культур внутри растениеводства — возрастает удельный вес технических и интенсивных культур.

Это не случайные сдвиги в сельском хозяйстве. Если отвлечься от ряда отрицательных моментов (сокращение энергетической базы сельского хозяйства, живой тягловой силы, дробление с.-х. участков, понижение урожайности), в основном эти сдвиги отражают коренное изменение условий с.-х. производства, созданное Октябрем, уничтожившего помещика и крупного капиталиста и развязавшего производительные силы середнячко-бедняцкого крестьянства под руководством рабочего класса.

В отношении трудящихся крестьян чрезвычайно характерным является то, что «по посевным площадям в целом по Союзу ССР имеется достижение довоенных размеров крестьянских посевов и даже расширение за довоенные пределы за счет перешедших в руки крестьян помещичьих земель»²⁵.

Вместе с тем необходимо наряду с этим иметь в виду, что Октябрьская революция создала новую структуру потребления городского и самого сельского населения в стране, обусловила новую структуру спроса на с.-х. сырье со стороны нашей социалистической госпромышленности. Совокупное действие этих факторов перераспределяло массу с.-х. труда на более трудоемкие, более квалифицированные с.-х. продукты. С.-х. производство мелких товаропроизводителей стало более производительным в результате октябрьского переворота, ибо сельское хозяйство освободилось от феодально-капиталистической дани. Потребление крестьянства возросло. Резко подымался спрос на с.-х. продукцию со стороны городского населения и на с.-х. сырье со стороны госпромышленности.

Но было бы все же неправильным эти несомненно важные сдвиги в структуре с.-х. производства трактовать как какую-то реконструкцию сельского хозяйства. Это означало бы забыть основное и решающее для характеристики этого периода, а именно — то, что сельское хозяйство продолжало оставаться отсталым мелким крестьянским хозяйством, что возможности роста производительных сил на этой основе были вообще крайне ограничены, ничтожны и совершенно не отвечали растущим нуждам развития самой социалистической промышленности и задачам подъема жизненного уровня и потребления рабочих и вообще трудящихся. Это означало бы забыть, что на этой унаследованной от капитализма основе невозможно избавить многомиллионное трудящееся крестьянство от нищеты и невежества, что длительное сохранение мелкого крестьянского хозяйства представляло

²⁵ «Контрольные цифры» Госплана на 1926/27 г., стр. 35.

величайшую экономическую и политическую опасность, поскольку оно порождало ежеминутно капитализм и сохраняло базу для восстановления капитализма в СССР, а «советская власть, — как учил партию вслед за Лениным т. Сталин, — не может долго базироваться на двух противоположных основах, на крупной социалистической промышленности, которая уничтожает капиталистические элементы, и на мелком единоличном крестьянском хозяйстве, которое порождает капиталистические элементы»²⁶.

Это решающее противоречие не было и не могло быть еще преодолено в восстановительный период. Оно начало с особой силой сказываться по окончании восстановительного и с переходом к реконструктивному периоду. Только в результате сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса на этой основе сельское хозяйство вступило в полосу подлинной технической революции, что составляет содержание уже последующего этапа развития сельского хозяйства. Поскольку коллективизация сельского хозяйства в рассматриваемый восстановительный период представлена совершенно ничтожными долями процента, сельское хозяйство и к концу этого периода оставалось самой отсталой отраслью нашего народного хозяйства.

Если мы теперь перейдем к народному хозяйству в целом, то в наиболее обобщающих показателях по народному доходу мы имеем следующее выражение восстановительного процесса:

Народный доход СССР за восстановительный период 1921—1926 гг.

(в неизменных ценах 1926/27 г.)

Отрасли народного хозяйства	1913 г.	1921 г.	1926 г.	В % к 1913 г.		1926 г. в % к 1921 г.	В % к итогу		
				1921 г.	1926 г.		1913 г.	1921 г.	1926 г.
Промышленность цензовая	4 263,4	810,0	4 296,5	19,0	100,8	530,4	19,8	10,0	18,7
В том числе:									
группа «А»	1 790,6	363,8	1 907,6	20,3	106,5	524,5	8,3	4,5	8,3
* «Б»	2 472,8	446,3	2 388,9	18,0	95,6	535,3	11,5	5,5	10,4
Промышленность цензовая с акцизом . .	5 109,3	967,0	5 226,6	17,9	96,6	540,5	25,2	11,9	22,8
Промышлен. мелкая . . .	1 236,7	371,0	1 491,4	30,0	120,6	402,0	5,7	4,6	6,5
Строительство	1 227,0	245,4	1 342,4	20,0	109,4	547,0	5,7	3,0	5,8
Сельское хозяйство * . .	10 338,8	5575,0	10 922,2	53,9	105,6	195,9	48,1	68,7	47,8
Транспорт (ж.-д., водный и гужевой) . .	1 219,9	305,0	1 234,3	25,0	101,2	404,7	5,7	3,7	5,4
Торговля	1 819,1	605,8	2 247,5	33,3	123,6	371,0	8,5	7,5	9,8
Прочие отрасли	240,7	45,7	485,4	19,0	201,7	1062,1	1,1	0,6	2,1
Итого	21 491,5	11 449,9	22 949,8	37,8	106,8	282,8	100,0	100,0	100,0

²⁶ Сталин, Итоги первой пятилетки.

²⁷ Здесь и в дальнейшем мы пользуемся специальными расчетами о движении нашего народного дохода, произведенными нами за период 1913—1933 гг. Для этих же расчетов нами произведен впервые перевод народного дохода за 1913 г. из довоенных цен в неизменные цены 1926/27 г. Тем самым мы избегаемся при всякого рода сопоставлениях с 1913 г. от пресловутых довоенных цен.

* Включая чистую продукцию лесного хозяйства, рыболовства, охоты и домашней переработки с.-х. продукции, имеющей рыночный характер.

Народный доход в целом вырос за этот период с 8,1 млрд. руб. до 22,9 млрд. руб., т. е. в 2,8 раза, чистая продукция строительства возросла почти в 5,5 раза, цензовая промышленность — в 5,3 раза, мелкая — в 4,6 раза, а сельское хозяйство почти удвоилось.

Почти все отрасли народного хозяйства по чистой продукции (за исключением группы «Б» по промышленности) не только достигли, но и превысили довоенный уровень. Так, сельское хозяйство превысило довоенный уровень на 5,6%, мелкая промышленность — на 20% и строительство — на 9%.

Самый высокий темп роста по отношению к 1921 г. мы видим в строительстве. Здесь сказывается не только то, что в восстановительный период в социалистическом секторе имело место строительство новых промышленных предприятий. Важно отметить, что удельный вес нового строительства в общих затратах неуклонно рос, составляя в 1926/27 г. около 63%²⁸. В одной только цензовой промышленности, как это мы уже отмечали, было построено 479 новых заводов, а всего реконструировано, обновлено и построено новых заводов 1 434²⁹.

В этот период шло также очень большое крестьянское строительство. Оно падает главным образом на первые годы восстановительного периода.

Все это определило ряд сдвигов в отраслевой структуре народного дохода.

Если в 1921 г. сельское хозяйство занимало 68,7% в народном доходе, то в 1926 г. оно снизилось до 47,8% (ниже довоенного уровня), что означало перераспределение производительных сил из сельского хозяйства в индустриальные сферы труда — в мелкую промышленность, строительство, торговлю и другие отрасли. При этом любопытно отметить, что мелкая промышленность сильно подняла свой удельный вес, в то время как удельный вес группы «Б», как это мы отмечали выше, упал по сравнению с довоенным уровнем, хотя абсолютно валовая продукция группы «Б» почти сравнялась с ним.

В приведенной выше таблице (стр. 129) удельный вес цензовой промышленности (без акциза) в народном доходе равняется 18,7%, т. е. несколько ниже довоенного (в 1928 г. он уже подымается до 21,6%, обгоняя довоенный уровень)³⁰.

Итак, бурные темпы роста народного дохода в восстановительный период на основе неуклонного возрастания в нем доли, приходящейся на социалистические формы хозяйства, являются выражением социалистического характера восстановительного процесса.

Еще более рельефно и ярко выражают социалистический характер восстановительного процесса отношения распределения нашего народного дохода, а ведь «вопрос о распределении народного дохода по классам, — как подчеркнул т. Сталин на XVI съезде партии, — является коренным вопросом с точки зрения материального

²⁸ Ж р ж и ж а н о в с к и й, Десять лет, стр. 59.

²⁹ «Народное хозяйство» № 3—4, стр. 13.

³⁰ Необходимо оговориться относительно этих данных по промышленности, что эти показатели вероятно несколько преуменьшают выражение наших успехов в силу несовершенства того метода составления непрерывного ряда по народному доходу, который мы здесь по целесообразности были вынуждены применить. Напомним, что при исчислении народного дохода за годы до 1928 г. мы вынуждены были приравнять темпы роста народного дохода за хозяйственные годы к календарному. Ясно, что если бы была возможность пересчитать данные промышленности поквартально, то при нарастающих, особенно в IV квартале, темпах роста промышленности мы имели бы для календарного года в целом более высокие темпы роста.

и культурного положения рабочих и крестьян»³¹. Приводим здесь следующие данные:

Распределение народного дохода в восстановительный период
(1924 — 1926 гг. в млн. черв. руб.)

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	В % к предыдущему году		1926 г. в % к 1924 г.	В % к итогу		
				1925 г.	1926 г.		1924 г.	1925 г.	1926 г.
I. Несельскохозяйственное население	5423,9	7053,0	10054,0	130,0	142,5	185,4	35,8	35,3	38,1
1. Пролетариат		4490,2	6741,8	165,7	150,1			22,5	25,5
В том числе:									
Рабочие	2710,1	2169,0	3338,1	150,0	153,9	227,3	17,9	10,9	12,6
Служащие		1896,2	2821,5		148,8			9,5	10,7
Прочее пролетарское население		425,1	582,2		137,0			2,1	2,2
2. Кооперированные производители		1420,1	134,7						0,9
3. Ремесленники, кустары	2713,8		1510,6	110,1	122,9	143,5	17,9	7,1	5,7
4. Капиталистическая группа		732,6	1126,0		153,7			3,7	4,3
В том числе:									
Торговцы		—	—	—	—	—	—	—	—
5. Прочее население		410,1	440,9		107,5			2,0	1,7
II. Сельскохозяйственное население	8534,0	10204,9	14024,6	126,6	129,8	164,3	56,4	54,2	53,1
1. Пролетариат	179,6	34,8	491,7	126,9	138,6	17,8	1,8	1,8	1,9
2. Колхозники	8254,4	9402,0	12074,4	126,6	128,4	163,9	54,6	47,1	45,7
3. Единичники		1048,1	1458,5		139,1			5,3	5,5
4. Кулаки									
III. Итого	13957,9	17857,9	24078,6	127,9	134,8	172,5	92,2	89,5	91,2
IV. Доходы предприятий общественного сектора	1174,5	2089,4	2319,3	177,9	111,0	197,5	7,8	10,5	8,8
V. Всего	15132,4	19947,3	26397,9	131,8	132,3	174,4	100,0	100,0	100,0

Было бы очень важно эти данные сравнить с распределением народного дохода капиталистической России. Однако в отношении довоенного периода о распределении народного дохода, как известно, имеется очень мало данных. Из старых источников укажем на работы Прокоповича и на «Опыт приблизительного исчисления народного дохода» 1906 г., произведенного министерством финансов (повторен в 1911 г.— «Подходный налог», СПб 1911 г.).

Разумеется, у Прокоповича, буржуазного экономиста, мы напрасно стали бы искать ясного понимания классовой структуры общества (да и буржуазная статистика вообще очень мало что дает на этот счет, а довоенная российская — еще меньше). Он делит народный доход просто на «трудовой» и на «нетрудовой». В категорию трудовых доходов у него попадает и «голодная рента» — арендные платежи крестьян помещикам и доходы кулацких хозяйств, ибо «крестьяне»

³¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 521.

у него не расчленены в социальном отношении, а кабальные платежи не исключены из доходов крестьян. Далее, доходы ремесленно-кустарной промышленности у него на все сто процентов носят «трудо-вой» характер, т. е. совершенно лишены элементов капиталистического характера. В этих условиях легко понять, насколько пользование его цифрами должно быть обставлено оговорками об их небольшой достоверности. То же относится к другому упомянутому документу, где исчисление дается на основе иных данных, причем доходы «имущих» оцениваются в 20% от всего народного дохода.

Но даже по этим явно преуменьшенным данным Прокоповича доходы «нетрудящихся», имущих классов составляли в народном доходе до войны 22,4%, т. е. видимо приближались к $\frac{1}{4}$ всего национального дохода. В добывающей и обрабатывающей промышленности, по его же данным, доля нетрудящихся доходила до 33,8%. По данным же министерства финансов, численность «имущих классов» (имеющих доход свыше 10 тыс. руб.) составляла в 1909—1910 гг. 696,7 тыс. чел., т. е. 0,4% всего населения, а доходы их составляли 2 645 млн. руб., т. е. около 19—20% всего народного дохода.

Какова же была тогда доля пролетариата в народном доходе? Прямых данных в этих материалах не имеется. Но известное представление о доле пролетариата могут дать данные о численности рабочих в ценовой промышленности и о среднемесячной зарплате рабочего в 1913 г.²² Воспользовавшись этими данными, мы получаем 782,4 млн. руб. (у Прокоповича сумма зарплаты по промышленности получается в 764 млн. руб., т. е. почти совпадает с нашей). Добавляя к этой цифре сумму зарплаты остальных категорий наемного труда на транспорте, в строительстве, рыболовстве и торговле по грубым расчетам Прокоповича, мы подходим к цифре всего фонда заработной платы до войны в 2 250 млн. руб.

Так как весь народный доход, с которым он оперирует, равен 11,8 млрд. руб., то получается, что доля пролетариата в народном доходе составляла тогда 19,1%. Это видимо без зарплаты в сельском хозяйстве. Если же добавить эту последнюю (по контрольным цифрам на 1926/27 г. она составляла 540 млн. руб.), то доля пролетариата подыметя до 20,8%.

В контрольных цифрах на 1926/27 г. приводятся данные о том, что в 1913 г. доходы лиц наемного труда составляли 3 300 млн. руб. (стр. 214), в то время как фонды зарплаты, приводимые в другом месте (стр. 302), составляли во всех отраслях сумму в 3 218 млн. руб. (очевидно сделана некоторая надбавка к фондам зарплаты за счет так называемых «прочих» (кроме зарплаты) источников дохода пролетариата), что к сумме приводимого там довоенного дохода (отличающегося от нашей цифры) составило 22%.

Таким образом оба источника примерно совпадают (21—22%) в определении доли, хотя расходятся значительно в абсолютных размерах приводимых данных как в отношении доходов пролетариата, его численности, так и общих размеров народного дохода.

Доля пролетариата в народном доходе в 1926 г. составляла у нас 27,4%. Это в исчислении распределительным (так называемым личным) методом, который в силу несовершенства счета (наличие повторного учета) всегда несколько преувеличивает общую сумму народного дохода и следовательно при прочих равных условиях не-

²² К р ж и ж а н о в с к и й, Десять лет (см. в конце этой брошюры сводные статистические таблицы).

сколько преуменьшает долю пролетариата. При сравнении же с довоенными расчетами это означает, что для 1913 г. доля пролетариата в размере 21—22% несколько преувеличена, ибо довоенный размер народного дохода, как известно, и у Прокоповича исчислен производственным (так называемым реальным) методом, который менее, чем распределительный метод, подвержен повторному счету. Вот почему мы полагаем, что доля пролетариата в народном доходе царской России едва ли превышала $\frac{1}{5}$ его части, стало быть может быть принята в размере 20%.

Если учесть, что численность рабочих в 1926 г., как это мы уже отмечали выше, была ниже довоенного уровня, то само по себе это огромное повышение доли пролетариата по сравнению с довоенным уровнем с 20 до 27,4% означает не только чрезвычайно большую рост суммы доходов пролетариата, но и рост дохода на одного работающего и на душу рабочей семьи за эти годы (сумма доходов вырастает почти до 220% к 1924 г.). Если денежная зарплата к концу восстановительного периода больше чем удвоилась, то так называемая реальная зарплата выросла процентов на 70.

Следовательно доля пролетариата тем самым еще более повышается. Кроме того необходимо принять во внимание, что рабочий класс в СССР принимает участие в распределении народного дохода не только в форме зарплаты, но и в других новых формах, о которых будет идти речь ниже. Здесь лишь подчеркнем значение такого элемента, как так называемая «социализированная зарплата». В контрольных цифрах на 1928/29 г.³³ мы находим данные об этих фондах — они составляли в 1925/26 г. 722,4 млн. руб., а в 1926/27 г. — 872,3 млн., т. е. примерно процентов 10 от фондов зарплаты городского пролетариата.

Это движение доли пролетариата говорит не только о количественной разнице в уровне по сравнению с довоенным периодом, оно говорит о новом качестве — о новой закономерности в движении доли пролетариата в народном доходе, присущей только советскому хозяйству. Новое, принципиально отличное положение пролетариата в СССР и курс на социалистическую индустриализацию страны обуславливают то, что с общим ростом народного дохода растет и доля в нем пролетариата. Если в восстановительный период, о котором мы говорим, буржуазные экономисты источник наших высоких темпов народного дохода и бурного роста в нем доходов пролетариата искали только в конъюнктурных преходящих особенностях самого восстановительного процесса «как такового», т. е. независимо от его социальной формы, то все последующее развитие по завершении восстановительного процесса это полностью опровергло. Они не поняли и не могли понять того, что в отношениях распределения народного дохода немедленно должны были сказаться новые, социалистические отношения производства, которые начали развиваться в стране пролетарской диктатуры. Главнейшие буржуазные и помещичьи источники доходов были революцией уничтожены.

Отсюда — резкий упадок удельного веса капиталистических эле-

³³ «Контрольные цифры народного хозяйства Госплана» на 1928/29 г., стр. 162. Любопытно отметить, что в контрольных цифрах на 1926/27 г. в анализе отнесший распределения народного дохода нет никаких указаний относительно роли и значения фондов соцстраха для характеристики материального и культурного и жизненного уровня пролетариата в СССР. Игнорирование этого элемента тогда было проявлением меньшевистствующей статистики (засилье которой было в тот период в работах Госплана достаточно велико).

ментов в народном доходе. По городу он в 1926 г. составлял 4,3%, а по селу — немного больше: 5,5%³⁴.

Отсюда наконец и то, что государственные социалистические предприятия по мере своего восстановления начали приносить также доходы и образовали другую составную часть «доходов пролетариата и вообще трудящихся» (Сталин), которые в подавляющей своей части пролетарское государство направляло на дело социалистического строительства. Эта доля доходов предприятий социалистического сектора росла даже быстрее доходов всего населения (рост почти в 2 раза), за исключением доходов пролетариата, которые поступают к нему в порядке индивидуального распределения и которые растут быстрее доходов всех категорий населения. Удельный вес доходов социалистического сектора в народном доходе с 7,8% в 1924 г. поднялся до 8,8% в 1926 г.

Все остальные категории доходов — доходы сельских и городских кустарей и ремесленников без наемного труда, доходы середняка-крестьянина, этой центральной фигуры земледелия в этот период, — доходы трудовые. Следовательно подавляющая часть всего народного дохода в СССР принадлежит пролетариату и всем остальным категориям трудящегося населения страны. Только меньше 10% удалось восстановить ожившим (и вновь народившимся на дрожжах товарного производства) осколком капитализма. Это оживление было последним отблеском накануне рокового для капитализма перелома, когда диктатура пролетариата, окрепший социалистический сектор перешли в решительное наступление на капиталистические элементы по всему фронту. Таким образом наше распределение народного дохода, коренным образом отличающееся от распределения народного дохода при капитализме, направленное на дело построения социализма и ликвидацию капитализма, было завоевано в Октябре и с тех пор стало неотъемлемой частью тех новых закономерностей, которые присущи советскому хозяйству.

При анализе нашего народного дохода на этапе военного коммунизма мы говорили об особом характере нашего народного дохода как орудия диктатуры пролетариата. На восстановительном этапе происходит закрепление и дальнейшее развитие этого особого характера и роли нашего народного дохода. Это сказывается прежде всего на высоких темпах роста нашего народного дохода, неизвестных капитализму, и на росте социалистического сектора в народном доходе, а отсюда — в новом соотношении накопления и потребления и в изменении самой структуры потребления народного дохода. Это сказывается и в новом социалистическом типе распределения народного дохода между классами, в изменении соотношений между группами «А» и «Б» в промышленности и между промышленностью и сельским хозяйством.

Народный доход как база и орудие для развития социализма против капитализма давал себя знать на всем протяжении военного коммунизма в фактах существования системы продрозверстки и государственного централизованного снабжения, против подпольного рынка спекуляции и мешочничества. Тогда борьба с капитализмом за распределение народного дохода велась за сохранение предпосылок разви-

³⁴ См. основную работу по распределению народного дохода за восстановительный период — работу комиссии Совнаркома «О тяжести обложения в СССР», изд. НКФ, на которую опирался в своих исчислениях в свое время и Госплан.

тия социализма в дальнейшем, по окончании гражданской войны. В период же восстановительный специфический характер нашего народного дохода полностью обнаруживает себя в борьбе за социалистический характер самого восстановительного процесса, за социалистическое распределение производительных сил и создание новых пропорций воспроизводства в народном хозяйстве, необходимых для обеспечения роста социализма в нашей стране, для вытеснения и ограничения, а затем, на следующем этапе, и ликвидации капиталистических элементов в нашей экономике и классов вообще. Следовательно здесь в отличие от периода военного коммунизма речь шла уже не столько о распределении наличного, уже созданного народного дохода и его перераспределении, сколько за самую форму создания — капиталистическую или социалистическую. В отношении распределения необходимо отметить, что с введением нэпа мы отошли от прямого распределения продуктов к распределению их на основе доходов. Это значит, что планирование потребления начало происходить через посредство планирования доходов (что включает борьбу с антагонистическими, спекулятивно-капиталистическими формами дохода). Планирование доходов осуществлялось в порядке планирования средней зарплаты и численности рабочих в государственном секторе, определенной политикой цен на с.-х. и промышленную продукцию и транспортные услуги (тарифы) и мероприятиями налогового характера.

Переход к этой форме участия населения в распределении народного дохода стимулировал поднятие личной заинтересованности и производительности труда, не отменяя в то же время планового социалистического характера движения народного дохода и его распределения, а укрепляя его на иных основах, вполне соответствовавших новой ступени развития советского хозяйства.

Анализ отношений производства и распределения народного дохода в СССР показывает, что борьба партии за социалистический характер восстановительного процесса увенчалась полной победой.

Партия вела решительную борьбу на два фронта как против правого оппортунизма, который не видел опасностей и противоречий нэпа, опасности возрождения и реставрации капитализма и возможности в условиях нэпа раскола между рабочим классом и крестьянством, так и против троцкизма и его разновидности в лице зиновьевщины и каменевщины, который выступал в этот период с теорией невозможности построения социализма в одной стране — в СССР, с теорией отрицания социалистической природы наших государственных промышленных предприятий, с теорией нэпа как перманентного отступления и абсолютной непреодолимости нашей технико-экономической отсталости внутренними силами нашей страны без государственной помощи победившего пролетариата в решающих капиталистических странах и т. д.

В борьбе против этих двух уклонов от генеральной линии, в борьбе против примиренчества к ним партия не только успешно завершила задачи восстановительного периода, укрепила базу социализма в стране и на этой основе обеспечила рост всего народного хозяйства и подъем материального и культурного уровня жизни рабочего класса и трудящихся масс крестьянства, но и подготовила пролетариат к переходу на новую и более высокую ступень социалистического строительства в последующий, реконструктивный период.

XV съезд нашей партии, оглядываясь на пройденный путь развития советского хозяйства, в своих директивах по составлению первой пятилетки подчеркнул, что «...на пороге перехода от восстановительного к реконструктивному периоду социалистическая промышленность и другие командные высоты играют уже решающую и ведущую роль во всем народном хозяйстве, государственная и кооперативная торговля обнимает собой подавляющую часть общего товарооборота страны» и что «...обобществленный сектор народного хозяйства определяет собой общее направление развития, вытесняя частный капитал, беря на буксир и постепенно преобразуя хозяйство простых товаропроизводителей — крестьян»³⁵.

Этим самым были созданы те условия, которые дали возможность подготовить и осуществить переход «от наступления социализма на отдельных участках хозяйственного фронта к наступлению по всему фронту и в области промышленности и в области сельского хозяйства» (Сталин), что во всей своей полноте развернула партия в период борьбы за пятилетку и воплотила в решающих итогах реконструктивного периода — в блестящих итогах выполнения пятилетки в четыре года.

Реконструктивный этап социалистического строительства и итоги пятилетки по народному доходу

Основные экономические и политические итоги первой пятилетки наша партия подвела в докладе т. Сталина на январском пленуме ЦК и ЦКК. Одним из синтетических показателей наших успехов является движение народного дохода.

Для характеристики темпов роста народного дохода в реконструктивный период чрезвычайно показательны следующие данные:

Народный доход СССР
(в неизменных ценах 1926/27 г.; в млрд. руб.)

1913 г.	1926 г.	1932 г.	1927 г. в % к 1913 г.	1932 г. в % к	
				1926 г.	1913 г.
21,5	22,9	45,5	106,8	198,1	211,6

Если к концу восстановительного периода наш народный доход достиг и несколько превысил довоенный уровень капиталистической России (106,8%), то на основе блестящих успехов выполнения пятилетки в четыре года, одним из выражений которых является бурный рост народного дохода, размер последнего уже к концу 1932 г. удвоился за рассматриваемый период, превысив довоенный уровень более чем в 2 раза (211,6% к 1913 г.).

Ведущими отраслями этого бурного роста являются индустриальные сферы труда, в первую очередь наша крупная социалистическая промышленность и строительство при абсолютном значительном росте и сельского хозяйства.

Доля мелкой промышленности, несмотря на абсолютный прирост,

³⁵ «Резолюции XV съезда ВКП (б)», Гиз, 1928 г., стр. 44—45.

обнаруживает неизменное снижение. Наша мелкая промышленность развивается конечно значительно медленнее, чем крупная. В этом сказывается процесс социалистической концентрации в нашей промышленности. Еще более резко этот процесс сказывается в сельском хозяйстве.

В результате успешного выполнения пятилетки в четыре года мы имели совершенно неслыханный темп роста чистой продукции крупного промышленного производства — за четыре года — на 161,1%, что означает превышение довоенного уровня в 3,7 раза.

Необходимо отметить, что если по валовой продукции промышленности мы имеем небольшое недовыполнение плана от уровня последнего года пятилетки (93,7%), то по чистой продукции мы имеем превышение плана (к уровню последнего года пятилетки — 102,7%). Это объясняется структурными изменениями, которые произошли внутри самой промышленности в ходе выполнения плана, а именно значительным повышением доли тяжелой промышленности (группа «А») в совокупном промышленном производстве. Так как удельный вес чистой продукции в валовой выше (если исчислять валовую продукцию по отпускным ценам и без акциза) именно в этих отраслях по сравнению с группой «Б», то уже одно это смещение должно было сказаться более высоким темпом роста совокупной чистой продукции по сравнению с валовой продукцией всей ценовой промышленности.

Но наряду с этим здесь сказывается действие другого и притом более могущественного фактора — роста производительности труда в условиях непрерывного роста масштабов производства и технической реконструкции его. В этих условиях материальные издержки производства в результате снижения норм расходования сырья, топлива, вспомогательных материалов и амортизации уменьшаются на единицу продукции и вместе с тем возрастает масса новых ценностей, создаваемых в единицу рабочего времени, что обуславливает более высокий темп роста чистой продукции по сравнению с валовой в неизменных ценах и притом только в этих ценах как в отраслях тяжелой, так и легкой индустрии.

Закономерности движения чистой и валовой продукции имеют огромное теоретическое и практическое значение для понимания факторов роста чистой продукции и ее планирования. Это большая тема для специального исследования. Одно ясно, что самая возможность различного движения чистой и валовой продукции проистекает из того факта, что, в то время как чистая продукция представляет собою массу овеществленного живого труда, валовая продукция представляет собою совокупность не только живого, но и мертвого (прошлого) труда. Другими словами, рост чистой продукции обусловлен всецело факторами, лежащими на стороне живого труда — его массы, его интенсивности, его квалификации. Рост же валовой продукции помимо всех этих моментов очевидно обусловлен еще также факторами, лежащими на стороне уровня техники, состояния оборудования, качества сырья, топлива, вспомогательных материалов и пр. Таким образом, если говорить о капитализме, то рост органического состава капитала самым непосредственным образом влияет на рост валовой продукции и изменение структуры производства в направлении повышения удельного веса c (постоянной части капитала) в совокупном валовом продукте ($c + v + m$), что означает снижение чистой

продукции по отношению к валовой ($\frac{v+m}{c+v+m}$). Насколько эта тенденция проявляется в отдельных отраслях в различные периоды развития капитализма, может быть установлено лишь в результате специального изучения относящегося сюда конкретного материала, что, как известно, пока еще в таком виде никем не проделано. Но поскольку с н и ж е н и е удельного веса чистой продукции в валовой обусловлено ростом органического состава капитала, эта тенденция к снижению является законом движения чистой продукции при капитализме. Но эта же тенденция находит свое обратное выражение в таком движении чистой и валовой продукции в неизменных ценах, при котором (при тех же условиях) удельный вес чистой продукции в валовой *п о в ы ш а е т с я* вследствие более замедленного (непропорционального) росту валовой продукции) возрастания элементов производственного потребления при производстве данного объема продукции. В отличие от того, что имеет место при капитализме, в СССР мы наблюдаем возрастание удельного веса чистой продукции в отношении валовой не только в неизменных ценах, но и в ценах соответствующих лет, что связано с некоторыми специфическими условиями ценообразования у нас. Мы ограничимся здесь лишь сказанным, ибо имеем намерение специально осветить в нашей литературе этот чрезвычайно важный вопрос.

Таким образом темпы роста чистой продукции обгоняют темпы роста валовой, что закрепляет ведущую роль социалистической промышленности в ходе социалистического расширенного воспроизводства и создания народного дохода.

Очень высокие темпы роста обнаруживает также за все эти годы (за исключением последнего года) строительство, чистая продукция которого составляет 217% к уровню 1928 г. и превосходит немногим меньше, чем в 3,5 раза, уровень 1913 г.

Мы полагаем, что эти данные по чистой продукции строительства несколько преуменьшены. Как известно, заводы, всякого рода здания и сооружения, которые мы строим, у нас принято оценивать по себестоимости в отличие от всех прочих отраслей народного хозяйства, т. е. без учета в этой области «прибыли» как элемента накопления, создаваемого трудом внутри самого строительства как особой сферы его приложения. Этот условный счет, принятый только у нас, в СССР, не может не приводить при нормальных условиях к преуменьшению размеров создаваемой здесь чистой продукции. Это обстоятельство нам особенно важно иметь в виду при всякого рода сопоставлениях с капиталистическими странами, в частности САСШ, где удельный вес чистого строительства в народном доходе выше, чем у нас.

Эти итоги пятилетки чрезвычайно ярко подчеркивают ту грандиозную производственную и строительную работу, которую проделал рабочий класс под руководством коммунистической партии в деле социалистического строительства в нашей стране, в деле преобразования ее из отсталой, аграрной страны в передовую, промышленную.

Если в 1913 г. вся промышленность и строительство составляли в народном доходе только 36,6%, то в 1932 г. они поднялись до 52% от всего народного дохода, между тем как по оптимальному пятилетнему плану предполагалось только на конец пятого года достигнуть 50,2%.

К началу пятилетки, уже за восстановительный период, произошли

заметные сдвиги в структуре экономики нашей страны в сторону усиления в ней роли индустрии, ибо удельный вес в народном доходе и крупной и мелкой промышленности и строительства по сравнению с довоенным уровнем поднялся в 1926 г. в целом с 36,6 до 40%. Однако ярко выраженный аграрный характер нашей экономики к началу пятилетия полностью сохранился. Достаточно здесь будет также напомнить, что к этому времени планируемая промышленность в сумме валовой продукции составляла только 48%, в то время как сельское хозяйство — 52%.

Только на основе пятилетки и в результате ее успешного осуществления удельный вес индустриальных отраслей в народном доходе чрезвычайно быстро нарастал, достигнув к концу 1932 г. абсолютного преобладания. Вместо довоенных 36,6% удельный вес индустриальных отраслей поднялся до 52%, а по валовой — вместо упомянутых 48% удельный вес промышленности поднялся до 70%.

Но, как правильно указал т. Сталин еще на XVI съезде партии, «...развитие промышленности вообще не дает еще полной картины темпа индустриализации. Для получения полной картины необходимо еще установить динамику соотношения между тяжелой и легкой промышленностью. Поэтому самым ярким показателем роста индустриализации нужно считать поступательный рост удельного веса производства средств производства (тяжелая промышленность) в общей продукции промышленности».

Если удельный вес средств производства (группа «А») в валовой продукции ценовой промышленности в начале пятилетки составлял только 44,3%, то в последнем году пятилетки он поднялся до 52,5% против довоенного периода в 41,8%. Таким образом производство средств производства получило решительный перевес.

Самыми решающими итогами пятилетки являются блестящие успехи в деле социалистического обобществления труда, приведшие к завершению построения фундамента социалистической экономики.

Если к концу восстановительного периода удельный вес социалистического сектора в народном доходе страны достигал лишь 40% (в неизменных ценах 1926/27 г.), а частный сектор абсолютно преобладал, занимая соответственно 60%; если к началу пятилетки это соотношение изменилось уже в пользу социалистического сектора, но все же удельный вес частного сектора был несколько выше социалистического сектора, то за годы пятилетки это соотношение коренным образом изменилось в пользу социалистического сектора, который достиг абсолютного преобладания в экономике и в народном доходе. По годам это движение происходило следующим образом:

Удельный вес секторов в народном доходе
(в неизменных ценах 1926/27 г.)

Секторы	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Социалистический	49,7	59,2	73,6	83,6	87,1
Частный	50,3	40,8	26,4	16,4	12,9

Эти данные ярко свидетельствуют об успехах социалистического сектора, точнее говоря, социалистических форм хозяйства. Удельный

вес социалистических форм хозяйства составляет уже 87%, а частных — только 13%, между тем как по пятилетнему плану мы ставили перед собою задачу повысить удельный вес социалистических форм хозяйства в народном доходе до 67,3%³⁶.

Если раньше, в конце восстановительного периода и к началу пятилетки, социалистические формы хозяйства в своем движении базировались почти исключительно только на индустриальных отраслях труда и, опираясь на их концентрированную мощь, оказывали всестороннее влияние на темп и тип воспроизводства нашего народного хозяйства, то в ходе реализации пятилетки, в итоге ее социалистические формы хозяйства получили возможность опереться уже не на одни только индустриальные отрасли народного хозяйства, но одновременно и на сферу с.-х. труда.

В результате проведенной сплошной коллективизации сельского хозяйства и на ее основе разгрома кулачества как класса социалистические формы хозяйства стали абсолютно преобладающими формами в развитии производительных сил как в области промышленного, так и с.-х. производства.

В процессе социалистического обобществления труда и превращения нашей страны из аграрной в передовую индустриальную страну нам удалось на этой основе развернуть огромные темпы социалистического расширенного воспроизводства, что нашло свое яркое обобщающее выражение в высоких темпах роста нашего народного дохода.

В отдельные годы реконструктивного периода годовой темп прироста нашего народного дохода достигал 20% (1930 г.).

Известно, что средний темп роста народного дохода царской России составлял не более 2,5—3% в год. Известно также, что самые передовые капиталистические страны, как САСШ, даже в лучшие годы своего довоенного развития (например в 1880—1890 гг.) подымались до 8% среднего годового прироста.

Таким образом превосходство советского темпа воспроизводства народного хозяйства над капиталистическим, которое начало сказываться уже в восстановительный период, окончательно закреплено в самые героические годы реконструктивного периода — годы великого подъема и трудового энтузиазма первой пятилетки.

Итак, страна закончила выполнение пятилетки, достигнув народного дохода в сумме 45,5 млрд. руб., и определила размер своего дальнейшего продвижения на 1933 г. в 51,1 млрд. руб., т. е. + 12,4% роста, и это в условиях, когда народный доход самых передовых капиталистических стран катастрофически падает под ударами мирового экономического кризиса, стремительно опускаясь ниже своего довоенного уровня.

Известное представление о том, какой катастрофический характер носит это движение, дают следующие данные об изменении индекса физического объема промышленного производства в капиталистических странах:

³⁶ Необходимо оговорить, что исчисление чистой продукции по формам хозяйства, строго говоря, предполагает включение в общую сумму создаваемой чистой продукции не только обобщественной части (как это до сих пор еще практикуется при исчислении чистой продукции социалистического сектора), но также необобщественной индивидуальной части хозяйства. Следовательно в приведенных данных удельный вес социалистических форм хозяйства в народном доходе несколько преуменьшен — именно на величину индивидуальной части колхозника и прочего населения, занятого в социалистических предприятиях.

Изменения индексов физического объема промышленной продукции

Страны	Среднемесячные данные			1929 г. в % к		1932 г. в % к	
	1913 г.	1929 г.	1932 г.	1913 г.		1929 г.	
				1913 г.	1929 г.	1913 г.	1929 г.
Капиталистический мир ³⁷	72,3	106,0	67,0	146,6	92,7	63,2	
САСШ	63,0	107,2	57,6	170,2	91,4	53,7	
Англия ³⁸	107,3	107,9	82,8	100,6	76,7	76,7	
Германия	87,9	100,4	61,2	114,2	69,9	60,95	
Франция	78,7	109,4	75,6	139,0	96,1	69,1	
СССР ³⁹	10,3	19,8	31,3	193,2	334,6	173,2	

Итак, по всему капиталистическому миру мы имеем снижение промышленного производства на 7,3%, причем в Германии даже более чем на 30% против довоенного уровня, в то время как у нас, в СССР, промышленное производство превысило довоенный уровень более чем в 3,3-раза. В настоящее время нет ни одной капиталистической страны в мире, народный доход которой был бы равен довоенному уровню, — он везде ниже его, а народный доход СССР в целом более чем удвоился.

Таковы наши блестящие успехи в итоге пятилетки, таково поражение капитализма в истекший период, таковы итоги соревнования «двух систем» на международной арене на данном этапе.

Наш бурный рост народного дохода является результатом неуклонного проведения в жизнь генеральной линии партии на социалистическую индустриализацию страны и социалистическое обобществление труда во всех областях народного хозяйства. Только на этой основе возможно было достигнуть гигантского вовлечения новой массы рабочих и крестьян в процесс производства, окончательно ликвидировать безработицу и аграрное перенаселение в стране, обеспечить массовый подъем просвещения и массовый рост квалификации рабочей силы, планомерно распределить рабочие силы между отдельными отраслями народного хозяйства и свести к минимуму потери, уплотнить рабочий период в производстве (за счет сокращения сезонности в строительстве и в других областях, введения непрерывки и т. п.) и наконец зажечь миллионные массы трудовым героизмом и энтузиазмом строительства социализма, что и обеспечило выполнение пятилетки в четыре года.

Какая громадная масса труда была вовлечена в процесс производства за период пятилетки, может быть иллюстрировано следующими данными.

За годы пятилетки все население выросло на 11,5 млн. чел., в том числе в рабочем возрасте — на 6,9 млн. чел.

Известно, что аграрное перенаселение к началу пятилетки составляло 8—9 млн. чел., а городская армия безработных — свыше 1 млн. чел. ⁴⁰.

³⁷ По данным Берлинского конъюнктурного института; сюда включены помимо перечисленных выше стран (кроме СССР) еще Япония, Канада, Швеция, Польша, Австрия, Бельгия, Италия, Чехо-Словакия, Венгрия и Чили.

³⁸ Квартальный индекс.

³⁹ В качестве показателя приводится валовая продукция цензовой промышленности в неизменных ценах 1926/27 г.

⁴⁰ См. «Пятилетний план», т. II, вып. 2.

Таким образом выходит, что на основе пятилетки было включено в процесс производства не менее 17 млн. чел. в рабочем возрасте. Одна только численность рабочих и служащих вместо 4,4 млн. чел. по плану возросла на 10,5 млн. чел.

Однако в действительности число вовлеченных в процесс производства людей оказалось больше, чем указанные 17 млн. Надо ведь принять во внимание, что в период пятилетки происходили крупнейшие технические сдвиги в производстве, осуществлялась масса рационализаторских и реконструктивных преобразований, вводилась и расширялась механизация производства как в области индустрии, так и в области с.-х. производства, что не могло не приводить к сокращению потребности в рабочей силе. Ее освобождение на отдельных участках у нас в отличие от стран капитализма отнюдь не порождало безработицы, ибо освобождавшаяся рабочая сила планомерно перебрасывалась в другие области производства, где в них ощущалась потребность.

Мы не имеем исчерпывающих данных об этих процессах, но, чтобы понять, какое огромное значение они представляют, достаточно будет напомнить о следующем интересном расчете, который мы находим на этот счет во II томе «Пятилетнего плана». Там было подсчитано, что только одно применение в сельском хозяйстве 1 600 тыс. жнеек, 492 тыс. молотилок и 159 тыс. тракторов дало бы экономию в 693 млн. человекоднев, или 2,5 млн. годовых работников.

Всем известно, что механизация сельского хозяйства в итоге пятилетия поднята на неизмеримо более высокую ступень, чем это намечалось по плану, и следовательно действие указанного фактора не только не уменьшилось, но безусловно усилилось.

Вот почему вместо упомянутых 17 млн. чел. мы можем смело говорить о том, что не менее 20 млн. чел. в рабочем возрасте получило возможность производительно применять свою рабочую силу, обеспечивая тем самым общий бурный рост нашего народного дохода за рассматриваемый период.

Перейдем к рассмотрению отношений распределения народного дохода по классам и социальным группам населения СССР.

Характеризуя основные формы общественного хозяйства, присущие экономике эпохи диктатуры пролетариата, Ленин писал, что ими являются: «...капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат»⁴¹.

Поэтому основные тенденции в отношении распределения концентрируются у нас на доходах пролетариата, крестьянства и капиталистических элементов страны. Остановимся прежде всего на доходах пролетариата.

Доля пролетариата в народном доходе отнюдь не ограничивается только заработной платой, как мы видели это еще при анализе восстановительного периода, она включает также доходы, поступающие ему в порядке распределения фондов социализированной зарплаты (или фондов соцстраха, понимаемых в широком смысле), и наконец его участие в распределении народного дохода выражается и в форме доходов предприятий государственного социалистического сектора, идущих на цели социалистического накопления.

⁴¹ Ленин, т. XXIV, изд. 2-е, стр. 508.

Ориентировочный подсчет упомянутых фондов соцстраха показывает, что эти добавочные фонды составляют за период пятилетки почти 11 млрд. руб. и что если к началу пятилетки они составляли 31% в фондах зарплаты рабочих всех отраслей труда, то в итоге пятилетки в 1932 г. их удельный вес поднялся уже до 35,1%. Их общая масса возросла почти в $2\frac{3}{4}$ раза.

Каковы решающие статьи расходов по этим фондам соцстраха? Это прежде всего огромный рост фондов стипендий учащихся рабочих (почти в 15 раз за годы пятилетки), далее, это расходы на просвещение (рост свыше 6 раз), расходы на здравоохранение (рост в $3\frac{1}{2}$ раза), наконец расходы на жилищное строительство (отчисления по одному только ФУБРУ дают рост в 2,6 раза). Необходимо оговорить, что в этих фондах не учтена такая решающая во многих отношениях статья, характеризующая рост уровня благосостояния рабочего класса в СССР, как огромный рост общественного питания. За годы пятилетки оно дает рост в 15 раз, если измерять одним из показателей этого роста — количеством производимых блюд, что означает перевыполнение установок пятилетки в 5 раз. Все огромное значение дела общественного питания для подъема благосостояния рабочего класса станет ясным, если мы учтем при этом, что свыше 70% рабочих решающих отраслей уже охвачено в настоящее время общественным питанием.

Доля пролетариата в народном доходе, поступающая ему в порядке индивидуального распределения и в форме доходов предприятий социалистического госсектора, видна из следующих ориентировочных данных (в процентах):

	1928 г.	1932 г.
Доля пролетариата в народном доходе СССР	41,0	59,8
В том числе:		
А. Его доля в порядке индивидуального распределения	32,7	50,3
Б. Его доля в форме доходов предприятий социалистического сектора	8,3	9,5

Такое огромное возрастание доли рабочих в народном доходе от 41,0 до 59,8%, в то время как до войны она составляла примерно 20%, обусловлено огромным ростом численности и средней заработной платы рабочих и служащих и одновременно ростом доходов социалистических госпредприятий.

Если взять данные только по крупной промышленности, то они показывают удвоение численности рабочих и служащих против 1928 г. За этот же период средняя заработная плата их выросла на 67%.

При 46,6 млн. чел. всего несельскохозяйственного населения пролетариат в целом составлял в 1932 г. уже почти 41,3 млн. чел. против 25,4 млн. чел. в 1928 г., и из всех доходов этого населения, измеряемых в сумме 41 млрд. руб., его доходы составляли уже 37,6 млрд. руб., т. е. 90,4%, в то время как в начале пятилетки они составляли только 77,1%.

Мы видим таким образом огромный рост численности и доходов всей группы пролетариата, обгоняющий средний рост всего несельскохозяйственного населения страны, что и обуславливает собою непрерывное повышение его доли.

Из остальных категорий несельскохозяйственного населения очень большой рост и по численности и по доходам имел место у коопе-

рированных производителей. За годы пятилетки численность их растет на 88,5%, а их доходы растут на 456%. Это показывает, насколько бурно шел процесс обобществления труда среди мелких ремесленников и кустарей за период пятилетки. В результате кооперированные производители чрезвычайно сильно подняли свой удельный вес во всех доходах страны (с 1,3 до 2,6%).

Что касается частного сектора, то его движение видно из следующих данных:

	1932 г. в % к 1928 г.	
	По численности	По доходам
Ремесленники и кустари	34,9	44,1
Буржуазия	10,6	43,2

Таким образом мы видим сокращение ремесленников и кустарей по численности почти в 3 раза, а по доходам — несколько больше, чем в 2 раза, а буржуазных элементов (кроме кулаков, о которых речь ниже) — по численности снижение в 10 раз, а по доходам — почти в 2½ раза. Это обусловило снижение доли частного сектора в народном доходе по ремесленникам с 2,3 до 0,4%, а буржуазии — с 3,9 до 0,6%; по численности же сокращение соответственно с 1,8 до 0,6% и с 0,9 до 0,1%.

Все эти данные могут быть дополнены следующими тоже ориентировочными расчетами о движении душевого уровня дохода пролетариата, который за годы пятилетки вырос на 153,5%, обогнав в своем росте душевые доходы всего несельскохозяйственного населения.

Доходы на душу (Абсолютные данные в рублях)

	1928 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1928 г.
Несельскохозяйственное население	365	882	141,7
В том числе пролетариат (рабочие и служащие)	360	912	153,5

В этих данных сказывается также окончательная ликвидация безработицы в СССР, возрастание совокупного заработка рабочей семьи вследствие уменьшения нагрузки иждивенцами на каждого работающего.

Необходимо особо отметить огромный рост доходов с.-х. пролетариата. За годы пятилетки они возросли в 5,4 раза, обогнав в темпе роста даже доходы индустриального пролетариата, что вполне понятно, если учесть гигантский рост за последние годы и особенно за 1931 и 1932 гг. социалистического госсектора в сельском хозяйстве (строительство новых совхозов и МТС, расширение и укрепление базы колхозов. Разумеется, это уже не батраки (подавляющая часть сельского пролетариата в недавнем прошлом) — это новый рабочий индустриального типа в крупном механизированном с.-х. производстве, на социалистическом предприятии.

На основании вышеприведенных данных мы видим, как непрерывно растут уровень и доля доходов пролетариата в народном доходе страны. Это движение служит самым общим и решающим показателем подъема его жизненного уровня и роста его благосостояния в результате итогов пятилетки. Этот рост происходил в условиях бурного роста промышленности и подъема сельского хо-

зайства, непрерывного роста национального дохода страны и бурного роста удельного веса социалистического сектора и его доходов, сокращения рабочего дня (с 8 до 7, а для некоторых категорий и до 6 час.), классового и преимущественно дифференцированного снабжения рабочих и служащих, включая рост общественного питания, и наконец в условиях, когда достигнуто окончательное уничтожение безработицы — этого бича и самой обобщающей, концентрированной формы нищеты и пауперизма рабочего класса.

В условиях социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства доля самостоятельных индивидуальных производителей в народном доходе имеет тенденцию неизбежно падать, несмотря на рост их среднего уровня доходов. Это снижение отнюдь не говорит о том, что положение трудящихся крестьян в деревне ухудшается, как это действительно имеет место при капитализме. У нас, в СССР, дело обстоит как раз наоборот. Именно потому, что этот процесс обусловлен коллективизацией сельского хозяйства, он несет с собой величайший подъем благосостояния трудящихся масс деревни. Успешное проведение коллективизации в итоге пятилетки, как показал в своем докладе на январском пленуме ЦК и ЦКК т. Сталин, привело к охвату колхозами почти всей крестьянской бедноты, подорвав на этой основе расслоение крестьянства на кулаков и бедноту и уничтожив в связи с этим процесс разорения, обнищания и пауперизма в деревне. Пятилетка подняла бедноту и низшие слои середняков в колхозах на положение людей обеспеченных. В отношении движения доходов основное, что здесь необходимо подчеркнуть, это то, что наряду с падающей долей доходов самостоятельных производителей в народном доходе неуклонно и систематически растут доходы коллективизирующегося крестьянства и кооперирующихся мелких ремесленников и кустарей. Этот процесс, на прошлом этапе развития (в первый период нэпа) только слабо намечавшийся, получил затем величайший размах и огромную силу нарастания.

Если мы примем совокупный доход единоличника и колхозника за 100, то удельный вес их доходов обнаруживает следующие сдвиги за годы пятилетки:

Удельный вес доходов колхозников и единоличников в совокупном доходе

	1928 г.	1932 г.
Колхозники	2,6	70,0
Единоличники	97,4	30,0

Таким образом удельный вес доходов колхозников возрос с 2,6% к началу пятилетки до 70,0% к концу ее.

Доходы коллективизирующегося крестьянства представляют собой совершенно новую форму, в которой принимают участие в распределении народного дохода крестьяне в СССР. Хотя доходы колхозника на данной стадии развития не являются еще доходами во всех своих источниках обобществленными, однако в основном эта новая форма дохода является социалистической формой распределения народного дохода, ибо здесь в форме распределения нахо-

дят себе выражения новые социалистические по типу своему производственные отношения в области с.-х. производства.

Масса доходов колхозников увеличилась за один только 1930 г. более чем в 5,5 раза. Удельный вес их в народном доходе поднялся с 1,2% в 1928 г. до 11,6% в 1930 г. и 24,7% в 1932 г., обгоняя в 1931 г. по абсолютному размеру своих доходов и удельному весу в народном доходе доходы единоличников. Последние составляли в 1931 г. лишь 15,6%, а в 1932 г.—10,4%.

Отмеченный гигантский рост доходов колхозников прежде всего отражает бурный рост коллективизации и перераспределение крестьян из частного сектора в социалистический. Но вместе с тем это движение не могло не обусловить собою также значительного роста душевого дохода колхозника на основе нового социалистического способа производства, что видно из следующих данных:

Движение доходов с.-х. населения

	(Доход в рублях) 1928 г. 1932 г.	
Колхозники	146	191
Единоличники	122	223

При весьма приблизительном и условном характере этих расчетов они все же правильно указывают на более высокий абсолютный уровень душевого дохода колхозника по сравнению с единоличником и на то, что за годы пятилетки мы имеем более высокий темп роста дохода колхозника, в результате чего его доход удвоился, в то время как доход единоличника вырос на 83%. Душевые доходы колхозников особенно сильно возросли за последние два года пятилетки. Необходимо иметь в виду, что удвоение душевого дохода колхозника означает в отношении массы единоличников, вошедших в колхозы, возрастание их доходов в 2,4 раза, а по отношению к бедноте, вошедшей в колхозы, означает рост их душевого дохода вероятно в $2\frac{1}{2}$ —3 раза.

В 1930—1932 гг. наблюдается падение среднего душевого дохода кулака. Это происходило, во-первых, в результате разгрома кулачества как класса в районах сплошной коллективизации и решительного наступления на кулачество во всех остальных районах и, во-вторых, вследствие того, что основная масса ликвидируемых приходится на главные производящие районы, где были сосредоточены наиболее мощные элементы кулачества.

В совокупности все основные тенденции в распределении народного дохода, которые развивались уже на протяжении прошлых лет и особенно усилились в период пятилетки, представляются в следующем виде (см. табл. на стр. 47).

Эта таблица по итогам пятилетки не нуждается в особых комментариях. Она четко говорит о том, что по всем решающим позициям социализма в области распределения народного дохода рабочий класс добился не только выполнения, но и значительного перевыполнения заданий пятилетнего плана.

Вместо доли рабочих и служащих по населению, намечавшейся на 1932/33 г. в размере 18,8%, а с.-х. пролетариата — в размере 3,8%, мы достигли уже в 1932 г. соответственно 25,1 и 3,9%.

Вместо доли рабочих и служащих по доходам, включая прочие элементы в составе пролетариата (студентов — иждивенцев по учебе и иждивенцев по инвалидности и т. п.), намечавшейся на 1932/33 г. в размере 37,5%, а с.х. пролетариата — в размере 2,4%, мы достигли 46,4 и 3,9%.

Удельный вес социалистического сектора по доходам и населению

	Удельный вес по численности в % ко всему населению		По пятилетке 1932/33 г.	Удельный вес в народном доходе в % к итогу		По пятилетке 1932/33 г.
	1928 г.	1932 г.		1928 г.	1932 г.	
I. Несельскохозяйственное население						
В том числе:						
а) пролетариат (рабочие, служащие и пр.) . . .	16,7	25,1	18,8	30,7	46,4	37,5
б) кооперированные производители (ремесленники и кустари) ⁴²	1,0	1,7	—	1,3	2,6	1,6
II. Сельскохозяйственное население						
В том числе:						
а) сельскохозяйственный пролетариат	2,5	3,9	3,8	2,0	3,9	2,4
б) колхозники	1,6	41,8	7,4	1,2	24,7	5,3
III. Доходы предприятий социалистического сектора						
IV. Итого социалистический сектор	—	—	—	8,3	9,5	13,6
	21,8	72,5	30,0	43,5	87,1	60,4

Далее, в отношении колхозников: по населению вместо доли их в 7,4% до 1932/33 г. мы достигли 41,8%; по доходам — вместо 5,3 мы достигли 24,7%.

Наконец по кооперированным ремесленникам и кустарям: по населению мы имеем 1,7%, а по доходам вместо 1,6% мы достигли повышения их удельного веса до 2,6%.

Концентрированное выражение социалистических тенденций, развернувшихся в период пятилетки, привело к тому, что уже в 1932 г. 72,5% по численности населения участвует в 87,1% от всего народного дохода непосредственно в таких формах распределения, которые выражают и обеспечивают гигантское расширение воспроизводства социалистического сектора, которые окончательно закрепляют за ним абсолютный перевес в отношениях производства и распределения.

Чрезвычайно любопытно также привести данные об удельном весе частного сектора в целом (см. табл. на стр. 48).

Итак, вместо намечавшегося удельного веса частного сектора на 1932/33 г. в размере 38,3% по доходам мы достигли снижения его

⁴² В состав несельскохозяйственной группы ремесленников-кустарей входят также сельские кустари, в частности те, которые имеют основным источником своего дохода занятие ремеслом.

роли до 11,3% против 55,0% в 1928 г., а по населению его удельный вес вместо 77,3% в начале пятилетки оказался к концу ее только в размере 24,3%.

Конечно особенно ничтожной по своему весу оказалась капиталистическая группа: вместо 5,4%, по предположениям пятилетки, всего лишь около 1% по доходам и 0,6% по населению.

Удельный вес частного сектора
(по доходам в отношении к населению)

Частный сектор	По доходам в % к народному доходу		По пятилетке 1932/33 г.	По населению в % ко всему населению		По пятилетке 1932/33 г.
	1928 г.	1932 г.		1928 г.	1932 г.	
I. Мелкие производители						
В том числе:						
а) сельскохозяйственное население	46,4	10,8	32,9	72,8	23,7	—
Единоличники	44,1	10,4	31,6	71,0	23,1	60,0
б) несельскохозяйственное население (ремесленники и кустари)	2,3	0,4	1,3	1,8	0,6	—
II. Капиталисты	8,6	0,9	5,4	4,5	0,6	—
В том числе:						
а) сельскохозяйственное население (кулаки)	4,7	0,3	3,8	3,6	0,5	—
б) несельскохозяйственное население (буржуазия)	3,9	0,6	1,6	0,9	1,1	—
III. Весь частный сектор	55,0	11,3	38,3	77,3	24,3	—
IV. Удельный вес частного сектора в народном доходе (в неизменных ценах 1926/27 г.) ⁴³	50,3	11,6	28,8	—	—	—

Таким образом прежде всего мы видим, что успехи в области индустриализации и коллективизации нанесли сокрушительный удар остаткам капиталистического класса, в особенности на селе. Его удельный вес по численности резко снизился.

В год завершения пятилетки удельный вес капиталистических элементов в народном доходе, как мы видим, оказался равен 1%, а 99% народного дохода принадлежит трудящимся, причем свыше 87% дохода принадлежит трудящимся, включившимся непосредственно в социалистические формы труда.

Итак, неизменный и систематический рост доходов пролетариата, доходов обобщественного сектора, представляющих особую форму доходов пролетариата и вообще трудящихся в ходе выполнения пятилетки, дополнялся чрезвычайно интенсивным ростом доходов коллективизирую-

⁴³ Народный доход здесь взят в исчислении производственным методом, а не распределительным, представляя в отличие от последнего неполный доход частного сектора, а только часть в размере его чистой продукции.

щегося крестьянства и кооперирующихся ремесленников при резко падающей доле всех капиталистических элементов, означающей их полный разгром, и при более медленном снижении доходов самостоятельных индивидуальных хозяйств.

Мы вступили в новую фазу отношений распределения нашего народного дохода, когда в СССР достроен фундамент социалистической экономики и когда происходит ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, когда один за другим быстро ликвидируются почти все из тех каналов, которые еще совсем недавно «рождали классы и прежде всего капитал».

Уже сформировались и в ближайшей перспективе второй пятилетки получат свое дальнейшее развитие отношения распределения первой низшей фазы коммунизма.

В результате великих достижений рабочего класса, руководимого ленинской партией, за период первой пятилетки завершена гигантская, всемирно-исторического значения работа по построению фундамента социалистической экономики. Социалистические формы сделались абсолютно господствующими в хозяйстве СССР. Страна из аграрной превратилась в индустриальную, создав мощную машинную базу для полной технико-экономической реконструкции всех отраслей народного хозяйства, возросла обороноспособность страны, гигантски поднялся общий культурный уровень страны. Все это обеспечило значительный материальный подъем жизненного уровня и благосостояния рабочих и трудящихся крестьян.

Ничто так ярко не подчеркивает всего величия достижений первой пятилетки, как то, что в результате последних четырех лет работы сделалось возможным уже на ближайшие 5 лет поставить перед собой в качестве практической задачи построение бесклассового, социалистического общества в нашей стране.

Задачи, стоящие перед нами во второй пятилетке, создают новые условия социалистического расширенного воспроизводства в период второй пятилетки. Эти новые условия не могут не найти своего выражения в новых тенденциях движения промышленности и сельского хозяйства и их взаимоотношении, в новых тенденциях в движении народного дохода и в его распределении, в тех особых отношениях накопления и потребления, которые должны будут обеспечить в период второй пятилетки наряду с огромным подъемом материального и культурного уровня рабочих и колхозников, также завершение технической реконструкции всех основных отраслей народного хозяйства. Эти условия обеспечивают также, по мере освоения новой техники производства миллионами строителей социализма, огромный рост производительности труда.

Новые тенденции в движении народного дохода и его распределении на период второй пятилетки, как они вырисовываются уже сейчас, в ходе работ по составлению народнохозяйственного плана второй пятилетки, мы предполагаем осветить особо.

РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ И ВРЕМЯ РАБОЧЕГО

Маркс, рассматривая рабочее время, т. е. время, в течение которого рабочий находится на производстве, подчеркивает эластичность границ рабочего времени (рабочего дня). Они определяются различными факторами. Величина рабочего дня, рабочего времени, колеблется между 8 и 18 часами. Так как естественная продолжительность суток равняется 24 часам, то величина остающегося свободного времени рабочего также является непостоянной величиной и колеблется — в обратном соответствии с рабочим временем — между 16 и 6 часами. Рассмотрение отношения между рабочим временем и временем рабочего вне сомнения должно дать немало для анализа положения рабочего.

В условиях капитализма время рабочего — это время, в течение которого рабочий воспроизводит рабочую силу. Это время нельзя смешивать с временем, нужным для воспроизводства необходимых средств существования рабочего. Если в рабочее время происходит процесс расходования рабочей силы, то во время рабочего, в свободное время, происходит процесс восстановления рабочей силы. В продолжение этой части дня рабочая сила «должна отдыхать, спать...», «человек должен удовлетворить другие физические потребности — питаться, поддерживать чистоту, одеваться и т. д.»¹. Кроме того он должен удовлетворить ряд «интеллектуальных и социальных потребностей, объем и количество которых определяются общим состоянием культуры»². Минимальных границ рабочий день не имеет. Минимальной границей могло бы явиться время, нужное для воспроизводства необходимых средств существования, т. е. необходимое рабочее время, но в капиталистических условиях «рабочий день не может сократиться до этого минимума»³. Максимальная граница определяется физическим пределом рабочей силы. Человек может расходовать в течение суток только определенное количество жизненной энергии. В продолжение определенного времени он должен иметь возможность удовлетворить свои физические потребности. Это — максимальная граница. Она суживается социальными границами (удовлетворение интеллектуальных и социальных потребностей). «Поэтому изменения, которым подвергается рабочий день, колеблются между физическими и социальными границами»⁴.

Но те и другие границы являются крайне растяжимыми, крайне эластичными границами. Капиталист, стремясь выжать максимально большее количество прибавочного труда, прибавочной стоимости, старается максимально расширить границы рабочего дня и тем самым

¹ Маркс, Капитал, т. I, гл. 8.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

сжать свободное время рабочего. Законы товарного обмена дают возможность капитализму осуществить «свое право покупателя»⁵.

Борьба рабочего класса за ограничение рабочего времени определённой нормальной величиной является мощным противодействующим фактором стремлению капиталиста максимально увеличить рабочий день. В этой борьбе рабочий «осуществляет свое право продавца». Конечно «равноправные» продавцы и покупатели рабочей силы далеко не находятся в одинаковых условиях. У покупателя имеется огромный арсенал средств расширить рабочее время и уменьшить так называемое свободное время рабочего. Отношение между рабочим временем и временем рабочего в условиях капитализма неизбежно складывается в пользу капиталистов. Капиталист стремится поставить рабочего в такие условия, при которых все рабочее время шло бы на капиталиста. Он купил рабочую силу и процесс потребления ее стремится сделать сплошным, непрерывным, без пор. Если бы рабочий не сопротивлялся этому стремлению капиталистов, то он вынужден был бы владеть полуживотное существование. Но рабочий, борясь против увеличения рабочего дня, не должен забывать, что всякий успех в этой борьбе является лишь паллиативом, что увеличение отношения между рабочим временем и временем рабочего неизбежно вытекает из самой сущности капиталистической экономики, и борьба за уменьшение этого отношения должна быть тесно увязана с борьбой против самого существования капиталистического общества.

Если брать экстенсивную величину рабочего времени (рабочего дня), то динамика рабочего времени в течение длительного периода мало изменяется. Даже больше, в целом ряде случаев имеется уменьшение рабочего дня. Например рабочее время (недельное, тарифное) в Германии, по данным АДГБ, менялось следующим образом:

Годы	Часы
1913/15	54
1924	50
1925	50
1926	50
1927	49
1928	49
1930	49

Конечно свободное время рабочего (экстенсивная величина) также мало изменялось, а если верить данным АДГБ, — даже немножко увеличивалось. Но из вопросе о свободном времени и его динамике мы остановимся ниже.

Положение рабочего класса в Германии, картина действительного движения рабочего времени извращается этой официальной статистикой, которая обычно прикрашивает положение рабочего. Данные АДГБ мало чем отличаются в этом смысле от официальных данных. Во всяком случае эта динамика скрадывает, скрывает наступление со стороны капиталистов на рабочий день, удлинение рабочего дня в целом ряде случаев, существующую продолжительность рабочего времени. Например данные за тот же 1930 г. говорят, что у большинства металлистов рабочее время равно 54, в значительной части — 57 и только у незначительной части рабочее время равно 48 часам в

⁵ Маркс, Капитал, т. I, гл. 8.

неделю. Значительное количество данных говорит о происходившем и происходящем удлинении рабочего времени.

Например в английской промышленности в последнее время установлена для женщин и детей законная продолжительность рабочей недели в 55½ час., для работниц текстильной промышленности и ряда других отраслей рабочая неделя равна 56—60 час. и т. д.

Таким образом кризис, вызывающий огромную безработицу, полную и частичную, сопровождается наступлением капиталистов на рабочий день, стремящихся максимально удлинить его. В этом нет ничего удивительного. Маркс пишет: «Кризисы, во время которых производство прерывается и работа совершается лишь по несколько часов в неделю, конечно ничего не изменяют в стремлении к удлинению рабочего дня»⁶. Удлинение рабочего дня является способом увеличения прибавочного труда, что в известной мере может компенсировать потери капиталистов от сокращения общего объема производства...

Тенденция к удлинению рабочего дня имманентно присуща капиталистическому обществу, так как капиталистическому обществу имманентно присуща тенденция к максимальной эксплуатации рабочих с целью получения максимальной прибавочной стоимости. «К варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. приевается цивилизованный ужас чрезмерного труда»⁷.

Но эта тенденция к максимальному увеличению рабочего дня наталкивается на целый ряд препятствий: на сопротивление рабочего класса, на определенные физические границы и т. д. и т. д. Динамика экстенсивной величины рабочего дня показывает чрезвычайно медленные изменения, и данные об этих изменениях, если брать очень длительные периоды, говорят даже о некотором понижении экстенсивной величины рабочего дня.

Но экстенсивная величина рабочего времени скрывает интенсивные изменения времени, которые являются основными изменениями. Капитализм компенсировал экстенсивное сокращение дня интенсивным удлинением его. Маркс, говоря об интенсивном рабочем дне, подчеркивает, что интенсивно сжатый рабочий день равняется экстенсивно удлинённому рабочему дню: «Наряду с мерой рабочего времени как экстенсивной величины» теперь выступает измерение степени его уплотнения, более интенсивный час 10-часового рабочего дня содержит теперь столько же или больше труда, т. е. затраченной рабочей силы, чем более пористый час 12-часового рабочего дня»⁸.

Интенсификация удлиняет рабочий день. В рабочем дне Маркс словами рабочего говорит, что капиталист заставляет рабочего в один рабочий день вкладывать труд трех дней, т. е. удлинять рабочий день в 3 раза, оплачивая только 1/3 стоимости затрачиваемой рабочим рабочей силы. На этот путь капиталист всегда вступает, когда наталкивается на определенную границу экстенсивного удлинения рабочего дня. Он делает это различными путями: увеличением скорости машин, увеличением размера механизма (например увеличением количества веретен и т. д.), изменением форм зарплаты, усилением надзора и т. д.

Например: «В мастерских, подчиненных действию фабричного закона, сдельная плата становится общим правилом, так как здесь рабочий день может быть расширен только интенсивно»⁹.

⁶ «Капитал», т. I, стр. 170.

⁷ Маркс, Капитал, т. I, гл. 8, § 3.

⁸ Там же, гл. 13, стр. 404.

⁹ Там же, стр. 562.

Таким образом экстенсивная величина рабочего дня скрывает происходящее огромное интенсивное удлинение рабочего дня. Обычно это не учитывается при изучении динамики рабочего времени и положения рабочего в связи с этой динамикой.

Интенсивность труда все время растет в условиях капитализма, особенно на последнем его этапе: она далеко перешагнула даже физиологическую границу. Ряд процессов, совершающихся на современном этапе, например процесс деквалификации рабочего и огромный рост безработицы, дает возможность капитализму перейти эту границу. Рабочий, падающий под тяжестью капиталистической рационализации, легко сменяется другим рабочим. Продолжительность жизни рабочего сокращается чуть ли не вдвое. У нас нет данных для того, чтобы точно выразить интенсивное удлинение рабочего дня. Во всяком случае такое удлинение происходит на всем протяжении развития капитализма и особенно на последнем этапе. Современный рабочий при 9—10-часовом рабочем дне изнашивается даже в более короткий срок, чем прежде рабочий при 16—18-часовым рабочим дне.

Насколько велика интенсификация труда и каков ее рост, — об этом говорят следующие косвенные показатели, достаточно ярким и чрезвычайно убедительным языком.

По данным Кучинского, в Германии продукция на одного рабочего в час изменялась следующим образом (в процентах):

Годы	%
1913/14	100
1924	80
1925	98
1926	106
1927	114
1928	113
1929	120

Что в основном эти изменения происходили за счет интенсивности, об этом говорит ряд данных. По данным того же Кучинского, количество несчастных случаев (повреждений) изменялось следующим образом (на 100 рабочих):

Годы	%
1924	6
1925	7
1926	9
1927	10
1928	10
1929	10

С 1924 по 1927—1929 гг. количество несчастных случаев чуть ли не удвоилось. Каждый десятый рабочий на производстве получал увечья. Количество несчастных случаев сильно увеличилось в те же годы, когда происходило сильное увеличение продукции на одного рабочего. 10—12% строителей получали ежегодно повреждения, в металлургической промышленности этот процент достигает 15—16 и т. д. Нужно принять во внимание, что процесс механизации в целом ряде отраслей по целому ряду работ был чрезвычайно незначителен. Например по линии строительной уменьшалось употребление мешалочных машин, но в гораздо меньшей степени, чем уменьшалось количество рабочих, и т. д.

Чрезвычайно ярким показателем роста интенсивности труда, т. е. интенсивного удлинения рабочего дня, являются данные о текучести рабочих у Форда. Несмотря на то, что рабочие у Форда были поставлены якобы в лучшие условия, чем на других предприятиях, получали более высокую заработную плату, — текучесть основной рабочей силы была колоссальна: в 1914 г. из 14 тыс. рабочих, получавших минимум 5 долл. в день, ежегодно сменялось 5,3 тыс. Из 30 155 изменений в рабочей силе 10 334 случая выпадало на долю рабочих, проработавших не больше 10 дней.

Все эти данные, — а их можно привести чрезвычайно много — говорят об огромном увеличении интенсивности труда.

Экстенсивное увеличение рабочего дня в основном сменилось интенсивным удлинением рабочего дня. Это конечно не значит, что капитал не ведет борьбы также и за экстенсивное увеличение рабочего времени. Но основной путь — это интенсивное удлинение. Экстенсивное уменьшение рабочего дня с излишком покрывается интенсивным его увеличением. Лишившись возможности безгранично увеличивать рабочий день (его экстенсивную величину), капитал имеет возможность вознаграждать себя за это «систематическим повышением степени интенсивности труда и превращать всякое усовершенствование машин в средство усиленного высасывания рабочей силы»¹⁰.

Утешения, с которыми обращались социал-фашистские лидеры в буржуазии по поводу сокращения рабочего времени, как раз и шли в этом направлении.

Например Р. Гильфердинг, говоря о введении 8-часового рабочего дня в Германии, ссылаясь на данные научных исследований. «Результаты этих работ всегда подтверждали, что сокращение рабочего времени в сравнительно короткий промежуток компенсируется повышением интенсивности труда»¹¹. Он ссылаясь еще на ряд «благоприятных условий», в которые поставлена Германия вследствие сравнительно низкого уровня заработной платы, и т. д. Таким образом Гильфердинг — а это делали также Лейпарт и др. — также усиленно утешал буржуазию, что у них сохранятся эти «благоприятные условия» и будет создана возможность усиленного высасывания рабочей силы, что с излишком компенсирует капиталистам сокращение рабочего времени.

Таким образом экстенсивное сокращение рабочего времени является интенсивным удлинением его. Если принять во внимание огромную степень роста интенсивности труда, отражающуюся в невиданном до сих пор росте несчастных случаев, в резком сокращении продолжительности жизни рабочего и т. д., то современный 8—10-часовой интенсивный рабочий день равняется крайне продолжительному экстенсивному рабочему дню. Превзойдены все естественные границы износа рабочей силы. Это конечно возможно только при условии огромного роста безработицы, дающего возможность быстрой замены уходящего рабочего новым рабочим. Современный интенсивный рабочий день равняется 18—20-часовому экстенсивному дню. Конечно трудно учесть степень интенсификации. Но огромное количество косвенных показателей чрезвычайно убедительно говорит об этом росте. Естественные границы суток расширяются социальными условиями. Каждый час интенсивной работы представляет

¹⁰ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1920 г., стр. 214.

¹¹ Цитирую по Гер. и Зайделю, Рабочее время, заработная плата, стр. 115

своеобразно «спрессованные» 2 часа и даже больше экстенсивной работы. Сутки расширяются за свои естественные границы. Таким способом капитал осуществляет своё стремление к максимальному получению прибавочного труда в условиях сокращенного рабочего дня интенсивным его удлинением.

Но этим самым граница между временем, отдаваемым рабочим капиталисту, и временем, которое как будто принадлежит рабочему, далеко отодвигается от видимой границы между экстенсивными величинами того и другого.

Отношение между рабочим временем и временем рабочего уменьшается, ибо рабочее время сильно удлиняется не только экстенсивно, но и интенсивно, и главным образом интенсивно, при экстенсивном уменьшении или сохранении времени рабочего (свободного времени). Что же происходит со временем рабочего, свободным временем? Не происходит ли своеобразный процесс интенсивного сжатия свободного времени рабочего?

Для капиталиста свободное время рабочего является неизбежным злом, мешающим до некоторой степени и в некотором смысле ограничивающим выколачивание прибавочной стоимости. Рабочее время и время рабочего в капиталистическом обществе—две антагонистические части одного и того же целого. В условиях капитализма отношение: $\frac{\text{рабочее время}}{\text{время рабочего}}$ неизбежно увеличивается, что является показателем растущей эксплуатации рабочего, ухудшения его положения.

Маркс дает обрисовку чрезвычайной яркости, чрезвычайной художественной выпуклости отношения капитала к свободному времени рабочего:

«Рабочий всю свою жизнь без изъятия есть не что иное как рабочая сила, и поэтому все время, которым он располагает, естественно и по праву представляет рабочее время и следовательно должно целиком входить в процесс самовозрастания капитала. Что касается времени, необходимого для образования человека, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья, будь то хотя бы в стране святителей субботы,—все это один пустой вздор! Но при своем безграничном слепом стремлении, при всей своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физически максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, необходимое для поглощения свежего воздуха и солнечного света. Он урезывает обеденное время и по возможности включает его в самый процесс производства, так что пища дается рабочему как простому средству производства, подобно тому как паровому котлу дается уголь и машинам—сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам оцепенения, сколько безусловно необходимо для того, чтобы оживить вконец истощенный организм. Таким образом не нормальное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, а наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно на-

сильственна и мучительна ни была она, ставит границы для отдыха рабочего»¹².

И это капитализму в той или иной мере удастся. Время рабочего часто делается простым придатком рабочего времени. Свободное время, которое Рикардо называл богатством, грабится капитализмом. Рабочий в этом отношении делается все беднее и беднее. Средства, направленные к развитию производства, подчиняют рабочего, являются средствами эксплуатации его. Они «все время его жизни превращают в рабочее время»¹³.

Интенсивное сокращение свободного времени происходит уже потому, что интенсивно удлиняется рабочее время. Одни и те же 15, 14, 13 час. внепроизводственного, так называемого свободного времени рабочего, затрачиваемого им на сон, питание и т. д., т. е. на восстановление рабочей силы, играют для него различную роль в зависимости не только от условий восстановления рабочей силы, но и в сильной степени в зависимости от условий и интенсивности ее потребления. Если перевести интенсивную величину рабочего времени в экстенсивную, например интенсивных 9 час.—в 15—16—18 час. экстенсивной работы, то совершенно ясно, что в случае например 9—10-часовой более нормальной работы в течение свободных 15—14 час. рабочая сила может быть восстановлена в большей степени, чем при работе, равной экстенсивным 17—18 час. и т. д.

Отношение между рабочим временем и свободным временем рабочего, если брать их экстенсивные величины, в течение определенного периода меняется сравнительно мало, даже при условии уменьшения или увеличения рабочего времени. Например при переходе от 8-часового рабочего дня к 9-часовому отношение, выраженное $\frac{8}{15} = 0,5$ переходит в $\frac{9}{15} = 0,6$.

Картина резко меняется, если берется не экстенсивная величина 8—9 час. и т. д., а берется количество часов, которые сpressoваны в этих 8—9 час.: 18—20 час., т. е. интенсивная величина; тогда отношение $\frac{9}{15}$ превратится в $\frac{20}{15}$ и т. д. Естественные границы суток работой этой интенсивности превзойдены. Время, отводимое в условиях такой интенсивной работы, даже при некотором сокращении рабочего дня, делается все более и более недостаточным для восстановления затраченной рабочей силы. Растущее интенсивно рабочее время снимает границы свободного времени рабочего. И не время отдыха, нужное для восстановления нормальной рабочей силы, становится границей интенсивно растущего дня, а наоборот: «возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненна и мучительна ни была она, ставит границы для отдыха рабочего»¹⁴.

Но не только по этой линии происходит интенсивное сжатие свободного времени. Оно происходит и благодаря изменению самих условий, среди которых происходит восстановление рабочей силы. Для ясности проведем параллель между заработной платой и временем,

¹² Маркс Капитал, т. I, стр. 190—191.

¹³ Маркс, Капитал, т. I, стр. 514.

¹⁴ Маркс, Капитал, т. I, стр. 191.

которым якобы располагает рабочий. Одни и те же номинальные заработные платы могут в различных условиях как реальные заработные платы резко отличаться друг от друга, например в условиях различных цен на одни и те же продукты. В одном случае рабочему приходится платить меньшую цену, в другом случае—большую. Реальная заработная плата во втором случае меньше, несмотря на одинаковость номинальной. Это всем хорошо известно. Но то же самое — и с временем. Одни и те же свободные 10 час. могут в различных условиях иметь различное значение, например в условиях необходимости затраты различного количества времени на удовлетворение одних и тех же потребностей. Представим двух рабочих, имеющих одно и то же свободное время, но один живет в квартире с русской печью, а другой — в квартире с газом. Совершенно ясно, что газ отнимает гораздо меньше времени, чем русская печь; следовательно 10 час. второго больше 10 час. первого и т. д. Не только по этой линии могут быть различия. Один рабочий работает в одних производственных условиях, другой — в других производственных условиях. Условия первого, предположим, тяжелее второго, и благодаря этому например заболеваемость первого выше заболеваемости второго. Последнее реально уменьшает его заработную плату и реально сокращает его свободное время. Другими словами, эти различные условия приводят к различию и в потребностях, необходимых для существования рабочего. Эта аналогия между заработной платой, т. е. частью вновь созданной стоимости, идущей рабочему, и частью времени, которой распоряжается рабочий, не случайна. В одном случае потребности рабочего располагаются в ценностной скале, в другом случае — в скале времени. Из того, что было сказано, следует, что экстенсивная величина свободного времени может интенсивно увеличиваться и уменьшаться, например при ухудшении квартирных условий свободное время интенсивно снижается, и т. д.

К сожалению статистика капиталистических стран не занимается изучением бюджетов времени рабочего. Такое занятие является далеко не выгодным для капитализма. Бюджеты времени могли бы ярко показать процесс интенсивного сжатия свободного времени, вне сомнения происходящий в условиях капитализма.

Имеется целый ряд данных, хотя и косвенных, но говорящих достаточно красноречиво об этом процессе.

Процесс обнищания рабочего класса, ухудшения его материального положения сам по себе уже говорит о таком интенсивном сжатии свободного времени. Особенно резко это бросается в глаза в условиях современного кризиса. Массовые выселения рабочих из квартир, происходящие в капиталистических странах из-за неуплаты квартирной платы; переселения рабочих в худшие квартиры; сокращение пользования коммунальными услугами и т. д., и т. п., — вне сомнения неизбежно приводят к интенсивному сжатию его свободного времени.

Уничтожение 60 рабочих домов в Фол-Ривере и Нью-Инглэнде (САСШ) под предлогом «уплотнения рабочих квартир», проживание многих рабочих в квартирах, непригодных для человеческого жилья (например в Вигалле — в Англии), и т. д. — лишь немногие из бесчисленного количества фактов, иллюстрирующих высказанное положение.

В Германии на окраинах городов растут так называемые дикие поселки. Так например в печати описываются «коммунальные» условия

жизни в таком поселке около Дюссельдорфа: «Умывальники и уборные отстоят от домов на 8 м, вода плохая, так как на бурение глубоких колодцев нехватает средств. О газе и электричестве не может быть и речи, об отоплении также».

Сокращение жилищного строительства (в Германии за 1931 г.—сокращение на 35% по количеству квартир), сокращение потребления электроэнергии и т. д. ярко показывают эти условия, приводящие к интенсивному сжатию свободного времени рабочего.

Рабочие бюджеты также достаточно убедительно показывают этот процесс. Например, по данным органа АДГБ «Die Arbeit» (№ 14 от 2 апреля 1932 г.), вся заработная плата с 1929 по 1932 г. сократилась с 233,52 марок до 157,60. Сократились расходы на квартирную плату с 21,66 марок до 20,60 (хотя эти расходы относительно выросли с 9,3 до 13,0%), сократились расходы на освещение и отопление, на одежду и т. д.

Даже социал-фашистский «Vorgwärts» пишет о резком ухудшении квартирных условий. Даже фашистский орган «Angriff» в номере от 11 октября 1932 г. приводит яркие факты ужасающих квартирных условий, например, печатает статьи под заголовками: «В нищенских квартирах беднейших», «6 уборных на 150 человек», «Клопы, крысы, тараканы — товарищи по квартире» и т. д. Использование жилищными благами германского рабочего сократилось на несколько процентов. Это говорит о том, что рабочему приходится менять лучшую квартиру на худшую, увеличивать саморемонтирование одежды и т. д. Если бы даже экстенсивная величина его свободного времени не сократилась, то интенсивная величина его значительно уменьшена вследствие необходимости затрачивать больше времени на удовлетворение отдельных потребностей.

Приходится все больше и больше отказываться от целого ряда культурных завоеваний. Сокращается употребление воды на одного человека: в 1931 г.—142 л, в 1932 г.—136 л; сокращается употребление электрических кухонь (например за 1931 г.—на 6%) и т. д. Происходит процесс сжатия свободного времени. Вследствие интенсивного увеличения рабочего времени и уменьшения свободного времени рабочего отношение первого ко второму все больше и больше увеличивается, что является показателем растущей эксплуатации рабочих, ухудшения положения их.

Свободное время рабочего сокращается, сжимается под влиянием изменений производственных условий, под влиянием изменений условий восстановления рабочей силы и т. д. Отношение рабочего времени к свободному времени рабочего с развитием капитализма все время уменьшается, поскольку идет интенсивное увеличение рабочего времени и интенсивное сжатие свободного времени. Отношение, которое мы приводим выше, $\frac{9}{15}$, равное при большом интенсивном удлинении рабочего дня например $\frac{20}{15}$, при условии интенсивного сжатия свободного времени предположим равным $\frac{20}{5}$. Конечно все эти цифровые иллюстрации являются очень и очень неточными, ибо интенсивное сжатие трудно учесть. Но они выражают процесс, который происходит в условиях капиталистического общества, процесс интенсивного увеличения рабочего дня и интенсивного сжатия свободного времени рабочего. Это является показателем растущей эксплуатации рабочих, ухудшения положения их. В условиях капитализма свободное время

рабочего является с точки зрения капиталиста неизбежным злом, является служанкой рабочего времени. Капитал стремится «превратить всю жизнь рабочего в рабочее время» (Маркс).

И это неизбежно в условиях капитализма. Но из этого конечно не следует, что борьба за снижение рабочего дня в условиях капитализма является ненужной. Без этой борьбы условия жизни рабочих были бы еще хуже, рабочие находились бы в полуживотном состоянии. Но эта необходимая борьба не может конечно изменить законы капитализма в рамках самого капитализма, как это проповедают например социал-фашисты. Она в конечном счете должна быть направлена против существования самого капитализма, ибо только уничтожение капитализма, уничтожение наемного рабства может привести к коренному изменению положения рабочего класса.

Мы уже видели выше, что сокращение рабочего дня не делало рабочего свободным в условиях капитализма. Сокращение рабочего дня капитал компенсирует «систематическим повышением степени интенсивности труда» (Маркс).

В условиях кризиса сокращенный рабочий день часто обозначает неполную работу за неполную оплату труда, т. е. частичную безработицу.

Таких частичных безработных, располагающих огромным «свободным» временем, во время кризиса насчитываются миллионы. Но они почти свободны и от средств существования. В Германии таких частичных полубезработных насчитывается более 20% членов профсоюзов. Степень их занятости иллюстрируется следующей таблицей (февраль 1932 г.):

Работающие:

Число рабочих часов в неделю	% раб-т.
1—8	40,3
9—16	25,5
17—24	24,2
25 и больше	10,0

То же самое и во Франции и в других странах. В свете этих данных делается совершенно ясной подоплека «борьбы», которую ведет социал-фашизм якобы за проведение 7-часового рабочего дня (40-часовая рабочая неделя). Под флагом борьбы с безработицей, борьбы с кризисом ведется борьба за проведение частичной безработицы, сопровождающейся соответственным и даже большим лишением рабочих средств существования. Критика их взглядов на 40-часовую рабочую неделю как средство избавления от кризиса, проповедуемая с целью отвлечения рабочих от революционного выхода из кризиса, отвлекла бы нас от нашей основной темы. Но что скрывается за этой борьбой, с большей ясностью можно видеть из целого ряда выступлений. В «Gewerkschaft Zeitung» некий Kumlleben, говоря о сокращении рабочего времени во Франции, показывает, что во многих отраслях идет уменьшение рабочего времени, особенно в отраслях, более захваченных кризисом, например в текстильной, металлообрабатывающей и т. д. Этот процесс уменьшения рабочего времени идет вследствие увеличения частичной безработицы. Автор сам этого не отрицает. Не отрицает также, что вместе с увеличением «свободного» времени идет и процесс освобождения от средств существования. Статья заканчивается тем, что проведение сокращенного рабочего

времени во Франции доказывает реальность борьбы за 40-часовую рабочую неделю вопреки всему тому, что говорили противники 40-часовой рабочей недели («Gewerkschaft Zeitung» 1932 г.).

Это говорит о том, что 7-часовой рабочий день, за который якобы борются социал-фашисты, означает не что иное, как частичную безработицу. Но частичная безработица, как мы уже доказывали, не только не исключает тенденции к экстенсивному и интенсивному удлинению рабочего дня, но обычно сопровождается еще более резко выраженной такой тенденцией. «Чем более сохранились дела, тем больше должна быть выручка с каждого дела. Чем меньше времени может продолжаться работа, тем продолжительнее должно быть прибавочное время»¹⁵.

Маркс приводит ряд примеров. «В то самое время,— говорит Леонард Горнер,— когда 122 фабрики моего округа совсем прекратили свое существование, 143 бездействуют, а все остальные работают неполное время, попрежнему совершаются нарушения установленного законом времени». «Хотя,— говорит он,— большинство фабрик работает вследствие плохого положения дел лишь половиною времени, я получаю все такое же количество жалоб на то, что ежедневно утягивается у рабочих $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ часа, средством для чего служат посягательства на время, определенное законом для еды и отдыха»¹⁶.

Этот способ удлинения рабочего времени отчеты инспекторов, приводимые Марксом, образно называют «кража минут». «Атомы времени суть элементы прибыли».

Капиталисты в условиях современного кризиса не удовлетворяются «кражей минут», хотя и этим не пренебрегают — они занимаются «кражей часов», правда, часто законодательно оформленной. Например в Соединенных штатах даже в условиях сокращенной недели законодательством допускается сверхурочная работа и работа в праздничные дни и т. д. Труд крайне интенсифицируется. Таким образом тенденция к удлинению рабочего дня, диктуемая ненасытной жаждой прибавочного труда, сказывается и в условиях сокращенного времени.

Конечно нельзя брать соотношения между «свободным» и занятым временем такого «неполного рабочего», ибо неполный рабочий свободен в значительной степени от средств существования, от средств, необходимых для ежедневного восстановления и поддержания рабочей силы. Рабочий имеет право существовать лишь постольку, поскольку он доставляет прибавочный труд капиталисту, и существовать только для этого. И если он не доставляет прибавочного труда капиталисту, то он совсем свободен не только от возможности трудиться, но и от возможности существовать. «Рабочий день не что иное, как персонифицированное рабочее время»¹⁷. И существование рабочего определяется количеством персонифицированного им рабочего времени. Чем меньше рабочего времени он представляет, тем меньше он имеет права на существование. Если он совсем не представляет рабочего времени, лишен возможности представлять рабочее время, то он лишается возможности существовать. Даже будучи полным рабочим, он представляет собой лишь рабочее время. Как рабочее время он только и существует: «Все время, которым он располагает, естественно и по праву представляет рабочее время и

¹⁵ Маркс, Капитал, т. I, гл. 8, § 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

следовательно должно целиком входить в процесс самовозрастания капитала» (Маркс). Таким образом рабочий в условиях капитализма существует лишь как человекообразное, персонифицированное рабочее время, целиком служащее для самовозрастания капитала, и если он не представляет собой рабочего времени, он лишается возможности существования. Это — две крайние границы: рабочий, существующий лишь как рабочее время, и рабочий, лишенный возможности существования.

«Неполный рабочий», т. е. частичный безработный, находится между этими двумя границами, так как он представляет персонификацию неполного рабочего времени, возможность его существования определяется величиной рабочего времени, представляемого им. Частичный безработный, работающий в Германии 1 день в неделю, имеет право и возможность существования также в течение только одного дня в неделю, остальные дни он лишен этой возможности. И таких — 40% всех частично безработных! И даже по отношению к ним происходит «кража минут» и даже «кража часов». Что же делать? Ненасытная жажда прибыли — закон капитализма, а «атомы времени суть элементы прибыли».

Экстенсивное и интенсивное удлинение рабочего дня, экстенсивное и интенсивное сжатие свободного времени рабочего вытекают из сущности капиталистического общества, которое характеризуется стремлением к максимальному выкачиванию прибавочного труда, стремлением превратить все время в «элементы прибыли». Оно характеризуется тем, что «накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки, труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на другом полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал»¹⁸.

Богатство, создаваемое трудом класса наемных рабочих, владеющих только рабочей силой, экспроприируется на основании имманентных закономерностей капиталистической экономики классом капиталистов, владельцев средств производства. Таким образом класс капиталистов перекладывает на рабочих труд, необходимый для поддержания его существования. И «труд» капиталистов является «трудом, затрачиваемым на максимальное выкачивание прибавочного труда из нанятых рабочих». Средства производства, которыми они владеют, с точки зрения процессов увеличения стоимости «существуют лишь для того, чтобы впитывать труд, и с каждой каплей труда впитывать соответствующее количество прибавочного труда»¹⁹. Присваивается рабочее время, затрачиваемое наемными рабочими. Оно превращается в огромные фабрики, заводы, в новые средства производства, все в большей и большей мере высасывающие прибавочный труд рабочего, все в большей и большей мере присваивающие рабочее время. Оно обеспечивает существование капиталистов, свободное время капиталистов. Капитал всю жизнь рабочего стремится превратить в рабочее время, свободное время рабочего сжимает, превращает лишь в условие существования рабочего времени. Капитал стремится сделать создание прибавочной стоимости основным содержанием всей жизни рабочего. Таким образом создается свободное время, обеспеченное всеми возможными условиями существования, — свободное время капиталистов.

¹⁸ Маркс, Капитал, т. I, гл. 23, § 4.

¹⁹ Там же, гл. 8, § 4.

«В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством превращения всей жизни масс в рабочее время»²⁰.

Следовательно свободное время капиталистов является экспроприированным временем рабочего.

Капиталисты получают возможность ничего не делать, ибо весь труд переложено на плечи другого класса, пролетариата. Если свободное время рабочего при капитализме является лишь условием рабочего времени, а вся жизнь рабочего превращается в рабочее время, то вся жизнь капиталиста стремится превратиться в свободное время. И эта тенденция осуществляется. Особенно эта тенденция резко проявляется в условиях империализма.

Империализм есть громадное скопление в немногих странах денежного капитала, достигающего, как мы видели, 100—150 млрд. фр. ценных бумаг. Отсюда — неизбежный рост класса, или, вернее, слою рантье, т. е. лиц, живущих «стрижкой купонов», — лиц, совершенно отделенных от участия в каком бы то ни было предприятиях, лиц, профессией которых является праздность»²¹.

Каждый доллар, каждый франк прибыли — это «атомы времени». Какое огромное количество этих атомов рабочего времени сосредоточивается в руках каждого капиталиста, превращается в свободное время капиталистов, обеспечивает их праздность, обеспечивает превращение есей их жизни в ничего неделание, развлечение, в питание, в сон и т. д.

«На одни только скачки и на охоту за лисицами Англия расходует ежегодно 14 млн ф. ст. (около 130 млн. руб.). Число рантье в Англии составляет около 1 миллиона»²².

Расходный бюджет каждого капиталиста показывает, каким огромным количеством экспроприированного времени рабочего, возможно его свободного времени, владеет он, превращая его в свое свободное время.

Сколько десятков рабочих дней втискивается в один свободный день капиталиста!

130 млн. руб., ежегодно затрачиваемых капиталистами Англии только на одни скачки, о которых говорит Ленин, это то, что получают в Англии на свое существование около 10 тыс. рабочих.

К сожалению у нас нет бюджетов времени капиталистов, чтобы хотя приблизительно судить, каковы эти бюджеты и как расходуется экспроприированное время рабочих в свободное время капиталистов.

Чез приводит таблицу расходов на сверхроскошь в Соединенных штатах. Она очень любопытна. Всего на сверхроскошь в 1919 г. затрачено 22,7 млрд. долл. Правда, Чез оговаривается, что это «не только излишества богачей», но отчасти и «ниже стоящих экономических группировок» («Трагедия расточительства», стр. 47).

Но если даже внести некоторые поправки и оставить только такие рубрики расходов, которые в подавляющей своей части можно отнести только к «излишества богачей», по терминологии Чеза, как

²⁰ Маркс, Капитал, т. I, гл. 15.

²¹ Ленин, Империализм как новейший этап капитализма, гл. VIII.

²² Там же.

например роскошная одежда, ковры, курорты, бега, яхты, ливреи и т. д., то получится довольно солидная сумма, во всяком случае не меньше 14—15 млрд. руб. А если принять во внимание, что и в других рубриках капиталисты принимают немалое участие, то сумма значительно вырастет.

Что означает эта сумма? В переводе на язык свободного времени рабочего она означает, по самым грубым подсчетам, возможность годового отпуска около миллиона рабочих с сохранением оплаты среднего рабочего у Форда (5—6 долл.).

Если взять всех рабочих Соединенных штатов (по переписи 1920 г., около 22 млн., не включая служащих), то они все могли бы получить двухнедельный отпуск с содержанием 5—6 долл. в день.

Но это только сверхроскошь. Здесь не учитываются другие расходы, не учитывается содержание всего класса капиталистов и т. д., не учитываются все потери, неизбежно вытекающие из сущности капиталистического способа производства...

Таким образом для капитализма характерна — это вытекает из его имманентных закономерностей — тенденция превращения всей жизни рабочего в рабочее время и за счет этого превращение всей жизни капиталистов в свободное время.

Только устранение капиталистического способа производства, только пролетарская революция может в корне изменить положение рабочего класса.

Проблема рабочего времени и свободного, действительно свободного времени рабочего ставится совсем по-иному. Иначе определяются границы рабочего времени. Имманентным законом капитализма является тенденция к безграничному удлинению рабочего дня, за последнее время перешагнувшего все возможные физические границы. Имманентным законом социалистической экономики является тенденция к сокращению рабочего дня. Возможность этого сокращения определяется развитием социалистических производительных сил.

И кроме того:

«При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми дееспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой точки зрения абсолютная граница для сокращения рабочего дня устанавливается всеобщностью труда»²³.

Пролетарская революция, передавшая в руки пролетариата средства производства, освободив основную производительную силу — рабочий класс — от наемного рабства, создала возможность максимального, неограниченного ничем роста производительных сил, роста производительности труда. В жестокой классовой борьбе, уничтожая классовое общество, уничтожая классы эксплуататоров и даже возможность их возникновения, она создает условия все большего и большего рас-

²³ Маркс, Капитал, т. I, стр. 412.

ширения всеобщности труда, создает возможность «сделать всех работниками» (Ленин).

Таким образом рост производительных сил, производительности труда, установление всеобщности труда, рост плановости распределения работников являются условиями сокращения рабочего дня. Введение 7-часового рабочего дня, действительного 7-часового рабочего дня, ставшего возможным на определенном этапе развития экономики СССР, является яркой иллюстрацией этого процесса. Борьба за сокращение рабочего дня идет не по линии борьбы с другим классом, заинтересованным в удлинении рабочего дня, экспроприирующим время рабочего, а идет по линии развития производительных сил, производительности, по линии уничтожения классов, перекладывающих труд на плечи других классов, по линии борьбы за плановое и организованное распределение рабочей силы, по линии развертывания социалистической организации труда. По этим линиям идет борьба за действительное царство свободы, где прекращается работа, диктуемая «нуждой и внешней целесообразностью»²⁴.

7-часовой рабочий день — это современный этап. Из сущности социалистических отношений, роста социалистического хозяйства, где все являются работниками, неизбежно вытекает дальнейшее сокращение рабочего времени. Этот этап еще не наступил. Еще не созданы для этого условия. Но они создаются. Этот процесс является одним из важнейших моментов «скачка из царства необходимости в царство свободы...». «По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое однако может расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие»²⁵.

Конечно осуществление этого скачка представляет огромные трудности, сопровождается ожесточенной классовой борьбой, борьбой за уничтожение классов, за ликвидацию всех пережитков капиталистического общества.

Маркс говорит: «Чем короче день, тем сильнее может быть интенсивность труда»²⁶. В социалистических условиях сокращение рабочего дня также сопровождается некоторым ростом интенсивности труда. Но этот рост интенсивности труда не сопряжен с опасностью для работника; наоборот, он является лишь естественным следствием роста физических и умственных сил работника и потребности в труде. И сущность самой интенсивности меняется, ибо это интенсивность работы на себя. Борьба за осознание труда как труда на себя, за уничтожение враждебного отношения к труду, привитого капиталистическим обществом, является длительной и ожесточенной борьбой.

Яркой иллюстрацией такого неизжитого отношения к труду являются имеющиеся и на наших предприятиях прогулы и простои. Прогулы и простои являются конечно фактическим «сокращением рабочего времени» за счет развертывания социалистического строительства.

Не о таком конечно «сокращении» рабочего времени говорит Маркс как об условии свободы. Сокращение рабочего времени должно основываться не на сужении производственной базы, а на расширении ее.

²⁴ Маркс, Капитал, т. III, стр. 191.

²⁵ Там же, стр. 592; подчеркнуто мною — М. К.

²⁶ «Капитал», т. I, стр. 412.

Это все равно, что рассматривать сокращение времени пробега поезда не на основе увеличения пути пробега в единицу времени, а на основе сокращения вообще пути пробега. Идеалом в таком случае был бы стоящий поезд.

Прогулы и простои по вине работников выражают стремление, осознанное или неосознанное, оставшееся в наследство от капитализма, «сбросить с себя и возложить на другой общественный класс естественную необходимость труда» (Маркс).

Это есть также «кража минут», «кража часов» из общественного времени. Это очень ярко выражено в одном письме в «Правду» рабочим «Шарикоподшипника» Жуковым по поводу декрета о борьбе с прогулами.

«... Давно пора! Рабочее время является народной собственностью, и тот, кто растрчивает время, принадлежащее пролетарскому государству, является преступником перед Советским союзом».

Прогулы и простои являются большим препятствием в деле борьбы за повышение производительности труда, по существу суживают всеобщность труда, мешают плановости использования рабочей силы и т. д., т. е. мешают созданию той базы, на основании которой только и может быть в будущем проведено сокращение рабочего дня — это основное условие царства свободы. Другими словами, прогулы и простои направлены против социалистического строительства, являются одной из форм классовой борьбы, направленной против него.

При капитализме свободное время рабочего является лишь условием его рабочего времени. В социалистических условиях, в условиях СССР, рабочее время делается основой свободного времени.

Если в условиях капитализма рабочее время и время рабочего являются антагонистическими частями одного и того же целого и время рабочего играет роль служанки рабочего времени, то в условиях социалистических эти части перестают быть антагонистическими, они превращаются в две различные части одного и того же времени, принадлежащего рабочему как свободному члену огромного коллектива работников, труд которых является трудом на себя.

Таким образом и то и другое время принадлежит рабочему — является временем рабочего.

Сбросив господство класса капиталистов — класса, который превращал всю жизнь рабочего во время рабочего, рабочий сам стал распоряжаться всем своим временем, превращая часть в Днепрострой, Магнитострой, фабрики, заводы, этим самым создавая прочную базу для улучшения своего положения, для действительного сокращения рабочего времени, являющегося базой свободного времени. Характер труда меняется. Труд перестает быть подневольным трудом. Он становится трудом на себя. Такой же характер получает и рабочее время.

«Само собой разумеется, что само рабочее время благодаря тому, что оно ограничено нормальным сроком, что оно уже не существует более для другого, а для меня самого, вместе с устранением социальных противоположностей между господами и рабами и т. д., как настоящий социальный труд, наконец как

основа свободного времени получает совершенно другой, более свободный характер»²⁷.

Рабочее время не вступает в конфликт со временем рабочего, не пожирает времени рабочего, свободного времени, а становится основой его. Оно служит основой экстенсивного и интенсивного увеличения его, точно так же как рост производительности труда рабочего в условиях социалистических отношений является основой роста его материального благополучия, в противоположность условиям капиталистических отношений, при которых рост производительности труда ведет к обнищанию рабочего класса, к «накоплению богатства на одной стороне и накоплению нищеты на другой».

В СССР в условиях неуклонного роста социалистических отношений, являющихся на современном этапе не только ведущими, но и преобладающими, происходит заметный рост как экстенсивной, так и интенсивной величины свободного времени. Основой этого роста служит рабочее время, которое само «получает совершенно другой, более свободный характер» (Маркс). Труд в СССР является трудом на себя, а поэтому и рабочее время существует не для другого, а для самого работающего. Введение 7-часового рабочего дня произошло на основе тех достижений, которых добился рабочий СССР на протяжении предыдущего периода в рамках существовавшего тогда 8-часового рабочего дня. Дальнейшее экстенсивное сужение рабочего времени и следовательно экстенсивное расширение свободного времени неизбежно будут вытекать из развертывания социалистического производства, роста производительности труда в рамках уже достигнутой уменьшенной величины рабочего времени. Это неизбежно вытекает из самого характера социалистических производственных отношений в противоположность тем процессам, которые совершаются в условиях капитализма.

В условиях СССР меняется не только количественное отношение между рабочим временем и временем рабочего, но резко меняется и характер самого отношения, резко меняется качественная характеристика и составных частей его: рабочего времени и времени рабочего.

Рост производительности труда в СССР происходит и должен происходить на базе технической реконструкции производства, развертывания социалистической организации труда. Рост интенсивности как один из факторов производительности труда конечно не выключается, но сама интенсивность, как мы уже говорили выше, приобретает качественно совершенно иную характеристику, ибо труд в СССР не является трудом на других, а трудом на себя, является «делом чести, доблести и геройства».

Рост интенсивности труда происходит в условиях роста материального благосостояния рабочих масс. Вследствие этого было бы нелепо утверждать, что вместе с экстенсивным снижением рабочего времени происходит и интенсивное сжатие его. Реконструкция технического процесса, экстенсивное сжатие рабочего времени, улучшение материальных условий существования рабочего и т. д. и т. п. создают условия такого роста интенсивности труда, который не только не вредит нормальной жизнедеятельности рабочего, но и сам вызывается ею.

²⁷ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 213; подчеркнуто всюду мной — М. К.

Конечно все это может и должно происходить в условиях роста социалистических отношений, вытекает неизбежно из сущности последних и не может происходить в условиях капитализма. Там рост интенсивности труда вызывается растущей эксплуатацией рабочего и приводит к истощению рабочего, сопровождается его обнищанием.

Выше уже было сказано, что рабочее время в условиях СССР является основой свободного времени, является основой его экстенсивного и интенсивного увеличения.

Время рабочего — свободное время — экстенсивно увеличивается. В то же время в противоположность капиталистическим условиям время рабочего и его семьи интенсивно увеличивается. Изменение бытовых условий, улучшение их вызывает интенсивное удлинение свободного времени. Рабочее жилищное строительство, так широко развертывающееся в СССР, является одним из важнейших источников улучшения бытовых условий и интенсивного удлинения свободного времени. Употребляя терминологию, аналогичную той, которая употребляется по отношению к зарплате, можно сказать, что реальное использование номинально мало изменившегося времени увеличивается. Приход времени остается тем же самым и даже увеличивается, а расход времени, идущий на удовлетворение отдельных потребностей, уменьшается. И это уменьшение происходит не потому, что та или иная потребность не удовлетворяется или плохо удовлетворяется, а потому, что в быт рабочего вводится целый ряд усовершенствований, резко сокращающих время труда в домашнем хозяйстве. Голландское отопление заменяется центральным, дома газифицируются, электрифицируются и т. д. Отопление, варка, уход за лампой и т. д. и т. п. отнимали чрезвычайно много времени. Например по расчету, сделанному т. Струмилиным (бюджет времени 1923—1924 гг.), приготовление пищи отнимало у каждого работника 77 час. в месяц. Совершенно ясно, что введение центрального отопления, газификации и т. д. освобождает чрезвычайно много времени. На первую пятилетку было запроектировано капиталовложений только на новое жилищное строительство 1 187,7 млн. руб. Но в действительности на жилищное строительство было затрачено гораздо больше. В одной РСФСР за один только 1932 г. сдано в эксплуатацию около 6¹/₂ млн. кв. м жилой площади на 1 083 тыс. чел., 4,5 млн. кв. м находится в строительстве.

Следующая табличка реконструкции показывает рост условий интенсивного удлинения свободного времени рабочих и их семей в СССР:

Количество городов, имевших

	В начале пяги пяти	В 1932 г.
Водопроводы	294	375
Канализацию	32	69
Коммунальные	527	972
Прачечные	9	124
Трамвай	39	49
Автобусы	82	168

Реальные возможности использования свободного времени сильно увеличиваются. Свободное время интенсивно удлиняется. И это сказывается на появлении новых потребностей, которые раньше за пределами времени отодвигались на задний план. Учеба, самообразование, участие в общественной деятельности начинают занимать большой удельный вес в бюджете времени.

Конечно нельзя закрывать глаза на те явления, которые мешают этому интенсивному росту свободного времени, например трата времени в очередях и т. д. и т. д. Все это — трудности, которых нельзя обойти, борьбу с ними надо максимально развертывать. Но было бы совершенно неверным за этими трудностями не видеть основных процессов в нашей экономике, процессов, вытекающих из самой сущности экономики СССР, а сами эти трудности рассматривать как характерные, непреходящие явления экономики СССР.

О процессе интенсивного увеличения времени рабочего и в связи с этим увеличения расходуемого времени на культурные потребности ярко говорят данные обследования бюджетного времени (данные ЦУНХУ). Приведем пару иллюстраций.

Расходы времени зарабатывающих членов семьи в часах

	1923/24 г.	1930 г.
Мужчины:		
Самовоспитание	1,60	2,65
Общественная деятельность	0,26	1,72
Женщины:		
Самовоспитание	0,53	1,30
Общественная деятельность	0,15	0,77

Не будем останавливаться на более подробном анализе бюджетов времени, на неточностях в связи с возможным различием количества и качества сопоставляемых объектов обследования. Но так или иначе сам процесс достаточно ясен.

Положение доходит до наглядно ощутимой убедительности при посещении рабочих центров, например Баку. Выстроен целый новый город рабочих домов со всеми удобствами. А рядом имеются рабочие, еще не охваченные этим строительством, живущие пока в старых помещениях, иногда лишенных элементарных удобств. Эти старые помещения — остатки прошлого, новые дома — это настоящее, это будущее. Рабочий, только перешедший из старого помещения в новое, говорит о том, что у него много освободилось времени и он не знает еще, как его распределить, как им воспользоваться. «Свободное время, время, находящееся в нашем распоряжении, есть само богатство» (Маркс). Рабочий стал богаче.

Рабочее время в рабочем государстве не враг свободного времени. Наоборот, на его базе последнее делается количественно и качественно богаче.

Но не только в этом направлении происходит высвобождение времени рабочего, его увеличение.

Приведем еще раз аналогию с заработной платой. Есть так называемая социализированная часть заработной платы. Не будем говорить о неудачности самого термина. Воспользуемся им, ибо он получил распространение. Социальный фонд заработной платы — социаль-

ное страхование, фубр и т. д. — освобождает индивидуальную заработную плату от ряда расходов. Часть расходов на нужды рабочего является обобществленной. Почти тот же самый процесс имеется и в области свободного времени, рабочего времени. Например устройство яслей освобождает от огромной траты времени, идущей на обслуживание ребенка. Эта часть расходов времени как бы обобществляется, создается своеобразный обобществленный фонд времени рабочего.

Для того чтобы представить себе огромное количество времени, освобождаемого таким обобществлением, достаточно взять огромный рост обслуживания детей дошкольного возраста за пятилетку:

Годы	Количество детей, охваченных дошкольным воспитанием
1928/29	452 900
1932/33	9 821 200

К тому же самому результату приводит и развертывание общественного питания и т. д.

На 1 декабря 1932 г. охвачено ежедневными обедами, выдаваемыми общественными столовыми, 14 млн. чел. Рост количества столовых выражается в следующих цифрах:

1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
3 433	5 308	13 093	17 700

В условиях СССР идет процесс экстенсивного и интенсивного увеличения свободного времени рабочего.

Этот процесс происходит на основе развертывания социалистического строительства, на основе роста производительности труда, на основе рабочего времени работника социалистического общества.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ЛЮКСЕМБУРГИАНСКОЙ ТЕОРИИ

I. О методе Розы ¹

Идейные корни и полуменьшевистский характер люксембургской теории империализма могут быть вскрыты лишь при условии разоблачения ее враждебной марксизму-ленинизму методологии.

Бросается в глаза, что Р. Люксембург, а за ней и ее псевдоследователи, не говоря уже об эпигонах, не поняли решающего в марксизме — его революционной диалектики.

Маркс, как известно, вскрывает экономический закон движения капиталистического способа производства из внутренних условий этого производства. Уже в товарной форме он находит в зародыше противоречия капитализма, вскрывает «развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества... от его начала до его конца» ². Маркс находит внутренний источник (импульс) самодвижения капиталистического производства в имманентных его противоречиях, развитие и углубление которых ведут этот способ производства к уничтожению, через подготовку в его недрах материальной базы социализма, с одной стороны, и класса-могильщика капитализма — с другой.

Вслед за Марксом Ленин применяет тот же метод анализа империализма, вскрывая, как на основе своих же внутренних законов капиталистическое производство на определенной степени своей концентрации порождает монополию, как капитализм свободной конкуренции перерастает в монополистический капитализм, как назревает эпоха социалистической революции и на основе неравномерности развития при империализме создается возможность и необходимость победы социализма в отдельных странах.

Принципиально иначе подходит к анализу капитализма Р. Люксембург. В противовес диалектике Маркса она выступает как механистка. Роза решительно не видит и отрицает внутренний импульс самодвижения капитализма и лишь на стороне находит для него спасательную питательную базу в лице некапиталистической среды. Возможно ли развитие капитализма на основе его внутренних сил и противоречий? Нет, отвечает Роза, такой капитализм невозможен, это фикция, ибо в пределах капитализма нерас реализуема прибавочная стоимость, поэтому выход для капитализма и источник его существования, как и гибели, дан лишь в его взаимодействии с некапиталистической средой. «Накопление капитала не может быть представлено, если предположить исключительное и абсолютное господство капиталистического способа производства; более того, оно без некапитали-

¹ Критика методологии люксембургства в целом — задача, явно выходящая за пределы поставленной темы. Здесь дается лишь некоторая характеристика этой методологии и отдельных ее сторон.

² «Ленинский сборник» XII, стр. 324; последняя разрядка моя М. М.

стической среды ни в каком отношении немыслимо»³. Внутренние условия самого капиталистического способа производства не дают, по Розе, объяснения источнику его движения, а, наоборот, означают его невозможность. Поэтому «марксова схема расширенного воспроизводства в момент ее соответствия действительности (т. е. при отсутствии докапиталистических формаций — И. М.) означает исход, историческую грань процесса накопления и следовательно конец капиталистического производства»⁴.

Таким образом Роза не только не видит, но и решительно отрицает самую попытку найти во внутренних отношениях капиталистического способа производства источник его движения, объясняющий из условий самого способа производства законы его развития и гибели. Более того, с ее точки зрения это означало бы, что «экономическому развитию капитализма этим самым не поставлены никакие границы», что поэтому «падает одна из основных марксовых опор социализма». Поэтому Роза как механистка обращается во вне к внешней среде, чтобы там найти источник движения капитализма, и она находит его во внекапиталистической среде. «Накопление невозможно в исключительно только капиталистической среде. Отсюда, начиная с первого момента развития капитализма, — стремление к экспансии за счет некапиталистических слоев и стран»⁵.

Таким образом Р. Люксембург, не поняв марксовой диалектики и находясь во власти механистической методологии, заранее закрыла себе путь к пониманию законов движения капитала, в частности его империалистической стадии.

И совершенно не случайно Бухарин в своем «Империализме и накоплении капитала» ни одного слова критики не направляет против этой решающей ошибки Р. Люксембург, определяющей несостоятельность и убогость ее теоретической концепции. Бухарин не может и не смеет критиковать Розу по этой линии, ибо он — механист. Его критика является поэтому формально-логической. Но это и подтверждает лишний раз, что последовательная критика теории Р. Люксембург может быть дана лишь с позиций марксизма-ленинизма.

Отнюдь нельзя признать последовательной и критику Р. Л., данную Мотылевым в его предисловии к 4-му изданию «Накопления капитала». Правильно отмечая, что в основе ошибок Розы лежит ее механистическая методология, он достаточно «гутаперчиво» формулирует (курсивом) свой вывод: «Р. Л. искала законы движения и гибели капитализма не столько в его самодвижении, в его имманентных процессах, сколько в его отношении к внешней среде»⁶. Характерно это «не столько — сколько», ибо у Р. Люксембург особенное состоит в том, что именно в отношении капитализма к внешней среде искала она законы его движения к гибели. Но еще более «странным» (по меньшей мере) выглядит следующий тезис Мотылева: «Механистический характер этой концепции очевиден. Частичный отказ Р. Л. при исследовании процессов накопления от диалектического подхода к явлениям, от исследования

³ «Накопление», капитала стр. 256.

⁴ Там же, стр. 29 —

⁵ Там же, стр.

⁶ Мотылев, Предисловие к 4-му изданию «Накопления капитала», 1931 г., стр. XXV.

их в самодвижении и привел к тому, что ее огромная марксистская эрудиция, ее блестящий марксистский ум как бы изменили ей при исследовании данной проблемы»⁷.

Здесь Мотылев дает нам образец меньшевистской критики ошибок Розы. Преодоление ошибок люксембургизма возможно отнюдь не посредством софизмов, как и не через замазывание этих ошибок. Нельзя безоговорочно заявлять, что «механистический характер этой концепции очевиден», и в то же время говоришь лишь о частичном отказе от диалектического подхода к явлениям. Такое объяснение истоков ошибок теории Р. Л. только путает и мешает вскрыть корни этих ошибок⁸.

Но указанный выше исходный пункт, вскрывающий противоположность методологии люксембургизма и марксизма-ленинизма, является отправным для вскрытия вытекающих отсюда других сторон методологических основ люксембургизма.

Как механистка Р. Люксембург по необходимости «стоит» на почве теории равновесия, в духе которой она истолковывает и схемы Маркса.

Капиталистический процесс производства не протекает «так гладко по математической формуле, как это показывает схема»⁹.

Но эта марксова схема при всех отклонениях от ее соотношений «представляет собой ту необходимую общественную среднюю, вокруг которой совершаются указанные движения и к которой они снова стремятся, после того как они от нее отклонились. Благодаря этой средней достигается, что колебательные движения отдельных капиталов не вырождаются в хаос, а удерживаются в пределах известной закономерности, которая гарантирует обществу дальнейшее существование, несмотря на отсутствие в нем плановости».

На деле же неверно, что марксова схема представляет собой ту общественную среднюю, вокруг которой совершаются указанные движения и удерживаются в пределах известной закономерности, ибо в этом случае следовало бы вслед за Струве признать марксову теорию воспроизводства теорией пропорционального распределения. На деле же верно только то, что «теория реализации предполагает пропорциональное распределение производства», но, предполагая это, она «отнюдь не утверждает, что в капиталистическом обществе продукты всегда распределяются или могут распределяться пропорционально»¹⁰. Сам Маркс заявляет, что он имеет целью «представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально-среднем типе» *Durchschnitt*¹¹. Маркс дает нам «идеал капитализма, но отнюдь не его действительность» (Ленин), идеал, который осуществляется лишь путем неосуществления». Маркс, а за ним и Ленин утверждают, что если даже представить себе идеально гладкий и пропорциональный тип воспроизводства и обращения всего общественного капитала, т. е. если исходить из наиболее благо-

⁷ Мотылев, Предисловие к 4-му изданию «Накопления капитала», 1931 г.

⁸ Не лишне напомнить, что некоторые из ретивых последователей Розы Люксембург утверждали, что Ленин «является одним из самых ранних... провозвестников концепции Р. Люксембург» (Бессонов, Программа Коминтерна и теория Р. Люксембург, «Спутник коммуниста» № 21 за 1923 г., стр. 161—162).

⁹ «Накопление капитала», стр. 62.

¹⁰ Том II, стр. 482, 491.

¹¹ Цит. вано у Ленина, ср. «Капитал», т. III, 1932 г., стр. 600; перевод дан иначе.

приятных для капитализма условий, то и в этом случае внутренние противоречия капитализма отнюдь не отпали и не смягчились бы. Роза Люксембург, наоборот, утверждает, что эта схема Маркса и является (при простом воспроизводстве) внутренним регулятором этого воспроизводства, ибо вокруг нее и «совершаются указанные движения, а колебательные движения отдельных капиталов не вырождаются в хаос»¹².

Характерно, что при этом Люксембург считает необходимым (и возможным) отвлекаться от кризисов. «Чтобы представить себе в чистом виде проблему капиталистического воспроизводства, — пишет она на стр. 8—9, — мы... должны именно отвлекаться от периодической смены конъюнктур и кризисов». Но что значит отвлекаться от кризисов? Это значит отвлекаться также и от основного противоречия капитализма. И вовсе не случайно для Р. Л. та аналогия, которую она в этой связи проводит. «Чтобы представить в чистом виде и разрешить проблему стоимости, мы должны отвлекаться от колебания цен... Научная проблема стоимости начинается следовательно как раз там, где кончается влияние спроса и предложения. То же самое можно сказать и о проблеме воспроизводства всего общественного капитала... Попытка разрешить проблему воспроизводства ссылками на периодичность кризисов в основе своей столь же вульгарна с экономической точки зрения, как и попытка разрешить проблемы стоимости колебаниями спроса и предложения» (там же, стр. 9).

В этой аналогии методологически характерно, что явления сферы обращения (колебания спроса и предложения) Р. Л. ставит на один уровень с основным противоречием капитализма, определяющим необходимость кризисов. И если возможна и необходима абстракция от спроса и предложения, то как возможна и допустима абстракция от основного противоречия капитализма и сопутствующих ему кризисов при анализе капиталистического способа производства?¹³

Между тем Ленин как раз подчеркивал, что марксова теория воспроизводства «не только не восстанавливает буржуазно-апологетической теории (как это причудилось Струве), а, напротив, дает сильнейшее оружие против апологетики. Из этой теории следует, что даже при идеально гладком и пропорциональном воспроизводстве и обращении всего общественного капитала неизбежно противоречие между ростом производства и ограниченными пределами потребления. В действительности же кроме того процесс реализации идет не с идеально гладкой пропорциональностью, а лишь среди «затруднений», «колебаний», «кризисов» и пр.»¹⁴.

Теория равновесия выступает у Р. Л. и в соотношении капитализма с некапиталистической средой. Именно нарушением равновесия между ними определяются и кризисы и исторические пределы самого капиталистического производства.

¹² Характерно сравнить это со следующим заявлением Гильфердинга: «...Мне часто думалось, что не следует жалеть о том, что... II том («Капитала» — М.) находит так мало читателей, потому что при известных условиях в нем можно было бы усмотреть гимн капитализму» (сессия «Verein für Sozialpolitik» в Вене в 1926 г.).

¹³ То же извращение метода Маркса совершает и Мотылев, когда он, замазывая ошибки Р. Л., утверждает, что «абстрактная теория реализации исследует проблему реализации, отвлекаясь от циклов и кризисов. Возможность такого отвлечения признает и Р. Л.». Но тут же он сам заявляет, что в марксову схему воспроизводства «включено противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Между тем именно это противоречие объясняет необходимость кризисов» (Предисловие, стр. XII).

¹⁴ Ленин, II, изд. 1-е, стр. 491; подчеркнуто Лениным.

Таким образом марксова теория воспроизводства ничего общего не имеет и иметь не может с теорией равновесия, из которой исходит Р. Л. как при истолковании марксовых схем, так и в своем анализе накопления капитала.

И здесь мы переходим к одной из характерных особенностей метода Р. Люксембург, что роднит его с методом теоретиков социал-фашизма вообще, — к ее меновой концепции. В самом деле, можно ли считать, что Р. Л. стояла на позициях меновой концепции? Ни Бухарин, ни Мотылев ни словом не обмолвились по данному вопросу в их цитированных выше работах, посвященных критике Люксембург. Достаточно робко отвечал на этот вопрос в своем предисловии к книге Р. Л. «Введение в политическую экономию» Розенберг: «...у нашего автора, — пишет он, — замечается некоторый перегиб в сторону обращения»¹⁵. Между тем следует признать, что одним из характерных моментов во всей теории Р. Л. является ее меновая концепция. И когда например Штернберг заявляет, что «в определение империализма решающим принципом должен быть введен сбыт»¹⁶, то он здесь отнюдь не грешит против Розы, а, наоборот, вполне продолжает ее. Присмотримся к делу поближе.

Уже в своих лекциях по политической экономии Р. Л. дает развернутую характеристику и выражение (отнюдь не «некоторый перегиб в сторону») меновой концепции. «Сам обмен регулирует теперь механически, наподобие водяного насоса, все хозяйство. Он создает связь между отдельными производителями, вынуждает их трудиться; регулирует их разделение труда, определяет их богатство и его распределение. Обмен управляет обществом»¹⁷.

Итак, оказывается, что отношения товарно-капиталистического производства определяются не общественным строем производства, а обменом¹⁸.

Эта меновая концепция проходит красной нитью через все «Накопление капитала». Вся проблема капиталистического процесса производства и воспроизводства перенесена Розой в область реализации. Для кого производится, кому сбывается, где и кто покупатели — вот вопросы, которыми Люксембург преследует на протяжении всей своей книги всех, против кого она спорит.

В погоне за покупателями Р. Л. оставила в стороне самый капиталистический процесс производства, его внутренние законы развития, его противоречия, их обострение и тенденцию их внутреннего развития. Источник существования и гибели капитализма передвинулся в ее представлении из сферы капиталистического производства в область его отношений с некапиталистической средой, в сферу сбыта и обращения. Да и Маркса она стрижет под свою меновую концепцию.

«По Марксу, связь между экономическими причинами и результатами такова:

¹⁵ Предисловие к 4-му изд. «Введения в политическую экономию», 1930 г., стр. IX.

¹⁶ «Der Imperialismus und seine Kritiker», S. 191.

¹⁷ «Введение в политическую экономию», стр. 196.

¹⁸ Это вполне в духе социал-фашистской политической экономии. Например Реннер пишет: «Процесс обращения является высшим законодателем и судьей капиталистического общества... Это он является последней инстанцией, решающей судьбу всех хозяйствующих субъектов». Отсюда и его теория социализации через обращение и т. д. («Теория капиталистического хозяйства», стр. 280).

Рынок сбыта... для капиталистических товаров является в каждый данный момент исходным пунктом. Им и его изменениями определяется соответствующая величина применяемого капитала. Им же определяется во вторую очередь и соответствующее количество занятого рабочего населения. Это видно у Маркса в первой части III тома на каждом шагу» (440).

Разумеется, вне обращения нет и процесса производства. Но элементарным является для марксиста — чего не поняла Р. Л., — что «Обмен... во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется этим последним», что «производство превалирует как над самим собой в противоположности всех определений, так и над всеми другими моментами» (Маркс)¹⁹.

Меновая концепция Р. Люксембург естественно не могла не определить того пути исследования и трактовки важнейших и решающих проблем, который мы имеем в «Накоплении капитала». В приверженности этой концепции — один из решающих пороков всей методологии Р. Люксембург.

Характерным, далее, в методе Р. Люксембург является ее неспособность воспринять примененный Марксом в «Капитале» метод исследования. Но это и не случайно, если мы вспомним, что диалектика буржуазного общества Маркса (т. е. в «Капитале» — М.) есть лишь частный случай диалектики. В частности красной нитью во всей критике Маркса проходит непонимание единства исторического и логического, непонимание роли и предела абстракции у Маркса. Это наиболее полно видно из ее отношения к абстракции «чистого» капитализма.

Р. Л. не поняла, что на определенной ступени абстракции обязательно отвлечение от ряда усложняющих моментов, которые в меру приближения к конкретному должны быть введены в анализ. Но не поняв этого, она приписывает Марксу абстракцию от тех моментов, от которых и на этой ступени анализа абстрагироваться недопустимо и от чего Маркс и не думает абстрагироваться. Когда Р. Л. пишет, что схема «исключает глубокое основное противоречие между производительной и потребительной способностью капиталистического общества», то она неправильно, во-первых, определяет основное противоречие капитализма, во-вторых, приписывает Марксу абстракцию от того, от чего он не абстрагируется, именно от важнейших противоречий капитализма и от кризисов.

И после всего этого Р. Л. подводит итог: «Итак, марксова схема расширенного воспроизводства не сумела объяснить нам процесс накопления, как он происходит в действительности и как он развивается исторически. Почему это случилось? Исключительно благодаря предпосылкам самой схемы»²⁰.

И здесь ключ к ответу на интересующий нас вопрос. «Это предположение (о «чистом» капитализме — М.) является... вполне допустимым теоретическим приемом там, где оно не изменяет условий самой проблемы»²¹. Больше того, анализ Маркса оказался заранее обреченным на неудачу, ибо «он был затруднен предполо-

¹⁹ «К критике политической экономии», Введение, 1929 г., стр. 35; подчеркнуто мной.

²⁰ «Накопление капитала», стр. 241.

²¹ Там же, стр. 241—242; подчеркнуто мной.

же не ем наличности безраздельного господства капиталистического способа производства»²².

Таким образом Р. Л. не мирится с методом Маркса, с его абстракцией от докапиталистических остатков, ибо это «изменяет условия самой проблемы». На самом же деле условием проблемы является как раз капиталистический способ производства как таковой; безраздельно господствующий. Возможна ли здесь реализация? Каковы внутренние законы его движения, его развития и гибели — а уж после этого посмотрим, как обстоит дело в реальном капитализме.

Р. Л. идет иначе: она с первых же шагов анализа сбивается на отношения реального капитализма и его окружающей среды. Она забывает, что «конкретное является единством в многообразии», что конкретное является в исследовании результатом, а не исходным пунктом. Поэтому Р. Л., сбиваясь на эмпиризм, проглядела самый капиталистический способ производства, а вместе с ним и его империалистическую стадию.

Таким образом метод Р. Люксембург есть метод механистический, метод, чуждый диалектике марксизма-ленинизма. Непонимание самодвижения и внутренних его импульсов, теория равновесия на базе меновой концепции, непонимание и прямое несогласие с марксовым методом исследования (непонимание единства логического и исторического) — вот та методологическая база, опираясь на которую Р. Люксембург взялась обосновывать империализм.

II. Теория империализма Р. Люксембург

Р. Люксембург поставила себе задачей — дать «экономическое объяснение империализма», которое помимо теоретического интереса должно иметь и определенное значение для практической борьбы с империализмом. В своей «Антикритике», написанной уже в период войны, Р. Л. вновь подчеркивает, какое большое практическое значение имеет «точно исследовать экономические закономерности... установить подлинный корень больших и сложных комплексов явлений империализма»²³. Она правильно подчеркивает, что «объяснение экономического корня империализма должно быть выведено специально из законов накопления капитала и приведено с ним в соответствие»²⁴.

Уже одна попытка поставить проблему империализма в связь с объективным и внутренним развитием капитализма, одна попытка представить империализм как необходимое явление поднимает Розу Люксембург на недосягаемую для теоретиков типа Каутского высоту, хотя ахиллесова пята теории Розы коренится, как мы еще увидим, именно в теории империализма Каутского. Р. Л. попыталась подняться над теорией II Интернационала в объяснении империализма, но пошлятина, которой окутали и извратили герои II Интернационала марксово учение, довлела и над Розой, поставив предел размаху и глубине ее теоретического исследования. В этом — одно из объяснений полуменьшевистского характера ее теории империализма. Куриная слепота и апологетическая сущность каутскианской теории империализма заключались уже в полемике Каутского против левых радикалов до и во время войны: является ли империализм

²² «Накопление капитала», стр. 244; подчеркнуто мной.

²³ «Антикритика», стр. 384.

²⁴ Там же.

лизм неизбежным или же он может быть преодолен в условиях капиталистического способа производства? Вопрос сам по себе схоластический — одно из выражений софизмов центризма²⁵.

И если уже этот вопрос свидетельствовал о непонимании сущности империализма Каутским, то все те толкования, которые давались им империализму, были апологетическими и затушевывающими действительные противоречия империализма и задачи пролетариата. По Каутскому, «империализм является только вопросом силы, а не экономической необходимостью. Он не только не необходим для капиталистического способа производства, но даже его значение для него часто невероятно переоценивается»²⁶. Доказав, что империализм экономически «не необходим», Каутский естественно должен ответить и на другие вопросы, связанные с империализмом. Так, он дает прямо-таки не превзойденный по пошлости анализ «своеобразного происхождения» войны 1914—1918 гг. «Обычно государства сперва формулировали требования, объявляли затем войну и приступали к мобилизации. На этот раз мобилизация была объявлена не из-за войны, а война из-за мобилизации (разве это не «своеобразие»? — М.), а от исхода войны будет зависеть (!) установление целей (?), из-за которых она будто бы (?!) велась»²⁷.

Но Каутский этой пошлостью не останавливается.

«Если бы каждая воюющая сторона, — писал он, — в точности знала, чего требует от нее противник, она может быть пришла бы к заключению, что продолжение войны (как гром среди ясного дня упавшей на голову империалистов — М.), даже в случае ее победы, может ей принести больше вреда, чем соглашение по поводу выставленных требований»²⁸.

Внесши столь исключительную ясность в вопрос о происхождении и характере войны, а война, по Каутскому, «разразилась в такой момент, когда не было налицо ни одного спорного империалистического вопроса»²⁹, Каутский, отрицающий «историческую необходимость» империализма, отвечает на вопрос об отношении к последнему.

«К империализму мы должны относиться точно так же, как и к понижению заработной платы, удлинению рабочего дня, повышению цен на съестные припасы путем налогов, пошлин и т. д. Мы должны бороться против империализма не с целью препятствовать экономическому развитию, а с целью заставить капиталистов поискать (замечательно! — М.) других путей для увеличения прибыли и области экономической эксплуатации, поднятия вывоза продуктов промышленности, ввоза сырья и пищевых веществ. Пусть они достигают этого не путем империализма, а требующими более ума (?) средствами демократии и свободного обмена продуктов»³⁰.

²⁵ «Суть дела в том, что Каутский отрывает политику империализма от его экономики, толкуя об аннексиях как «предпочитаемой» финансовым капиталом политике, и противопоставляя ей другую, возможную будто бы буржуазную политику на той же базе финансового капитала. Выходит, что монополии в экономике совместимы с немонополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике» (Ленин, т. XIX, стр. 145—146).

²⁶ «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств», М. 1917 г., стр. 24.

²⁷ Там же, стр. 76.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 73.

³⁰ Там же, стр. 93; подчеркнуто мной.

И когда сам «обер-социалист» так истолковывает проблемы империализма, то нельзя (вслед за Лениным) не признать Р. Люксембург срамом в сравнении с центристскими и социал-фашистскими курами. Но «куриная слепота» не пощадила и Розу, ее теория империализма этому яркое свидетельство.

Довольно распространенным является мнение, будто Р. Л. связывает и отождествляет империализм со всем периодом исторического развития капитализма. Такое толкование, правда, «облегчает», как и всякое упрощенчество, критику Розы; на деле же оно затрудняет вскрытие и разоблачение действительных ошибок теории империализма Р. Л. Если присоединиться к этому мнению, то естественно надо ответить и на такой вопрос: а есть ли вообще у Розы Люксембург своя теория империализма? Причем отрицательный ответ является в этом случае логически вполне уместным и пожалуй единственно правильным. Однако наша партия и Коминтерн устами т. Сталина говорят, во-первых, о теории империализма Р. Л. и, во-вторых, о ее полуменьшевистской сущности. Повидимому вскрытие и разоблачение этой полуменьшевистской теории Р. Л. представляет значительно большую трудность, но зато и более положительную задачу, чем достаточно несложная попытка отделаться и отговориться от этой теории. И письмо т. Сталина поставило эту задачу углубленной критики люксембургской теории.

В свое время т. Дволайцкий, крайне расщедлившийся на похвалы Гильфердингу и его «Финансовому капиталу» и дошедший при этом до чудовищного утверждения, что «лозунги циммервальдской левой, провозглашавшие неизбежность и необходимость превращения империалистической войны в гражданскую, упираются своими корнями именно в «Финансовый капитал», одновременно заявлял: «Мы прежде всего должны отметить, что империализм с ее (т. е. Р. Л. — М.) точки зрения непосредственным образом связан с существованием капитализма на всех ступенях его исторического развития. Он представляет собой не что иное, как процесс первоначального накопления, предшествующий каждому шагу капитала, идущего по пути расширенного воспроизводства».

Ту же мысль повторяет в своем предисловии к «Накоплению капитала» Мотылев: «Империализм в понимании Р. Л. сопровождается капитализм с первого дня его появления как постоянная, необходимая особенность»³¹. Уже в 1932 г. (после письма т. Сталина) авторы учебника «Империализм и всеобщий кризис капитализма» утверждают: «Из определения Розы Люксембург империализма следует, что последний представляет собой отнюдь не новое явление, связанное с новыми особенностями капитализма, а столь же старое, как и капитализм. Р. Л. отождествляет империализм со всем периодом накопления, включая и первоначальное накопление...»³².

Как видим, это мнение довольно часто отражается в литературе. Если бы речь шла о том, что Р. Л., как совершенно правильно отмечают ленинградцы, игнорирует «специфические черты импе-

³¹ Предисловие к «Накоплению капитала», стр. XX.

³² «Империализм и всеобщий кризис капитализма», стр. 477; подчеркнуто мной.

риализма как особой стадии капитализма», и именно в ленинском понимании этой стадии, т. е. как стадии монополистического, затнивающего и умирающего капитализма, то в этом случае не о чем было бы спорить, наоборот, дальнейшее изложение будет как раз посвящено выяснению этого момента. Но раз, по Розе, якобы отождествляется империализм с капитализмом, то какой смысл имеет критика несуществующей теории империализма Р. Л.? Не воюем ли мы в этом случае с «ветряными мельницами»?

Различает ли Р. Л. империализм как особую фазу, имеющую какие-либо особенности и отличия от других фаз в развитии капитализма?

Да, различает.

«Неудержимое стремление капиталистического производства в некапиталистические страны обнаруживается с момента его первого выступления на историческую сцену, тянется красной нитью через все его развитие и приобретает все большее значение, пока оно четверть века тому назад не вступает в империалистическую фазу как решающий и господствующий фактор общественной жизни»³³.

На стр. 456 она пишет: «Современный империализм является не первым шагом к экспансии капитала, как в схеме Бавэра, а лишь заключительной частью исторического процесса его экспансии»³⁴.

Она неоднократно характеризует империализм как «последнюю фазу капиталистического развития» (384), как одну из фаз капитализма, как его «заключительную фазу» (456).

Товарищи, критикующие Р. Л., иногда забывают, что имеют дело с механисткой, для которой характерно поэтому различие количества и игнорирование качества, в частности перехода количества в качество, и, вместо того чтобы вскрыть эту методологию, отдельные товарищи сами подпадают под власть ее, сбиваются на формальную логику: раз экспансия капитала, значит — империализм. А вместо этого надо выяснить, как понимает Р. Л. империализм в его отличии от других предшествующих фаз капитализма и что собственно представляет ее теория империализма в свете марксо-ленинской теории. Именно на этих путях возможна развернутая и последовательная критика теории империализма Р. Л.

Основной порок теории империализма Р. Л. состоит вовсе не в том, что империализм, по ее мнению, якобы сопутствует капитализму на всем протяжении его исторического развития: экспансия капитала вообще в некапиталистическую среду и по Р. Л. еще не есть империализм.

Основной порок ее теории заключается в ее методе, о чем была речь выше, что и закрыло для нее путь к уяснению главного и основного в империализме — монополии. Эту проблему — проблему монополии и монополистического капитализма — она решила достаточно «просто», загнав ее в примечание и сознательно исключив из поля своего зрения.

³³ «Накопление капитала», стр. 187; подчеркнуто мной.

³⁴ Там же, стр. 456—457.

«Рассмотрение картелей и трестов как специфического явления империалистической фазы на почве внутренней конкурентной борьбы между отдельными капиталистическими группами из-за монополизации, наличных областей накопления и из-за разделения прибыли лежит вне рамок этой работы»³⁵. Правда, и в этом примечании она говорит и об «империалистической фазе» и о том, что картели и тресты суть «специфические явления» этой фазы. Но вся специфика картелей и трестов у нее явно не выходит за пределы многих других «специфических явлений» этой фазы, как например милитаризм, высокие таможенные пошлины и т. п.³⁶

Что понимает Р. Л. под империализмом? Если и прежде была постоянная экспансия капитала, то империализм «представляет собой период всеобщей обостренной мировой конкуренции капиталистических государств за последние остатки некапиталистической среды на земле»³⁷. «Империализм является политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды, на которые никто еще не наложил своей руки»³⁸. Как видим, империализм связывается Р. Л. с борьбой за остатки некапиталистической среды, с соперничеством между капиталистическими классами различных стран «за мировое господство и за монополию эксплуатации и угнетения свободных еще от капиталистического господства областей»³⁹ с борьбой за продление существования капитализма. «Империализм как последняя фаза существования и высшая ступень развития политического господства капитализма»⁴⁰, как исторический метод «для продления существования капитала» — так ставит она вопрос. Но так как империализм усиливает темпы разложения некапиталистической среды, то «он в то же время служит вернейшим средством, чтобы вести капитал по капиталистическому пути и положить его существованию предел»⁴¹.

Как само существование капитализма в целом и накопление капитала, становятся возможными исключительно благодаря наличию некапиталистической среды, так и империалистическая фаза возникает из факта существования этой среды, из ее суживания. Империализм ни в коей мере не связан с внутренним развитием капиталистического способа производства, с законами капиталистического накопления; он связан с внешней для капитализма средой, где реализуется *T*. Больше того, империализм отнюдь не характеризует экономику капитализма, он представляет определенную политику капитализма в последней фазе его существования. Гибель капитализма вытекает вовсе не из обострения внутренних его противоречий на этой последней стадии его развития, а из-за истощения некапиталистической среды. Но до этого момента дело и не дойдет, капитализм погибнет до этого, — и здесь Р. Л. приходит к выводу, никак не вытекающему из ее теории, а являющемуся для последней чужеродным телом, — капитализм погибнет до этого в результате революции пролетариата.

³⁵ «Накопление капитала», стр. 327.

³⁶ Ср. стр. 384.

³⁷ «Накопление капитала»; стр. 456; разрядка моя.

³⁸ Там же, стр. 618.

³⁹ Тезисы группы «Интернационал».

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Стр. 319.

Такова вкратце теория империализма Р. Люксембург.

Попытаемся критически рассмотреть ее основные моменты в свете ленинской теории империализма и пролетарской революции.

Р. Л., сосредоточившая свое внимание на проблеме реализации, совершенно игнорировала существо внутренних законов и исторической тенденции капиталистического накопления. Поэтому она не ставит перед собой обязательный для марксиста вопрос: «куда растет» это накопление? Для нее достаточно того, что накопление имеет место, что превращение всей большей части прибавочной стоимости в капитал является принудительным законом для капиталиста.

«Капитал и самовозрастание его стоимости, — говорит Маркс, — является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для капитала, а не наоборот»⁴². Эту суть, смысл и историческое призвание капиталистического производства классическая политическая экономия, как теорит Маркс, выразила формулой «накопление ради накопления, производство ради производства». И Роза, едко иронизируя по адресу этой формулы своей знаменитой каруселью, лишь показывает свое неумение взять этот способ производства в его специфических особенностях, уподобляясь в этом отношении вульгарным экономистам.

Накопление капитала невозможно отделить от развития самого производства, и, наоборот, производство подчиняется полностью законам накопления и его конкретным формам. Одним из коренных недостатков анализа Р. Л. является поэтому игнорирование ею конкретных форм и тенденций капиталистического производства в связи с накоплением капитала, отрыв производства от накопления и наоборот. Для нее существует как исходный пункт лишь общая, абстрактная формула самовозрастания капитала, вся проблема у нее лишь в том посредством чего, каковы является реализация. Но и последняя отрывается ею от накопления и рассматривается обособленно, вне связи с самим накоплением, поэтому она не видит, что накопление капитала само связано с ростом внутреннего рынка и само создает в известных пределах этот рынок для капитализма в лице производительного потребления в связи с более быстрым ростом c по отношению к v . Она не видит, что с развитием капитализма в связи с законами капиталистического накопления развивается концентрация производства и вызываемая ею концентрация и централизация капитала, что эта концентрация и централизация капитала сами являются источником все возрастающей концентрации производства. Но эти процессы означают тем самым гигантское обобществление труда, создание общественных производительных сил производства, создание общественного производства⁴³. Но это общественное производство создается на антагонистической основе, на базе частного капиталистического присвоения, на базе внутренних импульсов капиталистического накопления. «Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время

⁴² «Капитал», т. III, стр. 171.

⁴³ «Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые единоличные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ достигла этого как бы по одному мановению руки» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 499).

накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал»⁴⁴. Этот всеобщий закон капиталистического накопления Р. Л. игнорирует и сбивается на прямое его отрицание. Противоречие между общественным характером производства и частной, капиталистической формой присвоения все больше обостряется, становясь источником гибели самого способа производства. Последний сам подготавливает как материальные условия, так и живых носителей своего уничтожения. Таким образом не во внешней для капитализма среде, как думает Р. Л., а во внутренних законах и условиях его движения даны необходимые условия его гибели.

И если для Розы накопление капитала от первого до последнего его дня связано с некапиталистической средой, то у Маркса накопление капитала есть присущее определенному конкретно историческому способу производства отношение, но отношение отнюдь не застывшее, а развивающееся и поэтому само подготавливающее свое отрицание. Поэтому для него историческая тенденция накопления капитала заключается вовсе не в том, что капитализм должен погибнуть с исчезновением некапиталистической среды, а в том, что развивающееся с накоплением капитала обобществление производства порождает отрицание общественной формы этого производства, отрицание капиталистического способа присвоения. И Маркс вскрывает нам диалектику частной собственности, которая связана с развитием капиталистического способа производства. Первоначальное накопление капитала «сводится к экспроприации непосредственных производителей», т. е. к разложению частной собственности, которая связана с развитием капиталистического способа производства. Первоначальное накопление капитала «сводится к экспроприации непосредственных производителей, т. е. к разложению частной собственности, покоящейся на собственном труде»⁴⁵. Здесь мы имеем экспроприацию капитализмом мелкого товарного производства, вытеснение и поглощение частной собственности мелкого товаропроизводителя капиталистической частной собственностью, покоящейся на наемном труде. Но на базе этой экспроприации развивается и углубляется разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, концентрируется производство, капиталистически кооперируется труд.

«Когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и следовательно общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Экспроприация подлечит теперь не самостоятельно хозяйствующий рабочий, а эксплуатирующий многих рабочих капиталист»⁴⁶. Эта новая форма достигается централизацией капитала, когда «один капиталист убивает многих», когда «капиталистический способ производства,

⁴⁴ «Капитал», т. I, стр. 515.

⁴⁵ «Капитал», т. I, стр. 611.

⁴⁶ Там же, стр. 612.

вытеснявший оперва рабочих, вытесняет теперь и самих капиталистов»⁴⁷.

Роза Люксембург видела первую экспроприацию, и на ней она по сути дела остановилась. Если прежде эта экспроприация по преимуществу сосредоточивалась в странах капитализма, то впоследствии, вплоть до империалистической стадии включительно, она осуществляется во внекапиталистической среде. Но теория Р. Л. явно игнорирует вторую экспроприацию, ибо центр тяжести для нее в первой. Но именно эта вторая экспроприация, осуществляемая орудием централизации капитала, подводит к тому этапу, когда монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета, когда на очередь встает третья экспроприация — экспроприация всякой капиталистической собственности вообще. «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют»⁴⁸. И этот переизворот — пролетарская революция — осуществляется вовсе не потому, что исчерпана некапиталистическая среда и накопление поэтому стало невозможным. Он обосновывается тем, что «централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой», тем, что «наряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала... растет масса нищеты, гнета, порабощения и эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самим механизмом капиталистического процесса производства» (М а р к с).

Эта третья экспроприация, т. е. пролетарская революция, у Р. Л. отнюдь не вытекает из внутренних тенденций капиталистического накопления.

Воспетаая идеологами капитализма, его «краса и гордость» — свободная конкуренция порождает концентрацию производства, которая на известной, притом высокой ступени своего развития ведет к монополии — этой противоположности свободной конкуренции. О монополии писал еще Маркс и притом весьма давно. «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию»⁴⁹. Но теперь речь идет о монополии как наиболее специфичном отношении современной стадии капитализма, как преобладающем, господствующем и всепроникающем отношении капитализма на определенной и притом высокой ступени его развития. «Монополия — есть последнее слово «новейшей фазы в развитии капитализма»⁵⁰.

Порождаемая капиталистическим накоплением концентрация производства на известной ступени ведет к монополии, не уничтожая однако свободную конкуренцию, а существуя «над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»⁵¹.

⁴⁷ М а р к с и Э н г е л ь с, Собр. соч., т. XIV, стр. 262.

⁴⁸ «Капитал», т. I, стр. 613.

⁴⁹ «Нищета философии», изд. 1922 г.; стр. 141.

⁵⁰ Л е н и н, т. XIX, стр. 93.

⁵¹ Т а м ж е, стр. 142.

Р. Люксембург, анализируя империализм и его экономическую основу, совершенно не поняла наиболее характерного, типичного и главного в этой «последней фазе» капитализма, она не поняла исторического и классового смысла и экономической основы этой «последней фазы». Р. Л. не поняла, что «порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма»⁵². Поэтому она для картелей и трестов не нашла лучшего места, чем подвальное примечание в три строчки, избавив себя от труда установить сущность этого, как она говорит, «специфического явления империалистической фазы». Но тем самым она закрыла для себя путь к уяснению тех противоречий, которые порождаются капиталистической монополией. Между тем капитализм на стадии империализма «вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает... капиталистов, вопреки их воле и сознанию, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению»⁵³.

Этот переход от капитализма свободной конкуренции через капитализм монополистический к отрицанию капитализма вообще естественно не может не быть характерен острейшими противоречиями, всепроникающими отношения капитализма на стадии империализма по всем линиям.

Разумеется, империализм есть прежде всего капитализм, надстройка над последним; империализм не представляет собой какого-либо нового способа производства, отличного и тем более противоположного капитализму. Он представляет собой лишь переход к такому новому способу производства. Но империализм представляет качественно особую стадию капитализма, именно стадию монополистического капитализма. Речь идет не о количественной разнице, а о новой качественной определенности. Империализм вырос на основе внутренних законов капитализма как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но на этой стадии «некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность»⁵⁴, капитализм свободной конкуренции сменился капитализмом монополистическим, небывало обострились все противоречия капитализма, ибо монополия — эта «самая глубокая экономическая основа империализма»⁵⁵, выросшая из капитализма, развивается в общей обстановке капитализма, в «постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой»⁵⁶. И именно это обострение противоречий и является внутренним источником движения империализма.

Не поняв экономического значения и сущности монополии, Р. Л. не поняла, что империализм есть капитализм на его монополистической стадии, а не политика капитализма⁵⁷, не одно лишь политическое выражение неизменного, качественного, одного и того же капитализма. Понятно после этого, что и все другие специфические

⁵² Ленин, т. XIX, стр. 85; подчеркнуто мной.

⁵³ Там же, стр. 89; подчеркнуто мной.

⁵⁴ Там же, стр. 142.

⁵⁵ Там же, стр. 151.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Разумеется, экономика империализма ведет и к соответствующей политике.

черты империализма выглядят вверх ногами в кривом зеркале люксембургской теории.

Впрочем в своей полемике против Бернштейна Р. Л. касается вопроса о картелях и трестах. Она желает опровергнуть мнение Бернштейна, будто союзы предпринимателей могут регулированием производств сдерживать анархию и предотвращать кризисы. Каково же главное возражение Р. Л.? Отметив, что «развитие картелей и трестов представляет собой явление, не исследованное еще в его многосторонних экономических воздействиях», она выдвигает против Бернштейна следующее возражение: «Но ясно во всяком случае одно — о сдерживании капиталистической анархии картелем предпринимателей речь могла бы идти лишь в той мере, в какой картели, тресты и т. д. стали бы всеобщей, господствующей формой производства, но как раз это исключается самой природой картеля»⁵⁸. Эту мысль о «всеобщей, господствующей форме производства» можно понять двояко: либо в смысле «организованного» капитализма (или единого картеля), либо в смысле той роли, которую на деле получили монополии. Но любопытно, что в обоих случаях Р. Л. допускает — ибо «ясно во всяком случае одно» — что анархия капиталистического производства могла бы быть сглажена («сдержана»). Она понимает картели только в одной связи — как средство борьбы против падения нормы прибыли.

«В конечном счете картели являются в сущности лишь средством капиталистического способа производства задержать в отдельных отраслях производства фатальное падение нормы прибыли»⁵⁹.

Монополия отнюдь не является для нее перерождением концентрации производства на той ступени, когда капиталистическое производство вступает в острейший конфликт с присущими ему отношениями производства, и Р. Л. не понимает ни внутренних законов концентрации производства, ни сущности монополии, когда она пишет:

«При сократившейся возможности найти место на рынке сбыта всякая частная доля капитала предпочитает искать удачи за свой страх и риск. Тогда организации должны неизбежно лопнуть, как мыльные пузыри, и вновь уступить место свободной конкуренции в усиленной форме». Либо монополия, либо свободная конкуренция; если сокращение сбыта, то распад монополии и усиление конкуренции, все остальное — от лукавого — вот ход мысли Р. Л. Что все время идет борьба между монополией и немонополизированной промышленностью, что все время идет борьба внутри монополии на основе «волчьего закона капитализма» — это у Р. Л. остается вне поля зрения. И, говоря уже на стр. 53 о том, что картели и тресты увеличивают анархию, она связывает это с единичными картелями и трестами периода домонополистического капитализма. Это особенно ясно, когда она пытается объяснить, почему при наличии кредита и картелей за 20 лет, начиная с 1873 г., не было кризисов.

Основную мысль Р. Л. продолжает Борхард, когда пишет, что «конкуренция, как известно, ограничивается монополиями, покровительственными пошлинами, картелями и трестами»⁶⁰.

Все это писала Р. Л. в 1899 г., но это же было ею повторено в

⁵⁸ Р. Люксембург, Избранные сочинения, М., т. I, ч. 1, стр. 51.

⁵⁹ Там же, стр. 52.

⁶⁰ «Накопление капитала», стр. 237.

1908 г., когда монополистическая стадия капитализма уже достаточно развернула все свои внутренние силы. Тем нагляднее уровень понимания сущности империализма Розой Люксембург.

Не встречаем мы у Р. Л. в силу всего этого и намека на понимание сущности финансового капитала. Игнорируя монополию и ее роль при империализме, Р. Л. не видит меновой роли банков, банковской монополии и — что является здесь самым главным — сращивания банковского капитала с промышленным, финансового капитала и финансовой олигархии.

Говоря в главе «Международный заем» об эксплуатации Египта европейским капиталом, Р. Л. излагает следующим образом его механизм: «Между европейским ссудным и промышленным капиталом происходит, как мы видели, такая сделка: египетские заказы промышленному капиталу Европы оплачиваются ее ссудным капиталом, а проценты одного займа покрываются за счет капитала другого займа. Эта сделка при поверхностном рассмотрении кажется бессмысленной, но с точки зрения «накопления капитала» в ее основе лежит весьма рациональное и «здоровое» отношение». Характерно здесь сведение банковского капитала к ссудному и совершенное обособление от промышленного капитала (отношения «сделки») при неопределенности формулировки «европейский капитал». Речь здесь идет не о финансовом капитале — иначе не было бы речи о «сделке», — а под «европейским капиталом» следует в соответствии со всей концепцией понимать промышленный капитал, а банковый (по Р. Л. — ссудный) капитал является здесь лишь посредником. У Р. Л. выпадают финансовая олигархия и та «личная уния» банков с промышленностью, которая создается финансовым капиталом, проникновение последнего в колонии сеть своих филиалов для эксплуатации на месте, роль финансового капитала как эксплуататора колоний.

Во всяком случае концепция Р. Л. исключает финансовый капитал, ибо, поскольку речь идет о реализации, тут на первый план собственно должен выдвигаться у нее промышленный капитал. И здесь мы подходим к узловому вопросу в связи с теорией Р. Л. — к экспорту капитала и к проблеме экспансии капитала вообще.

Экспансия капитала, по Р. Л., единственно и исключительно объясняется невозможностью реализации внутри страны (внутри капитализма), и только некапиталистическая среда является питательной базой и источником существования капитализма. Между тем она сама приводит следующее место из Маркса⁶¹: «Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не может быть помещен в дело внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли»⁶². У Розы, столь многократно подчеркивающей стимулирующую капитализм роль прибыли, выпала погоня за нормой прибыли, которая есть «огонь, зажигающий производство». Не в этом видит она источник экспансии капитала — вот в чем одно из важнейших ее заблуждений. Для эпохи империализма эта экспансия принимает более острые формы (борьба за «остатки»), качественно же невозможно уста-

⁶¹ «Капитал», т. III, гл. XV.

⁶² Стр. 439; подчеркнуто мной.

новить какое-либо принципиальное отличие домонополистической и монополистической стадии капитализма в этой экспансии. Поэтому вывоз товаров, характерный для домонополистического капитализма, не различается ею от вывоза капитала.

Ведь Роза Люксембург все время подчеркивает, что ни капиталисты, ни рабочие не могут явиться покупателями той доли товаров, которая представляет прибавочную стоимость, что от знаменитой «товарной кучи» остаются по преимуществу и главным образом нереализованными средства личного потребления, и именно отставание потребительной силы общества от его производительной силы выражается в избытке продукции II подразделения (так сказать «ширпотреб»). Ясно, что основной смысл значения некапиталистической среды — именно в поглощении ею этой продукции легкой промышленности. Если же экспансия связана и с вывозом средств производства и вообще продукции тяжелой индустрии (скажем, для ж.-д. строительства), то это, по Р. Л., всего лишь посредствующее звено, для того чтобы через разложение натурального и простого товарного производства расширить рынок для сбыта капиталистически производимых товаров⁶³, поток которых направляется в некапиталистическую среду по преимуществу в качестве продукции II подразделения. Таким образом экспансия капитала, вывоз капитала, по концепции Р. Л., означает вывоз товаров, но отнюдь не вывоз капитала. Больше того, именно из некапиталистической среды получает капитализм обмен на свои товары дополнительное сырье и рабочую силу.

Таким образом важнейший признак империализма — экспорт капитала — не находит себе места в теории империализма Р. Люксембург.

Между тем проблема экспорта капитала имеет для понимания империализма крупнейшее теоретическое и политическое значение, которого совершенно не понимает Р. Л. По ее теории, для капиталистического производства от первого до последнего дня его существования имеется необходимость вывоза в некапиталистическую среду и именно в товарной форме для превращения в чистое золото. Но она совершенно не понимает поэтому ни существа, ни внутреннего источника экспорта капитала, характерного именно для эпохи империализма. Для нее существует лишь обострение конкурентной борьбы, правда, в мировом масштабе, за остатки некапиталистической среды. Между тем в эпоху домонополистического капитализма еще нет экспорта капитала, а есть по преимуществу экспорт товаров, там еще нет необходимости экспорта капитала. А откуда вытекает эта необходимость экспорта капитала? Если возможность экспорта капитала дана экстенсивным распространением мирового рынка и вовлечением отсталых стран в его орбиту, то необходимость экспорта капитала вытекает из внутренней природы самого монополистического капитализма, она создается тем, что в «немногих странах капитализм «перезрел» и капиталу недостает (при условии неразвитого земледелия и нищеты масс) поприщ для «прибыльного помещения»⁶⁴. Дело здесь не в том, что невозможно реализовать прибавочную стоимость, а в том, что приложение капитала невозможно в странах развитого капитализма.

⁶³ Кстати развитие капитализма в колониях в свою очередь должно расширять внутренний рынок для капитализма, а не суживать его, как утверждает Р. Л.

⁶⁴ Ленин, т. XIX, стр. 120.

Теперь речь идет в первую очередь не о рынках сбыта, а о сферах приложения капитала и источниках сырья. Борьба за источники сырья и сферы приложения капитала является характернейшей особенностью монополистического, финансового капитала. С точки зрения теории Р. Л. — это необъяснимый факт, ибо ведь речь должна — согласно этой теории — идти о реализации прибавочной стоимости, т. е. в первую очередь о рынках сбыта, между тем как теперь на первый план выдвигается проблема источников сырья и приложения капиталов.

Далее, важнейшим объектом экспорта капитала является не одна лишь некапиталистическая среда, колонии, но и капиталистические страны. Больше того, страны вывозящие капиталы в колонии, сами являются сплошь да рядом сферой приложения иностранного капитала. Но если для «передовых» так называемых цивилизованных стран это не связано с их зависимостью от стран вывозящих, то следовательно, а тем более отсталые капиталистические страны сами становятся объектом эксплуатации вывозящих капитал стран в меру роста этого вывоза, в меру экономического в первую очередь проникновения финансового капитала вывозящих стран в экономику ввозящих капитал стран. Тем более это относится к колониям и полуколониям, зависимость которых от стран вывозящих становится абсолютной. Вывоз капитала становится источником паразитического загнивания (точнее — источником усиления паразитического загнивания, которое дано самой монополией) вывозящих стран, создавая тенденции к превращению их в страны-рантье, живущие стрижкой купонов.

«Вывоз капитала, одна из самых существенных экономических основ империализма, еще более усиливает эту полнейшую оторванность от производства слоя рантье, налагает отпечаток паразитизма на всю страну, живущую эксплуатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний»⁶⁵. Вывоз капитала, означающий закабаление и небывалый рост эксплуатации колоний финансовым капиталом, превращение большинства капиталистических стран в вассалов передовых стран, вывозящих капитал и превращающихся в государства-рантье как высшее (а по меньшей мере — крайнее) выражение загнивания и паразитизма этих последних, — все это не понято Р. Люксембург, все это потонуло в ее «экспансии капитала», в ее механистической схеме: капитализм — некапиталистическая среда. И в этой связи надо опровергнуть одну теоретическую и политическую ошибку, связанную с теорией Р. Л.

Империализм, по ее теории, «совпадает с индустриализацией и капиталистической экспансией прежних интерландов капитала, в которых происходила реализация его прибавочной стоимости»⁶⁶. Она прямо говорит о «превращении экономических интерландов и колоний в капиталистические самостоятельные единицы»⁶⁷. Между тем империализм характерен как раз тем, что не допускает индустриализации колоний и полукolonий, развивая такую промышленность и в тех направлениях и размерах, которые обеспечивали бы экономическую независимость их экономики от метрополий. В частности мы наблюдаем не развитие

⁶⁵ Ленин, т. XIX, стр. 152.

⁶⁶ «Накопление капитала», стр. 297.

⁶⁷ Там же.

производства средств производства, а развитие легкой индустрии; больше того, империализм сохраняет эти колонии, полуколонии и зависимые страны в качестве аграрного дополнения к своей отечественной промышленности, в качестве ее сырьевой, топливной (нефть и т. д.) и продовольственной базы. Империализм консервирует докапиталистические отношения в колониях, допуская лишь в определенных пределах развитие в них капитализма через многосложную систему экономических и политических мероприятий. Во всем этом заложен предел капиталистической эмансипации колоний и полуколоний, и здесь же — один из важнейших источников антиимпериалистических, национально-освободительных революционных движений в колониях и полуколонияльных странах. У Р. Люксембург же явно выделяется идея деколонизации, равно как у Каутского, формулирующего ее с большей определенностью и неприкрытым оппортунизмом⁶⁸.

В связи со всей своей теорией Р. Л. не видит и новой черты империализма — завершения раздела мира и борьбы за его передел. Для нее империализм связан с борьбой за остатки некапиталистической среды. Между тем характерной чертой империализма является отсутствие этих остатков; поэтому ввиду раздела мира финансовым капиталом теперь центр вопроса заключается уже в борьбе за передел мира, причем речь идет вовсе не об одной лишь некапиталистической среде. И крайне странно, что Р. Л., писавшая свою «Антикритику» уже во время войны, не заметила, что борьба между капиталистическими странами ведется не только из-за передела колоний, но и из-за таких отнюдь не капиталистических областей, как Эльзас-Лотарингия, Рур и т. д. И когда Р. Л. удивленно возражает: «к чему наконец современная драка из-за болот Конго и месопотамских пустынь?» (397), то это лишь является выражением односторонности и прямолинейности ее понимания сущности империализма и непонимания того, что болота Конго и месопотамские пустыни (мосульская нефть) выражают именно борьбу за передел мира. У нее, правда, проскальзывает проблеск, когда она подчеркивает в числе признаков империализма «перенесение решающей борьбы во имя экспансии из местностей, которые являются ее объектом, в страны, где она зародилась» (457). Но методологическая ошибка заключается здесь в том, что она ищет корень обострения внутренних противоречий империализма вовне, и, далее, она игнорирует те противоречия, которые определяют борьбу за эти «местности», за болота Конго и пустыни Месопотамии. Она не видит, что монополистический капитализм гонится не только за сырьем, уже доступным эксплуатации, но и за потенциальным сырьем, что «Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники... Финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподеленного мира или за передел кусков, уже поделенных»⁶⁹.

⁶⁸ Ленин, т. XIX, стр. 138; подчеркнуто мной.

⁶⁹ Через всю книгу Каутского «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» проходит красной нитью эта теория деколонизации.

То же находим и у Парвуса в книге «Колониальная политика и крушение капиталистического строя».

Ср. Штернберга: «По всей видимости, несмотря на финансовую зависимость Китая от

Формально-логическая теория Р. Л. делает бессмысленной погоню за всякими болотами и пустынями для финансового капитала и вместе с тем упускает из виду, что дело не ограничивается одними лишь болотами, но касается и первоклассных отраслей промышленности в том числе.

И здесь мы подходим к центральному вопросу, не получающему вовсе освещения у Р. Л., — к закону неравномерного развития капитализма при империализме. Был ли известен Р. Л. закон неравномерного развития капитализма? В общем да. Она неоднократно говорит о неравномерном, скачкообразном развитии капиталистического производства и обвиняет Маркса в том, что его схема якобы игнорирует эту неравномерность. Но теория Р. Л. не оставляет никакого места для закона неравномерного развития при империализме, и в этом один из решающих моментов ее несостоятельности и тех политических ошибок, которые она делала. Есть у нее экспансия капитала, есть империализм как обостренная конкурентная борьба за мировое господство, за остатки некапиталистической среды, есть экономическая невозможность капитализма, т. е. автоматический крах, но нет монополистического капитализма, поэтому нет и неравномерности развития при империализме, поэтому нет и правильной теории пролетарской революции. Как механистка Р. Л. могла бы в лучшем случае допустить лишь усиление этой неравномерности, не понимая однако качественно отличного и специфического характера неравномерности в эпоху империализма, ее решающего значения.

Эта качественно новая и специфическая характеристика закона неравномерного развития при империализме вытекает из смены монополистического, восходящего капитализма монополистическим, нисходящим и умирающим капитализмом. Этот закон, впервые открытый и обоснованный Лениным, и понимание, которое нашло дальнейшее развитие и конкретизацию в работах т. Сталина, имеют решающее значение в эпоху империализма.

Империализму присуща тенденция к нивеллировке уровня развития отдельных стран, а эта нивеллировка осуществляется и достигается скачкообразным развитием при империализме, эта нивеллировка сама является общей основой и базой, на которой развертывается скачкообразное, порывистое развитие отдельных стран. Основное противоречие капитализма, катастрофически для последнего обостряющееся на стадии империализма, когда раздел мира уже закончен, когда «свободных» территорий уже больше нет, когда вместе с тем небывалое развитие техники и усиливающаяся нивеллировка в уровне развития капиталистических стран создают возможность для скачкообразного развития и опережения более могучих капиталистических стран менее до того времени мощными, но быстро развивающимися странами, — это основное противоречие в числе прочих своих выражений выступает как противоречие между развитием про-

иностранный капитал, можно в недалеком будущем ожидать, что китайская буржуазия поведет самостоятельную китайскую таможенную политику, которая даст ей возможность строить свою собственную промышленность и тем самым сделать себя независимой от экспортных индустрий империалистических стран» (60).

Штернберг вполне может найти в китайской революции подтверждение своей теории деколонизации, особенно на уроках шанхайской интервенции и Манчжоу-Го, с одной стороны, и катанской коммуны и советских районов Китая — с другой.

изводительных сил и накоплением капитала в одних, более молодых странах и их долей в дележе «добычи» при уже совершившемся разделе мира финансовым капиталом старых стран, уже успевших прихватить для себя соответствующие колонии и сферы влияния, причем эта завершенная дележка отнюдь не может считаться окончательной при империализме, когда дележка идет по силе, согласно «волчьего закона капитализма — бить слабых и отставших». Отсюда — борьба за передел мира, войны. Закон неравномерного развития при империализме объясняет происхождение этого противоречия, сам его обостряет и показывает, почему необходимы войны при империализме, почему господствующий над всем миром империализм сам становится подверженным ударам пролетарской революции, победа которой в этих условиях становится возможной в отдельных и даже одной, отдельно взятой, капиталистической стране.

Монополистический капитализм, объективно выражающий назревший переход от капитализма к социализму, создает обострением своих внутренних противоречий необходимые условия для пролетарской диктатуры как высшего выражения сознательного осуществления этого перехода. А присущий империализму закон неравномерного развития ведет к расслаблению, «развинчиванию» общего фронта капиталистического господства и делает его уязвимым в наиболее слабых звеньях для пролетарской революции.

Таким образом речь идет не об автоматическом крахе, не о том, что капитализм становится сразу и повсеместно невозможным, и не о стихийном процессе, осуществляющемся в порядке самотека. Навстречу объективному ходу развития и на его основе вступает в свои права субъективный фактор, организация и подготовка которого к этой своей исторической миссии получают в этих условиях решающее значение.

Р. Люксембург никакого представления не имела об этом законе неравномерного развития при империализме, ее теория не оставляет для него места. Поэтому и пролетарская революция выступает у нее как единовременный акт. Теория империализма Р.Л., как уже отмечалось, отнюдь не обосновывает утверждения последней, что капитал «должен вызвать восстание международного пролетариата против существования капиталистического господства задолго до осуществления крайнего результата экономического развития, т. е. задолго до того момента, когда будет достигнуто абсолютное и безраздельное господство капиталистического производства в всем мире». Наоборот, этот вывод является чужеродным телом для этой теории; получается декретирование революции при теоретической ее необоснованности. Но вместе с тем получается идея одновременной революции как единовременный акт. Уже в полемике против Бернштейна Р. Л. истолковывает в этом духе проблему революции. «Если прежняя социалистическая теория признавала исходной точкой социалистического переворота общий разрушительный кризис, то здесь, по нашему убеждению, следует различать две стороны: скрытую основную мысль и ее внешнюю форму. Мысль заключается в признании, что капиталистический строй из себя, в силу собственных противоречий, породит момент, когда он безнадежно расшатается, когда он станет просто невозможен»⁷⁰. Эта теория автоматического

⁷⁰ Избранные сочинения, т. I, ч. 1, стр. 46.

краха вытекает с необходимостью и из «накопления капитала». «Невозможность накопления означает с капиталистической точки зрения невозможность дальнейшего развития производительных сил и следовательно объективную историческую необходимость гибели капитализма». Р. Л. чужда та мысль (и факт), что даже в условиях общего кризиса капитализма — и именно вследствие закона неравномерного развития — возможны капиталистическое развитие производительных сил в отдельных отраслях и странах при одновременном их застое в других и победа социализма в третьих. И эта теория Р. Л. нашла законченное выражение у Борхардта, который утверждал: «Путем бесперерывного капиталистического накопления... капитал дошел до того состояния, когда он не может больше накапливать»⁷¹, причем «именно летом 1914 г.» «капитализм достиг той границы, за пределами которой он не мог далее развивать производительные силы». Этот ответ дается Борхардтом на поставленный им в начале книги «актуальный вопрос величайшей важности», на «центральную проблему всей современной политики», а именно: «достиг ли вообще капитализм конца своего существования или же ему суждено действовать и дальше?» Теория автоматического краха, потерпевшая крушение в огне революционной практики, выступает таким образом как теория стагнации, или же как троцкистская теория «закупорки» производительных сил. С позиций люксембургской теории во всяком случае мудрено объяснить Октябрьскую революцию и борьбу двух систем. Точнее, эта теория отрицает социалистический характер Октябрьской революции, и уже поэтому непрочь опереться на эту теорию «левый» социал-фашизм. Не случайно поэтому и Тальгеймер отрицает общий кризис капитализма: «Рабочий класс стоит перед углубляющимися противоречиями между империалистическими державами, глубокой перегруппировкой, несущей с собой кризис теперешней империалистической системы»⁷².

Характерной особенностью теории империализма Р. Люксембург, роднящей ее со всеми социал-фашистскими теориями империализма, является игнорирование и замазывание загнивания и паразитизма при империализме. У Р. Люксембург в частности это случилось потому, что в погоне за некапиталистической средой она оставила в стороне внутренние противоречия капитализма и характерные для него при империализме внутренние процессы, важнейшим из которых как раз и является загнивание. Один факт в обладания монополии уже несет в себе источник загнивания и выражает последнее. В связи с вопросом об экспорте капитала уже была речь о связанном с ним загнивании и паразитарном перерождении горстки «перудовых» капиталистических стран в государства-рантье. Чтобы получить более полное представление об этой черте империализма, сюда следует прибавить такие важнейшие моменты, как задержка технического прогресса и создание рабочей аристократии. Характерным для меньшевизма является сознательное замазывание этого загнивания и паразитизма и прикрашивание противоречий империализма. Но теория Р. Люксембург такова, что она также обходит, не вскрывая, и тем самым замазывает это загнивание и паразитизм. Крайне важно также подчеркнуть, что Р. Люксембург не касается проблемы подкупа вер-

⁷¹ «Накопление капитала», стр. 332.

⁷² «Революционерн Эйдж» от 18 июля 1931 г.; подчеркнуто мной.

хушки рабочего класса империализмом, лишая себя тем самым возможности вскрыть классовые корни раскола рабочего движения в эпоху империализма, а также социальной базы и сущности оппортунизма и перерождения II Интернационала.

Ее неверное понимание марковского закона всеобщего капиталистического накопления, лассальянские мотивы ее теории зарплаты, ее общая концепция накопления капитала и кризисов с необходимостью ведут к игнорированию основы и остроты обостряющегося антагонизма между пролетариатом и буржуазией, с одной стороны, и раскола социализма империализмом через подкуп им верхушки рабочего класса — с другой. И крайне показательно, что даже в своей «Антикритике» она не ставит этого вопроса, как не ставит она его и в своих тезисах группы «Интернационал»⁷³.

Крайне характерно, что в штернберговском истолковании теории империализма Р. Люксембург красной нитью проходит та мысль, что именно на основе сверхприбылей империалистической буржуазии могло осуществляться повышение зарплаты рабочего класса. «Можно безошибочно утверждать, что колониальные прибыли, доходы промышленных монополий и вообще сверхприбыли образуют собой базис для повышения уровня жизни рабочего класса»⁷⁴. Так как Штернберг вслед за Р. Люксембург отрицает абсолютное обнищание (оно, по Штернбергу, только теперь начинает становиться действительностью), то здесь ограничимся только указанием, что он берет в приведенном рассуждении рабочий класс метрополий в целом, изображая его в целом соучастником империалистической эксплуатации колоний и отсталых стран.

Разумеется, непосредственно Р. Люксембург не отвечает за взгляды Штернберга и остальных эпигонов. Но что ее теория не снимает, а, наоборот, предполагает возможность такого толкования, это навряд ли может быть предметом спора.

И именно этим следует объяснить ту половинчатость и непоследовательность, которые характерны для левых радикалов с Р. Люксембург во главе в их борьбе против теории и практики II Интернационала, против оппортунизма, точно так же как и в их оценке и понимании глубинных корней центристского, а затем и социал-фашистского перерождения II Интернационала и его «обер-социалиста» Каутского в том числе. Именно на непонимании сущности произведенного империализмом раскола социализма покоится ошибочная тактическая линия Р. Люксембург в вопросах о расколе, о борьбе с центризмом, о создании III Интернационала, о конкретных путях и методах организации пролетариата для борьбы против империализма, за пролетарскую революцию.

Подведем некоторые итоги. Теория империализма Р. Люксембург несостоятельна в первую очередь потому, что она исходит и сама основана на чуждой, враждебной марксизму-ленинизму методологии. Эта последняя антидиалектична и является механистической от начала до конца. Она подменяет материалистическую диалектику Маркса—Ленина теорией равновесия и формальной логикой; она базируется на признании первенствующей, ведущей роли за сферой обращения, а

⁷³ Принята на учредительной конференции группы в январе 1916 г.

⁷⁴ Ш т е р н б е р г, Империализм и кризисы, стр. 45.

не производства; она в частности исходит из глубоко ошибочного понимания противоречий капитализма, сведя их в основе к противоречию между производством и потреблением, игнорируя и замазывая тем самым коренные противоречия, имманентные самому способу производства. Все это, вместе взятое, ближайшим образом роднит метод теории Р. Люксембург с методом теоретиков II Интернационала, в частности с методом Каутского. То обстоятельство, что для теории II Интернационала характерна уже с довоенного времени идеалистическая трактовка марксизма («неокантианство»), не меняет сути дела, ибо механистический материализм ведет с необходимостью к идеализму и поповщине.

Далее, и это уже определяется самим методом, теория Р. Люксембург характерна совершенным непониманием и игнорированием империализма как монополистической стадии капитализма. Р. Люксембург за своей теорией о некапиталистической среде проглядела внутреннее развитие самого способа производства, для которого она ищет эту внешнюю среду. Поэтому она не видит внутренних противоречий капитализма, каковы они на деле, не видит, как развитие этих противоречий ведет к перерастанию капитализма в капиталистический империализм. Поэтому империализм для нее — это политика, политическое выражение экономики, но отнюдь не сама экономика в ее единстве с вытекающей из нее политикой. И здесь надо отметить, что этот разрыв политики и экономики является одной из характерных особенностей меньшевистской теории вообще. Но Р. Люксембург не видит, что именно внутренние законы накопления капитала ведут к империализму, как кануну социалистической революции. Она ошибочно считает, что именно ее теория гарантирует сохранение основных устоев марксизма обоснования необходимости социализма. Между тем именно ее теория есть теория пассивной, бездеятельной выжидательности, пока капитализм «размоет» некапиталистическую среду, хотя и на той ступени роль субъективного фактора вырисовывается достаточно смутно, ибо в концепции Р. Люксембург «единственная насильственная мера, которая поведет нас к победе — это социалистическое воспитание рабочих в повседневной борьбе»⁷⁵. Если же практическая революционная деятельность известна в ином свете, то это отнюдь не всегда объяснялось последовательностью в осуществлении ее теории. Точнее, там, где Р. Люксембург выступает как революционерка, ее революционная практика отнюдь не может быть обоснована ее теорией. Не поняв экономической природы империализма как монополистического капитализма, Р. Люксембург не видит и качественных особенностей его в отличие от капитализма свободной конкуренции. Империализм выступает у нее лишь как определенное количественное нарастание экспансии, как возведенная в степень величина, не претерпевающая однако при этом качественных изменений. Больше того, империализм как политика есть лишь политическое выражение этого количественного усиления и обострения конкурентной борьбы и экспансии в некапиталистическую среду. Тем самым остаются в тени непонятные важнейшие явления и черты империализма. В частности эта теория замазывает обострение классовых антагонизмов при империализме, загнивание и паразитизм, классовые и экономические ис-

⁷⁵ Речь Р. Люксембург по вопросам тактики на штуттгартском съезде 1898 :

точники оппортунизма в рабочем движении и раскола социализма. Отсюда — ошибочное, полуменьшевицкое понимание тактики пролетариата в эпоху империализма, непонимание задачи выковывания большевистского авангарда для борьбы против империализма, за диктатуру пролетариата. Эта теория, далее, не объясняет экспорта капитала при империализме, чем замазывается рост противоречий между империалистическими странами, между горстью «передовых» стран и более отсталыми странами и наконец самое главное. — небывалая эксплуатация колоний метрополиями. Содержа в себе меньшевистские мотивы деколонизации, эта теория замазывает то обстоятельство, что действительная деколонизация возможна лишь в виде антиимпериалистической революции как составной части всей эпохи социалистической революции и при поддержке последней⁷⁶. Не оставляя места для закона неравномерного развития при империализме, эта теория не только неспособна поэтому объяснить этот закон, но и отрицает возможность победы пролетарской революции в отдельных и тем более в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Тем самым эта теория полностью сходится с меньшевистской теорией о революции как единовременном и повсеместном акте. Но если учесть, что эта теория есть теория автоматического краха, то, собственно, и для самой пролетарской революции остается довольно-таки мало места; поэтому и роль субъективного фактора в революции столь незначительна в люксембургской теории и практике. Все это теоретически и политически роднит теорию империализма Р. Люксембург с теорией империализма теоретиков II Интернационала, в частности с каутскианской, превращая ее в разновидность меньшевистской теории.

Р. Люксембург, как уже отмечалось, становится неизмеримо выше теоретиков II Интернационала, в частности Каутского⁷⁷, самой попыткой объяснить империализм из законов накопления как определенную, необходимую и заключительную фазу (ступень) империализма. Ибо если у Каутского мы видим стремление «отговориться» от существующих противоречий, забыть самые важные из них, вместо вскрытия всей глубины противоречий, если он, как мы видели, проповедывал «борьбу» с империализмом методами отказа от признания его «исторической необходимости» и апелляцией к империалистам вести капиталистическое производство средствами демократии и свободной конкуренции, «требующими более ума», чем империализм, то у Р. Люксембург мы такой пошлости и буржуазного реформизма не видим. Наоборот, она пытается вскрыть объективные закономерности империализма и его экономические границы. Эта попытка не могла у нее превратиться в плодотворное и пролетарское решение проблемы, ибо над нею довала методология тех самых «специалистов» и

⁷⁶ «Империализм есть между прочим вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии. Вырвать их из зависимости от европейского финансового капитала нельзя. С военной точки зрения, как и точки зрения экспансии (расширения), отделение колоний осуществимо, по общему правилу, лишь с социализмом, а при капитализме или в виде исключения или ценой ряда революций и восстаний как в колонии, так и в метрополии» (Ленин, т. XIX, стр. 255).

⁷⁷ Каутскому его теория послужила для следующего вывода: «Капитализм доказал на практике свою жизнённость и высокую приспособляемость к самым разнообразным и прямо даже отчаянным ситуациям, и с точки зрения экономической теории нельзя привести таких доказательств, которые ставили под вопрос его жизнеспособность» («Материалистическое понимание истории», т. II, стр. 559).

«обер-специалиста», которых по сути дела должна была сокрушить ее теория, ибо она, как и все левые радикалы, «несмотря на свою ленинскую, не освободилась от меньшевистского хлама» (Сталин). Поэтому Р. Люксембург дала и смогла дать лишь полуменьшевистскую теорию империализма, односторонность и прямолинейность которой ведет и обосновывает лишь пассивность, самотек и стихийность в рабочем движении перед лицом искавшей себе выхода, прорывавшейся сквозь общий фронт империализма пролетарской революции. И отнюдь нельзя считать случайным, что основные определения империализма Р. Люксембург идут по линии главного определения Каутского, которое критиковал в своей работе Ленин.

«Империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все большие аграрные области без отношения к тому, какими нациями они населены».

Р. Люксембург попыталась противопоставить каутскианской теории империализма свою теорию с целью нанести удар теоретической базе социал-предательства. Но она, как и вообще левые радикалы в германской социал-демократии, была «опутана со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантизма, «дружелюбия» к оппортунистам»⁷⁸ не только в политике, но и в теории.

Она не смогла преодолеть идеологии II Интернационала, на которой и в борьбе с рядом важнейших моментов которой она выросла.

Характеризуя одну из важнейших работ Р. Люксембург «Национальный вопрос и автономия», Ленин подчеркивал, что эта работа «обнаруживает крайнюю слабость автора (и несамостоятельность) в теории и политике»⁷⁹. Можно с полным основанием отнести эту оценку ко всей концепции Р. Люксембург. Да, теория империализма Р. Люксембург «обнаруживает крайнюю слабость автора (и несамостоятельность) в теории и политике».

Полуменьшевистская теория империализма Р. Люксембург сразу обнаруживает свою природу при попытке решения с ее позиций коренных и актуальных вопросов, поставленных перед пролетариатом войной и социалистической революцией, Коснемся некоторых из них.

Характерным для левых во II Интернационале было представление о социалистической революции как «чистой», т. е. такой, когда пролетариат сам лишь своими силами осуществляет свою революцию против буржуазии. В основе этого представления лежало общее для II Интернационала игнорирование проблемы союзников пролетариата в революции, что в свою очередь вытекало из того, что партии II Интернационала и не ставили всерьез проблему пролетарской революции и ее подготовки. «Весь II Интернационал 1871—1914 гг. противопоставлял социализм капитализму вообще, и как раз на этом слишком общем «обобщении» он потерпел банкротство»⁸⁰.

Оставаясь на почве этого «слишком общего обобщения», II Интернационал не ставил конкретных проблем борьбы за социалистическую революцию, и именно здесь получилась осечка.

Этот момент сильно дает себя знать и у Р. Люксембург. Так, выступая еще в 1899 г. на ганноверском партийном съезде против Бернштейна, она

⁷⁸ Ленин, т. XIX, стр. 190.

⁷⁹ «Ленинский сборник» XVII, стр. 276.

⁸⁰ Там же, стр. 113.

говорила следующее: «Товарищи, верящие в возможность привести общество к социализму мирным путем без катаклизма, совершенно не считаются с исторической действительностью. Отнюдь не следует представлять себе революцию только под видом вил и кровавой борьбы. Революция может протекать также и в культурных формах, и как раз пролетарская революция больше всякой другой может на это рассчитывать; мы меньше всех хотим прибегать к насилию, меньше всех жаждем грубой революции. Но это зависит не от нас, а от наших противников, и мы должны отказаться от обсуждения вопроса о форме завоевания власти; это — вопросы обстоятельств, относительно которых в настоящее время мы ничего не можем предсказать. Нас интересует только сущность дела, и заключается она в том, что мы добиваемся полной перестройки существующего капиталистического хозяйственного порядка, которая может быть достигнута только путем захвата государственной власти»⁸¹. Как видим, абстрактная постановка вопроса о социализме при явно ошибочном представлении о пролетарской революции и сознательном отказе от разработки ее проблем. И когда Р. Люксембург в своей статье «Национальный вопрос и автономия» (1908 г.) пытается более конкретно подойти к вопросам революции, то у нее выпирает то же представление о «чистой» революции. Ленин следующим образом характеризует ее мысль и свое отношение к ней: «Большинство народа. Но это — смерть для социал-демократии как классовой партии пролетариата, (вумно)»⁸². Что общего в этой мысли Р. Люксембург например с теми формулировками задач пролетариата как гегемона в буржуазно-демократической и социалистической революции, которые давал неоднократно Ленин, начиная с «Что такое «Друзья народа?» и кончая послеоктябрьским периодом? Что общего между теорией перманентной революции, творцом которой были Р. Люксембург и Парвус, с ленинской теорией перерастания? Ясно, что их разделяет пропасть.

Это представление о «чистой» революции наиболее ярко выступило в брошюре Р. Люксембург об Октябрьской революции (написанной в тюрьме), где она заявляет, что проблему осуществления социализма можно было в России «только поставить, а не разрешить», ибо в частности в связи с социализацией земли, тактически проведенной нашей партией для сохранения основных масс крестьянства за пролетариатом на первых этапах Октябрьской революции, между пролетариатом и крестьянством создано «непримиримое противоречие». Оставаясь на позициях характерной для II Интернационала недооценки роли и революционных возможностей крестьянства, она не понимала того, что «государственная власть в руках одного класса — пролетариата — может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отъема этих масс у буржуазии и мелкобуржуазных партий»⁸³.

Непонимание этого момента есть, по Ленину, «главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны «социалистов» II Интернационала».

Теория империализма Р. Л. закрыла ей путь к пониманию как конкретного содержания, так и хода пролетарской революции в связи

⁸¹ Р. Люксембург, Избранные сочинения, т. I, ч. 1, стр. 195—196; подчеркнуто мной.

⁸² «Ленинский сборник» XVII, стр. 279.

⁸³ Ленин, Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата.

с крушением империализма вообще, а непонимание закона неравномерного развития при империализме обезоружило ее перед лицом Октябрьской революции. Отсюда — «чистая» революция, отсюда — непонимание проблемы союзников, отсюда в частности — непонимание национально-колониального вопроса и отрицание возможности национальных войн при империализме. Этот последний вопрос — о возможности национальных войн при империализме — является важнейшим для понимания как империализма и его противоречий, так и конкретного хода и резервов мировой социалистической революции. И здесь, исходя из своего противопоставления капиталистической и некапиталистической среды и ошибочной теории империализма, Р. Л. проглядела, во-первых, назревание и возможность национальных войн внутри капиталистической среды: (ирландское восстание) и, во-вторых, нарастающее в колониях возмущение против империалистического гнета и возможность подрыва опоры империализма в колониях через антиимпериалистические революции в них. Она проглядела «неотвратимость войн при империализме и неизбежность коалиции пролетарской революции в Европе с колониальной революцией на Востоке в единый мировой фронт революции против мирового фронта империализма» (С т а л и н).

Возможность и прогрессивность национальных войн при империализме — именно как фактор подрыва империализма, как подсобный момент социалистической революции — не могли найти себе места в теории Р. Л. И именно к ней относятся в частности утверждения Ленина, что «кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дожидется», ибо думать, что «мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предвзвешиваниями, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так, значит отречься от социальной революции»⁶⁴.

В тесной связи со всей теоретической концепцией Р. Л. находится ее понимание субъективного фактора и роли партии в революции. Мы видели, что в погоне за некапиталистической средой Р. Л. проглядела тот раскол рабочего движения, который произведен империализмом, и классовые экономические источники оппортунистического перерождения II Интернационала. Крайне характерно и не случайно для всей ее концепции умолчание о связи социал-шовинизма с оппортунизмом, умолчание как в статье «Кризис социал-демократии», так и в тезисах группы «Интернационал» об оппортунизме и каутскианстве. Мудрено говорить о необходимости создания «нового» Интернационала, не вскрывая при этом полным голосом и членораздельно корни и сущность измены II Интернационала. Во всяком случае здесь и не отдает той принципиальной идейной непримиримостью, которая характерна для большевистской теории и политики. Здесь нет понимания того, что «без серьезнейшей и всесторонней подготовки революционной части пролетариата к изгнанию и подавлению оппортунистическому и думать о диктатуре пролетариата» (Ленин). И именно следствием всего этого следует объяснить, что например на I конгрессе Коминтерна представитель «Спартака», опираясь на империалистический мандат (Р. Люксембург и Л. Тышко), был против создания

⁶⁴ Ленин, т. XIX, стр. 269.

Коминтерна, считая это преждевременным. Именно этим следует объяснить сравнительно запоздалое создание коммунистической партии в Германии в расчете на завоевание внутри независимой социал-демократии.

Находясь на меньшевистских позициях понимания роли партии, Р. Л. не могла отводить и не отводила партии роль руководителя и вождя в революции, давая образец хвостистского понимания роли партии. Так, в программе «Спартак», принятой за неделю до январского (1919 г.) выступления, говорится, что «Союз спартаковцев ни в коем случае не возьмет власть иначе, как по ясной, недвусмысленной воле громадного большинства пролетарской массы во всей Германии, ни в коем случае, кроме как с сознательного согласия с намерениями, целями и методами борьбы Союза «Спартак».

Понимание роли партии Р. Л. не выходит за пределы агитации и пропаганды. Задача же руководства и организации масс, задача выковыливания пролетарского авангарда, способного возглавить и повести широкие массы пролетариата и трудящихся на борьбу за власть, явно «компенсируется» в ее концепции размыванием некапиталистической среды.

Несмотря на полуменьшевистскую теорию империализма Р. Л., несмотря на ее крупнейшие политические, тактические и организационные ошибки, мы не отдаем Р. Люксембург меньшевизму, от хлама которого она полностью не отделалась, ибо при выходе из тюрьмы в 1918 г. она стала круто поворачивать от своего прошлого к большевизму. Большевистская критика и преодоление ошибок Р. Л. отнюдь не заключаются в их замазывание. Эта последовательная критика «левизна на лица» тем более необходима и обязательна, что ошибки Р. Л. пытаются использовать и используют ренегаты коммунизма и «левые» социал-фашисты в целях своей борьбы против Коминтерна и революции.

Почему теория Р. Л. является для этого использования подходящим материалом, почему она «живуча»? Если оставить в стороне тот факт, что с именем Р. Л. связана борьба против реформизма в предвоенный и военный периоды — хотя и непоследовательная, меньшевистская, половинчатая борьба, — что Р. Л. погибла как знаменосец пролетарского восстания, хотя в ее руках знамя это держалось не всегда прочно, а путь, указывающийся ею, был достаточно далек от действительного пути пролетарской победы, — то остается следующее: происходящая в связи с борьбой двух систем, в связи с ростом социализма у нас и усилением загнивания капитализма, углублением кризиса в странах капитализма (особенно в Германии) радикализация масс в поисках выхода, крушение социал-фашизма и усиливающаяся тенденция перехода масс на сторону пролетарской революции, — все это заставляет социал-фашизм маневрировать, прикрываться левой фразой с целью удержать массы от перехода к коммунизму. Но предательство социал-фашизма, заключающееся в подготовке прихода Гитлера к власти и в ползании на брюхе перед ним; банкротство социал-фашизма в глазах миллионов и его феизбежный, уже начавшийся в широких масштабах крах в Германии: открытый переход части социал-фашистских организаций к лагерю и на службу Гитлеру, — все это будет толкать на новые левые маневры и левую фразу, часть социал-фашистов как последнюю плотину.

капитализма против массового перехода пролетариев Германии на сторону коммунизма, этой единственной силы, не склонившей свои боевые знамена перед фашизмом, а, наоборот, сделавшей их единственным в Германии знаменем борьбы против него. Здесь опять ошибки Розы Люксембург могут быть подняты на щит для борьбы против коммунизма, и, не греша против своей совести, социал-фашизм имеет возможность уцепиться как раз за то, что является ошибочным у Розы и родственным социал-фашизму, с тем чтобы, вытравляя все что у нее было революционного, использовать ее имя для борьбы с коммунизмом. С другой стороны, теория Р. Л. именно вследствие своей односторонности и прямолинейности, будучи негодной для понимания действительно сложных проблем теории и техники пролетарской революции, может однако импонировать известным слоям рабочих, уже способных возмущаться социал-фашистским руководством и его предательской политикой, но еще неспособных идти за коммунизмом. Таким образом теория Р. Л., точнее эксплуатация ее ошибок, является благоприятным для социал-фашистов и ренегатов средством удержать массы от перехода к коммунизму. Таким образом теория Р. Л. становится не «мостиком» к коммунизму, а проволочным ограждением к нему. Разумеется поэтому, что единственным средством пробить и уничтожить это ограждение является последовательная критика ошибок Р. Л. и разоблачение того шантажа, который совершают ренегаты коммунизма и «левые» социал-фашисты с именем Р. Люксембург.

ЗА ВЕРНУЮ ЦИФРУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА*

В свете огромных задач, стоящих перед нами во второй пятилетке, большое значение приобретает правильная постановка учета как важнейшего орудия в деле управления, планирования и контроля всего народного хозяйства. Организация четкого, точного учета в социалистическом обществе есть задача величайшей важности. Учет необходим как для правильного построения плана, так и для выявления новых ресурсов и для контроля проверки выполнения плана. Учет является одним из существеннейших рычагов в борьбе за осуществление плановых установок, так как без точного учета, верной цифры нет возможности правильно хозяйствовать, руководить, проверять выполнение плановых заданий. Учет вместе с тем является и одним из наиболее существенных орудий воспитания нового, социалистического отношения к труду.

На громадное значение учета в социалистическом хозяйстве неоднократно указывал Ленин: «Учет и контроль — вот главное, что требуется для налаживания, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества»¹.

Та большая роль, которую играет учет в наших условиях, ставит со всей остротой вопрос о нахождении точной цифры социалистического учета.

Борьба за верную цифру, за цифру обоснованную является классовой борьбой против буржуазных и мелкобуржуазных сопротивлений социалистическому строительству. Мы осуществляем социалистическое строительство в обстановке ожесточенной классовой борьбы, которая принимает разнообразные, зачастую замаскированные формы. Мы имеем факты проникновения буржуазных влияний в отдельные звенья хозяйственного и государственного аппарата, что находит свое проявление в даче неправильных сведений с целью сокрытия от пролетарского государства запасов и товарных фондов, с целью растраты государственных средств. Мы имеем проявление рваческих, кулацких тенденций, и в отдельных колхозах, что выражается в сокрытии дохода, преувеличении расхода, в желании урвать себе побольше, дать государству поменьше.

Борьба за точную цифру учета в социалистическом хозяйстве является вместе с тем борьбой за массовый всенародный учет, когда каждый социалистический работник следит за производством и распределением продуктов и учитывает их. Ленин писал, что «статистика была в капиталистическом обществе предметом исключительного ведения «казенных людей» или узких специалистов; мы должны понести ее в массы, популяризировать ее, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать...»².

* В порядке постановки вопроса.

¹ Ленин, т. XXII, стр. 163

² Там же, стр. 456.

Социалистический учет это не только учет, проводимый специальными людьми, счетоводами, бухгалтерами, статистиками, это прежде всего учет, проводимый рабочими массами на предприятиях, колхозными массами в колхозах. Рабочий, являющийся организатором, хозяином производства, заинтересован в росте производительности труда, улучшении производства по всему предприятию в целом. Он должен знать и учитывать не только итоги своей работы, но работу всего производственного коллектива. Только зная работу всего предприятия в целом, рабочий сможет по-настоящему участвовать в управлении производством, драться за выполнение плана предприятия, за устранение тех недочетов, которые имеют место на предприятии.

Всенародный учет является одним из могущественнейших орудий воспитания новой социалистической дисциплины труда. Сами трудящиеся массы, участвуя в строительстве социализма, вырабатывают новую, социалистическую дисциплину труда, основанную на сознательности рабочих. Всенародный учет вскрывает факты проявления шкурничества, реачества, несознательного отношения к работе, выводит на чистую воду всех тех, которые мешают, препятствуют организации нового, коммунистического отношения к труду.

Практически проводя в жизнь ленинскую идею массового и всенародного учета, мы тем самым приобретаем могучее орудие классовой борьбы против буржуазных и мелкобуржуазных сопротивлений социалистическому строительству, против извращения учетных данных, очковтирательства, так как всенародный учет — это наблюдение самих миллионных рабочих масс за построением правильной, точной отчетности, за верным отражением в документах состояния и развития отдельных хозяйственных единиц.

Одним из необходимых условий получения верной цифры является построение единой, целостной системы социалистического учета, правильная его организация. Сосуществование различных видов учета — бухгалтерского, оперативного, статистического, — не согласованных, не увязанных между собой, с различной методологией, дублировавших друг друга, приводит к тому, что зачастую по одному и тому же вопросу получаем совершенно различные данные. Это затрудняет возможность использования этих данных, не дает нам ясной, четкой картины происходящих у нас процессов. Верная цифра социалистического учета требует построения такой системы учета, в которой отдельные части были бы между собой органически увязаны, в которой был бы устранен всякий параллелизм, дублирование и разноречивость и в которой на отдельных участках были бы применены те методы учета, которые правильно, точно отражали бы изучаемые нами явления.

Борьба за верную цифру означает также борьбу за правильную методологию социалистического учета, методологию, соответствующую нашему плановому хозяйству. Только на основе такой методологии мы сможем получить правильную характеристику процессов, происходящих в нашем народном хозяйстве, сможем использовать учет как орудие социалистического строительства. Этому не понимает ряд товарищей, допускающих грубые механистические ошибки, заключающиеся в том, что старую статистическую методологию, полученную в наследство от прошлого, они некритически переносят в учет социалистического хозяйства. Нередко забывают, что статисти-

ка это не просто счет, что при помощи статистики мы даем количественное выражение определенному качеству. Всякое количественное изменение должно базироваться на правильной качественной основе. Об этом говорит и Гегель в своей «Логике», считая, что «...точно так же числа, которые нам дает статистика, имеют для нас значение лишь потому, что мы связывали их с определенными качественными результатами. Чисто количественные комбинации, производимые вне этой точки зрения, являющейся для нас руководящей, могут удовлетворить лишь праздно любопытство и не имеют никакого ни практического, ни теоретического значения»³.

Игнорирование этого основного положения статистики ведет к искажению результатов исследования. Классический пример неправильного понимания статистики, забвения материальной природы изучаемых явлений находим у народников, против чего резко выступал в своих работах Ленин, неоднократно подчеркивая диалектическое единство количества и качества. Ленин называет «игрой в цифирки» группировки земских статистиков, в основе которых не лежал экономический анализ изучаемых явлений. Говоря о работах Вихляева и Черненкова, он пишет: «Они так увлеклись пестротой цифр о распределении лошадей в крестьянстве, что превратили экономический анализ в статистическое упражнение».

Ленин в своих работах, критикуя народников и открывая классовую природу их ошибок, дал пример применения статистического метода к изучению закономерностей развития капитализма в России, где количественный анализ, а вместе с тем и методология статистики всецело определяются моментами качественного порядка.

Фетишизм числа, довлевший над старой статистикой, подвергшийся жесткой критике Ленина, воскресает вновь в несколько причесанном, прикрашенном виде, сдобренном цитатами из Гегеля, Маркса, Ленина, в недавно изданных книгах «Математическая статистика» и «Статистика», составленных бригадой Комакадемии под руководством Хотимского. В предисловии к первому изданию «Математической статистики» мы имеем точное определение задач и самого понятия статистики: «Было бы наиболее правильным назвать наш учебник курсом теории статистики. Тем не менее мы, отдавая дань установившейся терминологии, называем его учебником математической статистики, чтобы подчеркнуть, что содержание его включает в себя новейшие достижения статистической теории. Такой термин тем более удобен, что в своем изложении мы предполагаем рассмотреть только собственно статистические проблемы, т. е. проблемы измерения массовых процессов, и математический аппарат, применяемый с этой целью, и опускаем как технику статистического производства, так и ряд чисто экономических проблем, обычно включаемых в учебники теории статистики, по существу же подлежащих рассмотрению в курсах соответствующих экономических дисциплин».

Итак, здесь мы имеем не формулировки задач статистики как метода изучения количественных изменений, с которыми связан определенный качественный результат, не определение статистики как количественного оформления качественных понятий, а статистику лишь как способ измерения массовых процессов, как некий математический аппарат, применяемый к изучению этих процессов безотносительно к качественной природе их — вот то понимание статистики,

³ Гегель, Логика.

которое имеется у наших авторов. Качество это само по себе покоится «в курсах соответствующих экономических дисциплин», а количественные массовые процессы и их измерение — это задача статистики и подлежит включению в курс статистической дисциплины. На эту же ошибку авторов указывает и т. Кедров в своей статье «О новом учебнике по математической статистике» в журнале: «Книга и пролетарская революция» № 2—3 за 1932 г. Там он говорит следующее: «Авторы по существу подменяют теоретико-познавательную установку установкой чисто математической» (стр. 128). В книге «Статистика» (изд. Комакадемии) имеется местами как будто бы отступление от вышесформулированного принципа. Приводятся цитаты из Гегеля, в которых он говорит о том, что «в статистике числа, которыми она занимается, также интересны лишь обусловленными ими качественными результатами». Но в данном учебнике вышеприведенные рассуждения являются лишь притянутыми за волосы, так как о них на следующих страницах сейчас же забывают, и положение о том, что статистика призвана измерить лишь количественные процессы, забывая совершенно о качественной стороне этих процессов, остается и здесь в силе. «Из предыдущей главы мы знаем, что предметом статистики являются количественные процессы в особого рода коллективах многих единиц. Там же установлены специфические особенности этих (статистических) коллективов — массовая закономерность как способ проявления внутренней связи внешне независимых элементов — этих коллективов. В противоположность этому предметом учета является изучение количественных процессов в таком объекте, внутренняя связь элементов которого не затушевана внешней независимостью, а, наоборот, непосредственно в этой внешности выражена» (стр. 42).

Так как задачей статистики и учета является лишь изучение количественных процессов безотносительно к их качественной природе, то и основное различие между статистикой капиталистического хозяйства и учетом социалистического хозяйства кроется не в их методологии, определяемой социально-экономическими процессами, происходящими в этих различных общественных формациях, а сводится к тому, что «центр внимания из сферы обращения, гипнотизирующей господина капиталиста и его ученого, резко переносится на сферу производства», «в методологию статистических работ все больше и больше внедряется марксизм», «существеннейшей особенностью статистики переходного периода по сравнению со статистикой капиталистической является ее полнота и всесторонность», «не менее резким отличием нашей статистики уже в переходном периоде является организация ее на основе единого плана», «при этом уже статистика переходного периода характеризуется все большим и большим использованием учетных материалов ведомств, зачастую отказываясь от своих специфических приемов наблюдения» (стр. 44 и 45). Мы здесь перечислили все признаки, по которым статистика капиталистического хозяйства, по мнению авторов «Статистики», отличается от учета социалистического хозяйства. Здесь и примат сферы производства, полнота и всесторонность, использование учетных материалов и т. д., но забыта всего лишь одна «мелочь», а именно то, что статистика не просто количественное измерение массовых явлений, а что в основе количественного измерения должен лежать экономический анализ изучаемого явления. Если мы таким образом подойдем к понятию

статистики и учета, то увидим, что основное различие между ними кроется в том, что как статистика, так и учет применяются к измерению совершенно различных социально-экономических процессов. Экономическая и материальная природа изучаемых явлений здесь совершенно различна, и это ведет к различной методологии, применяемой в капиталистической статистике и социалистическом учете. Ленин указывает даже на то, что и при капитализме нельзя пользоваться одними и теми же методами учета и что методы эти необходимо менять в зависимости от изменения общественных условий.

«С.-х. статистика, если бы она была поставлена осмысленно, разумно, должна бы была видоизменять свои методы исследования, приемы, группировки и т. д. в соответствии с формами проникновения капитализма в земледелие, например особо выделять гомстэдные участки и проследить их хозяйственную судьбу. К сожалению в статистике слишком часто царят рутинные, бессмысленные шаблонные повторения однообразных приемов»⁴. Тем более это необходимо подчеркнуть при переходе от статистики капиталистического хозяйства к учету социалистического хозяйства.

Методология учета должна быть построена исходя из анализа нашей социалистической экономики, исходя из тех закономерностей, которые существуют в плановом хозяйстве. Методология статистики капиталистического хозяйства, определяемая его способом производства, его закономерностями, будет одна, методология учета социалистического хозяйства, исходя из его экономических законов, — другая. Разницу между статистикой и учетом методологического порядка, а в этом по существу их основное различие, может понять только тот, который не считает статистику просто измерением массовых процессов при помощи математической аппаратуры, для которого статистика и учет измеряют не просто массовые явления, а массовые явления определенного качества и качество этих массовых явлений, определяет и ту методологию, которая при измерении применяется. Поэтому неудивительно, что у вышеупомянутых авторов выпала методологическая разница между статистикой и учетом, у них нет, отсутствует самое качество измеряемых явлений, которое определяет методологию, поэтому выпала и она.

С полным отсутствием методологических установок мы встречаемся и в разделе «Народнохозяйственная система показателей». Основным в этом разделе у вышеупомянутых авторов является развертывание одних показателей из других, а не рассмотрение вопроса о пригодности имеющихся у нас показателей для характеристики процесса воспроизводства в народном хозяйстве.

Ленин, разбирая статистическую методологию народников, подробнейшим образом останавливался на существующих показателях, анализируя, критикуя их и конструируя новые показатели, пригодные для изучения экономических явлений. Наши авторы не интересуются вопросом о том, правильно ли намечен показатель роста индустриализации, выражены ли темпы нашего развития в полноценных экономических показателях; их задача заключается в чисто арифметических упражнениях, выведении одних показателей из других. Определение статистики лишь как способа количественного изучения массовых явлений дает возможность обойтись и здесь без рассмотрения проблем методологического порядка.

⁴ Ленин, т. XVII, стр. 579.

Такого рода механистическая путаница в вопросах социалистического учета вытекает из общего механистического понимания авторами природы нашего советского хозяйства. Они не видят принципиального различия между экономикой социалистической и капиталистической. Экономические категории, существующие в капиталистическом хозяйстве, как абстрактный труд, редукция сложного труда к простому труду, стоимость, имеют место, по мнению авторов, и в социалистическом хозяйстве. Так, говоря об учете живого труда в плановом хозяйстве, у авторов фигурирует такая категория, как абстрактный труд: «Поэтому результат такого сложения не соответствует массе труда в теоретико-экономическом смысле, т. е. массе простого абстрактного общественного труда. Но именно он должен служить исходной величиной при расчете необходимого числа физических лиц — рабочих»⁵.

О том, что это не просто оговорка, свидетельствуют и все дальнейшие рассуждения авторов о редукции сложного труда к простому труду, редукции, осуществляющейся лишь в стихийном капиталистическом хозяйстве именно при наличии абстрактного труда. Авторы говорят не только об учете абстрактного труда, не только о редукции, но целый раздел посвящают вопросу «Пути определения трудовой стоимости»⁶.

Здесь мы имеем дело с грубыми механистическими ошибками авторов «Статистики» по вопросу о природе нашего советского хозяйства. Отсюда и непонимание природы социалистического учета, отсутствие марксистско-ленинской трактовки его.

Если, с одной стороны, в статистике мы имеем дело с механистическими ошибками, по которым и необходимо сосредоточить главный огонь, то, с другой стороны, нужно вскрыть и ту идеалистическую путаницу, которая здесь существует. В представлении статистиков-теоретиков идеалистического мировоззрения статистика не может дать отображения конкретной, реальной действительности. Существуют некие «истинные величины», которые не познаваемы в конкретном измерении, можно только выявить отклонения и случайные колебания этих величин. Такое идеалистическое понимание задач статистики ведет и к соответствующей трактовке вопросов статистической методологии. Из предположения существования «истинных величин» вытекает их реакционная теория устойчивости, так как «истинные величины» должны быть неизменны, неподвижны по своей природе. Идеалистически контрреволюционная теория устойчивости нашла свое отражение в «эмпирических закономерностях» Громана: эта теория протаскивается и в некоторых разделах статистической методологии, например в индексах, под видом постоянных неизменных весов при взвешивании индексов. В статистической теории мы имеем дело и с чисто идеалистической трактовкой теории вероятности, которая не отражает объективного свойства реальной вещи, а является некоей субъективной категорией, определяемой лишь количеством произведенных наблюдений. С таким пониманием теории вероятности мы встречаемся у вышеупомянутых авторов «Статистики». Теория вероятности лежит в основе выборочного метода, имеющего практическое значение и в наших условиях. Идеалистическая трактовка теории вероятности приводит к совершенно невер-

⁵ «Статистика», стр. 90.

⁶ Там же, стр. 95.

ным установкам в области выборочного метода. Отрицание теории вероятности как отражения свойства какой-то реальной вещи дает возможность строить абстрактные коллективы, внутри которых отсутствует в условиях классовой борьбы, в условиях реального развития производительных сил дифференциация отдельных частей коллектива. Абстрактный коллектив, являющийся совершенно равномерным, и составляет основную предпосылку применения случайной выборки в выборочном методе. «Статистик абстрагирует реальные условия случайной выборки как таковой. Различия отдельных единиц генеральной совокупности снимаются при таком отборе нацело». («Теория математической статистики», 2-е изд., стр. 85). Абстрактный коллектив и случайная выборка из абстрактного коллектива — результат идеалистического понимания важнейшего раздела статистической методологии — теории вероятности.

Очищение теории статистики как от механистических ошибок, так и идеалистического хлама, свившего себе там гнездо, создание новой марксистско-ленинской методологии в области социалистического учета, — конкретная боевая задача сегодняшнего дня. Осуществление этой задачи и будет залогом того, что мы дадим верную цифру, правильно отражающую все процессы, происходящие в нашем народном хозяйстве.

Механистическая, а также идеалистическая трактовка вопросов теории статистики не будирует, не мобилизует внимание работников статистики на изыскание новых методов в области социалистического учета, отражающих закономерности, присущие нашей экономике. С явной недооценкой вопросов методологии социалистического учета мы встречаемся например в статье Минаева в журнале «Народное хозяйство» № 3—4 за 1932 г., изучающего темпы, динамику нашего хозяйственного развития. Темпы развития, долженствующие представлять собой изменение объема производства, могут получить правильное отражение, если их выразим всей суммой затраченного, ове- щественного и живого труда. Вся сумма затраченного труда находит свое выражение в произведенной продукции. Показатель, характеризующий темпы нашего продвижения вперед, рост индустриализации нашей страны, выбран правильно — это продукция, вся суть лишь в методологии исчисления этого показателя, рассмотрим которой мы и займемся.

Темпы развития нашей промышленности Минаев изучает при помощи валовой заводской продукции, которая представляет собой «стоимость всех выработанных за данный период готовых изделий и тех выработанных за тот же период полуфабрикатов, которые в пределах данного предприятия остались непереработанными, т. е. стоимость изделий и полуфабрикатов, идущих на образование запасов, на капитальное строительство данного завода, на прочие нужды завода и на сторону вне завода, считая и предоставляемые услуги» (Инструкция по заполнению форм годового отчета). Валовая заводская продукция по отрасли или всей промышленности в целом представляет собой сумму продукции отдельных предприятий. Главным методом планирования и управления в социалистических предприятиях является хозрасчет, последовательное проведение которого обеспечивает выполнение плана предприятия. Исходя из задач хозрасчета, наша промышленность организована в виде отдельных самостоятельных хозяйственных единиц. Эта самостоятельность сводится к возможности свободного маневрирования материальными и

денежными ресурсами в соответствии с плановыми заданиями. Каждая хозяйственная ячейка должна быть заинтересована в результатах своей работы, в рационализации производства, в накоплении и т. д. Для проверки выполнения плановых заданий необходимым учет всех показателей, в том числе и продукции по отдельным хозяйственным единицам. Учет валовой заводской продукции необходим как в целях планирования, так и изучения народнохозяйственных процессов. Но валовая заводская продукция не должна быть единственным количественным показателем, при помощи которого мы изучаем наше хозяйство. Для полного отображения и всестороннего изучения ее необходимо прибегнуть к целому ряду показателей, которые лишь в своей совокупности дадут возможность охватить и познать явления нашей экономики в целом. Это ставит вопрос о конструировании новых показателей и о разработке методологии их исчисления. Одним из таких показателей является валовая продукция отрасли, в которой исключен весь внутренний оборот.

Наличие отдельных хозяйственных единиц усложняет методологию учета продукции, так как создает двойной счет при учете продукции по промышленности или по отрасли в целом как сумму продукции отдельных предприятий. Продукция, учтенная по одному предприятию как результат его деятельности, может войти в стоимость продукции другого предприятия как средства производства и здесь учитываться вторично. Так например, сталь учитывается один раз по металлургическим заводам, которые ее производят, а вторично в машиностроении или в других предприятиях, которые ее потребляют. Размер этого двойного счета зависит от структуры промышленности; чем дифференцированнее производство, т. е. чем больше взаимно дополнявшие прежде процессы производства обособляются в самостоятельные предприятия, тем больше будет повторный учет; комбинирование предприятий уменьшает его. Для комбинированного промышленного предприятия валовая заводская продукция является лишь стоимостью отпущенных за пределы данного предприятия продуктов. Здесь исключается повторный счет стоимости материалов, передаваемых из цеха в цех, между тем как в дифференцированных предприятиях выпускаемый полупродукт является уже продукцией. Стоимость продукции по группе мелких специализированных предприятий будет больше, чем продукция комбинированного предприятия, объединяющего в виде цехов аналогичные предприятия.

Если исчислять в динамике изменение стоимости продукции за различные периоды, то комбинирование предприятий дает меньшие темпы прироста валовой заводской продукции по сравнению с продукцией промышленности, свободной от повторного счета. При дифференциации производства получаем обратную картину. Обусловливается это тем обстоятельством, что сравнение различных периодов происходит при помощи неодинаковых категорий. Повторный счет больше в те периоды, когда производство дифференцированнее, и потому создается и видимость большего производства. С комбинированием предприятий повторный счет уменьшается, и большее увеличение реального объема производства может быть выражено в небольшом проценте прироста валовой заводской продукции, что обуславливается различными размерами повторного счета за разные периоды времени.

Принципиальное отличие характера социалистической промышленности от капиталистической по-новому ставит вопрос об организа-

ции промышленности. При социализме обобществление производства поднимается на такую высоту, что комбинирование и специализация становятся одним из важнейших методов социалистической реконструкции промышленности. Ставя определенные границы обобществлению труда, капитализм ограничивает и специализацию и комбинирование, и все преимущества этой формы производства здесь не могут быть использованы.

В условиях социалистического хозяйства рациональная организация комбинированного и специализированного производства не вступает в противоречие с плановой системой хозяйства, и здесь такая форма организации производства может развернуться во всю ширь.

В СССР в ряде отраслей комбинированные предприятия за годы первой пятилетки стали основной формой предприятия, а во второй пятилетке наше строительство еще в большей степени пойдет по линии строительства комбинатов. Так, в черной металлургии уже в 1932 г. 85,8% всего чугуна получается в предприятиях с законченным циклом производства, а во второй пятилетке предполагается все предприятия, производящие передельный чугун, комбинировать с цехами, перерабатывающими этот чугун. Удельный вес кокса, полученного на наших металлургических заводах, вырос за 3 года первой пятилетки с 34,5 до 57,3%. Высокого уровня достигает СССР во второй пятилетке по комбинированию сернокислотного производства с цветной металлургией.

В условиях работы промышленности на совершенно новых началах мы должны констатировать и новые показатели, характеризующие ее работу. Экономический анализ происходящих у нас процессов только и может дать ответ на вопрос о том, какие показатели необходимо выбрать при характеристике тех или иных явлений и какова будет методология их исчисления.

В условиях быстрого развертывания комбинированного производства изучение темпов роста нашей промышленности лишь при помощи одной валовой заводской продукции недостаточно. Валовая заводская продукция отражает как темпы роста нашей промышленности, так и изменение организационных форм ее. Комбинирование производства приводит к тому, что повторный счет уменьшается, а это влияет понижающе на валовую заводскую продукцию. Валовая заводская продукция будет преуменьшать темпы нашего развития вследствие уменьшения повторного счета по отдельным годам.

Поэтому наряду с учетом валовой заводской продукции необходимо исчисление показателя, свободного от повторного счета, на который не влияло бы изменение организационных форм нашей промышленности. Таким показателем будет являться валовая продукция без повторного счета.

Для промышленности в целом продукция без повторного счета, т. е. продукция, в которой исключен весь внутрипромышленный оборот, будет представлять собой продукцию, которая отпускается промышленностью другим отраслям народного хозяйства и идущую на личное потребление.

Условно мы можем ее назвать товарной продукцией промышленности.

Ряд авторов считает невозможным исчислять товарную продукцию промышленности. Так, Меерворт считает, что товарную продукцию промышленности можно учесть лишь по конечному продукту. Меерворт строит гипотетическое замкнутое, стационарное народное хо-

зяйство и приходит к выводу, что в таком хозяйстве товарная продукция промышленности будет соответствовать конечному продукту, непосредственно поступающему в хозяйства потребителей. Так, он говорит: «Если исходить из фикции «замкнутого торгового государства» со стационарным населением, в котором общественный процесс производства при постоянных потребностях останется в течение ряда лет неизменным, то установления ценности годовой продукции, тех благ, которые непосредственно поступают в хозяйства потребителей, как предметы питания, белье, одежда, мебель, кухонная утварь и т. д., было бы достаточно для учета ценности продукции всего народного хозяйства» (Меерворт, Введение в хозяйственную статистику).

Варзар так же, как и Меерворт, считает, что товарную продукцию промышленности можно учесть лишь по конечному продукту. Варзар считает необходимым учитывать произведенные готовые изделия в течение данного года, но так как трудно определить, что является полуфабрикатом и что готовым изделием, то он отказывается от учета этой продукции.

Меерворт считает необходимым учитывать не произведенные готовые изделия, так как очевидно трудность разграничения произведенных изделий на полуфабрикаты и готовые изделия заставляет его от этого отказаться. Поэтому он предлагает учитывать продукты, непосредственно поступающие в хозяйства потребителей. Но это возможно лишь для его гипотетического хозяйства. Это явно исключается для реального народного хозяйства, так как «оно (народное хозяйство) ввозит обычно в значительном количестве предметы питания, ввозит, далее, иностранное сырье и полуфабрикаты, перерабатываемые внутри страны, ввозит однако в то же время и иностранные готовые изделия. С другой стороны, оно вывозит за границу и предметы питания, и сырье, и полуфабрикаты, и готовые изделия... произведенные в течение года предметы потребления к концу года обыкновенно частью еще не проданы; то же нужно сказать и о произведенных средствах производства» (там же).

Все это заставляет Меерворта отказаться от учета товарной продукции промышленности и заменить ее учетом чистой продукции.

В абсолютном выражении чистая продукция не может заменить товарную продукцию промышленности, так как последняя всегда будет больше чистой продукции.

Может ли чистая продукция в характеристике темпов нашего развития заменить товарную продукцию промышленности? Если рассмотреть движение чистой продукции и товарной продукции промышленности в изменяющихся ценах, то будем иметь следующую картину. С развитием производительных сил труда происходит изменение соотношения в единице продукции между затраченным мертвым и живым трудом таким образом, что уменьшается абсолютно и относительно доля затраченного живого труда.

«Повышение производительности труда заключается именно в том, что доля живого труда уменьшается, а доля мертвого труда увеличивается, но таким образом, что общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается, следовательно таким образом, что количество живого труда уменьшается больше, чем увеличивается количество прошлого труда»¹. Поскольку возрастает масса производимой про-

¹ Маркс, Капитал, т. I.

дукции, возрастает и чистая продукция в абсолютном выражении, но темпы возрастания чистой продукции меньше, чем темпы возрастания товарной продукции промышленности, так как мы имеем относительное повышение затрат мертвого труда в единице продукции. Эта часть растет быстрее, чем чистая продукция, увеличивая таким образом темпы роста товарной продукции по сравнению с чистой продукцией. Это все касается темпов роста товарной и чистой продукции в изменяющихся ценах. Если же сопоставить темпы роста товарной и чистой продукции в неизменных ценах, то получится следующее.

Товарная продукция промышленности в неизменных ценах представляет собой суррогат показателя, характеризующего физический объем производства. В динамике этот показатель должен отражать количественные изменения продукции в натуральных единицах. Чистую продукцию в неизменных ценах мы можем представить в пропорциональной доле произведенного продукта. Чистая продукция неизменных цен или чистая продукция в натуральном выражении получается таким образом, что из валовой продукции в неизменных ценах вычитывается сырье, топливо, вспомогательные материалы, а также амортизация в изменяющихся ценах. Чем меньше будут цены на сырье, материалы и т. д., тем меньшая часть произведенного продукта пойдет на возмещение затраченных средств производства и большая доля будет падать на чистую продукцию в натуральном выражении. Такое же влияние на чистую продукцию будут оказывать наряду с ценами также нормы расхода сырья и материалов. Поэтому в динамике темпы роста чистой продукции в неизменных ценах будут совпадать с темпами роста товарной продукции в той же оценке лишь при неизменяющихся ценах и нормах расхода средств производства. Помимо меняющихся цен и норм расходуемых средств производства на чистую продукцию оказывает влияние также изменение структуры производства. Увеличение удельного веса трудоемких отраслей действует повышающе на чистую продукцию.

Итак, чистая продукция может заменить товарную продукцию промышленности лишь при условии: 1) неизменных цен, 2) неизменных норм расходования материалов, 3) неизменной структуре производства. Это — условия, отсутствующие в нашей конкретной действительности при происходящем бурном развитии наших производительных сил, с совершенно новой структурой производства, с уменьшающимися затратами средств производства, что ведет к уменьшению себестоимости, а вместе с тем к понижению цен. Абстрагироваться от всех этих моментов при исчислении чистой продукции для выявления товарной продукции промышленности теоретически мыслимое, но практически совершенно неосуществимое дело. Учет чистой продукции в неизменных ценах имеет самостоятельное значение. Он дает нам представление о том количестве материальных благ, которые созданы трудом данного года, о том количестве продуктов, которые могут пойти на накопление и потребление. Это важный показатель, исчисление которого нам необходимо, но заменить товарную продукцию промышленности он не может. Поэтому попытаемся рассмотреть методологию исчисления товарной продукции промышленности непосредственно.

Барзар и Меерворт, отрицая возможность учета товарной продукции, исходят из того обстоятельства, что в капиталистическом хозяйстве с его неорганизованностью и анархией производства невоз-

можно учесть движение полуфабрикатов, создающих этот повторный счет, при исчислении продукции всей промышленности, а учесть товарную продукцию только по готовым изделиям тоже не представляется возможным. Вследствие этого они отказываются от учета этого показателя. Но то, что невозможно осуществить в области учета в капиталистическом хозяйстве, осуществимо при социалистическом плановом способе производства. Наличие двойного счета при учете продукции промышленного производства обусловливается существованием отдельных самостоятельных хозрасчетных единиц и необходимостью учета продукции по ним. Но эта оперативная самостоятельность хозрасчетных единиц протекает в пределах и рамках плановых заданий и директив. Мы имеем не механическое единство наших хозрасчетных единиц, когда взаимодействие между отдельными предприятиями возникает лишь в процессе обслуживания друг друга, а имеем их органическое единство на основе сознательного регулирования взаимоотношений отдельных предприятий между собой. Это обусловливается единством планового руководства всем народным хозяйством, обусловливается тем обстоятельством, что хозрасчет базируется на определенных плановых установках, и, наоборот, сам план может осуществляться только на основе и в формах хозрасчета. Наличие народнохозяйственного плана, связывающего между собой отдельные хозрасчетные единицы, дает возможность этот двойной счет устранить и исчислить наряду с валовой заводской продукцией и реальную товарную продукцию промышленности.

Товарная продукция по промышленности в целом, свободная от повторного счета, представляет собой все количество затраченного на производство труда, или, пользуясь марксовой терминологией, равна $c + v + m$.

К вычислению этого показателя можно подойти двояко: 1) исходя из содержания производственного процесса, 2) исходя из его результатов. Маркс, критикуя Адама Смита по вопросу о разложении цены на ее составные части, говорит следующее: «Первая ошибка Смита заключается в том, что он не делает различия между стоимостью годового продукта и вновь созданной стоимостью. Последняя является продуктом только труда истекшего года, первая заключает в себе кроме того все те элементы стоимости, которые были потреблены на производство годового продукта, но произведены в предшествовавший год, а частью в истекшие годы: средства производства, стоимость которых лишь появляется вновь и которые, что касается их стоимости, не были ни произведены, ни воспроизведены трудом, израсходованным в течение последнего года»⁸.

Здесь Маркс дает прямые указания насчет того, чему равен весь годовой продукт, а именно запасам, имевшимся на определенный период времени, т. е. средствам производства, перешедшим от предыдущих периодов плюс вновь созданная стоимость за учитываемый период времени. В отношении промышленности годовой продукт будет равен запасам, имевшимся на начало года, плюс израсходованные средства производства, поступившие в промышленность из других отраслей народного хозяйства, плюс импортированные средства производства, плюс чистая продукция за данный отрезок времени. Полученная сумма будет равна товарной продукции промышленности,

⁸ Маркс, Капитал, т. II, стр. 278.

свободной от всякого повторного счета. Точно так же товарная продукция какой-либо отрасли промышленности будет состоять из запасов средств производства данной отрасли, имевшихся к началу года и израсходованных за данный год, плюс средства производства промышленного происхождения, поступившие в данную отрасль из других отраслей промышленности, плюс средства производства, импортированные и поступившие из других отраслей народного хозяйства, плюс чистая продукция. Это дает товарную продукцию отрасли промышленности. Таким образом можно подойти к исчислению товарной продукции промышленности в целом или какой-либо отрасли ее, исходя из содержания производственного процесса.

Если можно сравнительно легко учесть израсходованные средства производства как по промышленности, так и по отраслям ее, то сложнее обстоит дело с учетом чистой продукции. Чистая продукция принимает форму, превращается в заработную плату, налоги, процент, часть издержек обращения, имевших место в промышленности, и часть дохода, идущего на накопление. Учет всех отдельных составных частей реальной товарной продукции, исходя из содержания производственного процесса, представляет собой хотя и осуществимую, но громоздкую операцию. По промышленности в целом необходимо учесть целый ряд слагаемых, как-то: запасы средств производства, потребленные в отчетном году, средства производства, поступившие в промышленность из других отраслей народного хозяйства, импортированные средства производства, выплаченная заработная плата, процент, налоги, издержки обращения, накопление в промышленности. Все это, вместе взятое, дает нам реальную валовую продукцию промышленности. Более просто учесть реальную валовую продукцию, исходя из результатов производственного процесса.

В этом случае необходимо учесть валовую заводскую продукцию и путем вычета тех средств производства, которые учтены дважды, элиминировать двойной счет, имевший здесь место, т. е. необходимо вычесть из валовой заводской продукции стоимость потребленного сырья промышленного происхождения. Но здесь встает вопрос такого порядка: вычесть ли всю стоимость потребленного промышленного сырья или только стоимость того сырья, которое произведено в данном отчетном году? Мы уже выше, говоря о содержании продукции, выяснили, что туда необходимо включить и средства производства промышленного происхождения, перешедшие от прошлых лет. Если это так, то из валовой заводской продукции необходимо исключить лишь сырье промышленного происхождения из производства данного года, так как оно лишь создает повторный счет при учете валовой заводской продукции за определенный период времени.

Здесь необходимо иметь лишь сведения относительно запаса средств производства промышленного происхождения на начало года, потребленного сырья промышленного происхождения за год и валовой заводской продукции. Если предположим, что потребление промышленного сырья в первую очередь происходит из запасов на начало года, а потом из произведенного в данном году сырья, то из всего потребленного сырья промышленного происхождения внутреннего производства необходимо вычесть запасы на начало года. Полученный результат будет представлять собой потребленное сырье промышленного происхождения из производства данного года. Сно-

то и создает повторный счет в валовой заводской продукции, и, для того чтобы получить товарную продукцию промышленности, необходимо из валовой заводской продукции ее вычесть. Этим способом мы получим те же результаты, что при помощи учета товарной продукции, исходя из содержания производственного процесса. Преимущество этого способа состоит в его простоте и несложности получения данных о реальной валовой продукции.

Товарная продукция, вычисленная указанным способом, будет отражать как размер, так и результаты производственного процесса за какой-либо один период времени. Если же захотим исчислить товарную продукцию за несколько лет как сумму товарных продукций отдельных годов, то здесь встретимся опять с повторным счетом, обусловленным тем обстоятельством, что в товарную продукцию данного года включается сырье промышленного происхождения или полуфабрикаты из производства предыдущих лет. В одном году оно учитывается в стоимости произведенной товарной продукции, а в следующем году оно опять включается в стоимость товарной продукции в виде потребляемого сырья промышленного происхождения из запасов, произведенных в предыдущие годы. Этот двойной счет во времени может тоже меняться по отдельным годам и таким образом исказить действительную динамику реального объема производства.

Поэтому, для того чтобы избежать этого повторного счета, необходимо запасы средств производства промышленного происхождения на начало года учесть только за первый год учета, за все остальные годы их исключить, так как предполагается, что они учтены в товарной продукции предыдущих лет. Если же товарную продукцию будем учитывать, исходя из результатов производственного процесса, то за первый год необходимо вычесть сырье промышленного происхождения из производства данного года, за все остальные годы необходимо вычесть все сырье промышленного происхождения. В плановом хозяйстве, где имеем подробный учет всех элементов производства, где необходимо знать и движение их, мы можем учет товарной продукции осуществить. Наряду с необходимостью получения этой категории продукции мы имеем все возможности превратить эту необходимость в действительность.

Изучение темпов нашего хозяйственного развития лишь при помощи одной валовой заводской продукции, как это имеет место у Минаева, говорит об игнорировании им основных закономерностей социалистического хозяйства, которые требуют конструирования новых категорий, соответствующих экономике нашего планового хозяйства, соответствующих природе социалистического учета. Мы имеем трогательное единение между авторами «Статистики» и Минаевым: авторы «Статистики» теоретически обосновывают ненужность в новой методологии социалистического учета. Минаев же эти рассуждения кладет в основу своей статьи при изучении темпов нашего хозяйственного развития. В обеих работах, как у авторов «Статистики», так и у Минаева, мы имеем дело не с марксистско-ленинской диалектикой, которая должна быть единственно правильным руководящим началом во всей нашей работе, а с механистической трактовкой вопроса. Правильная методология социалистического учета, в основе которой лежит марксо-ленинская теория, только и дает возможность использовать учет как боевое орудие для построения бесклассового общества.

Наряду с учетом реальной валовой продукции для целей нашего планирования необходим учет и валовой заводской продукции. Относительно учета ее мы имеем рассуждения Югенбурга в журнале «Народное хозяйство» № 1—2 за 1932 г., где он совершенно неправильно разрешает вопрос об учете незавершенного производства.

Мы уже выше указывали, что с точки зрения содержания продукция представляет собой определенное количество общественного труда. Сюда относится как затраченный овеществленный труд в средствах производства, так и живой труд. Общественный труд, затраченный за определенный период времени, овеществляется в произведенной готовой продукции, в полуфабрикатах, в услугах и в незавершенном производстве. Продукция по предприятию, или так называемая валовая заводская продукция, включает в себя за год произведенную готовую для данного предприятия продукцию, полуфабрикаты как произведенные на склад, так и отпущенные на сторону, за пределы данного предприятия, услуги, отпущенные на сторону, и все незавершенное производство на конец года. Это представляет собой всю стоимость затраченных средств производства и живого труда за данный год и дает характеристику как объема, так и размеров производственного процесса. Если при изучении продукции за определенный период времени необходимо было включить все незавершенное производство на конец года, то при изучении изменения продукции во времени необходимо из незавершенного производства, имевшегося на конец года, исключить незавершенное производство на начало года или включить в валовую продукцию лишь прирост или убыль незавершенного производства.

Наличие в валовой продукции незавершенного производства на начало года, которое для данного предприятия представляет средства производства, но средства производства, связанные с производством и перешедшие с прошлого года, не даст возможности получить правильное представление о размерах, объеме производства данного года по сравнению с предшествующим годом. Там, где размер незавершенного производства на начало года будет выше, там будет больше при одинаковой работе за 2 года и размер валовой продукции. Поэтому при изучении промышленного производства в динамике необходимо в валовую продукцию включить не все незавершенное производство на конец года, а убыль или прирост его в течение года.

Югенбург считает, что изменение незавершенного производства за год должно включаться лишь по двум отраслям — по машиностроению и электротехнике — и исключаться по всем остальным. Правда, наибольший размер незавершенного производства имеется по этим двум отраслям, в которых сам процесс производства носит длительный характер. Наибольший прирост стоимости незавершенного производства мы тоже имеем по этим двум отраслям. Но исключение незавершенного производства по остальным отраслям приводит к довольно значительным отклонениям при исчислении валовой продукции в отраслевом разрезе. Ошибки, которые дает такого рода методология учета, мы проиллюстрируем на разрабатывавшемся материале за 1931 г. Так, по предварительным данным, по планируемой промышленности из всего прироста незавершенного производства в 222 млн. руб. на машиностроение и электротехническую промышленность падает 183 млн. руб. На всю промышленность, предварительные итоги которой по валовой продукции составляют 22 млрд. руб., недоучет вследствие не включения прироста незавершенного производ-

ства по всем отраслям составит около 40 млн. руб. Более крупная ошибка будет иметь место, если перейдем к рассмотрению отдельных отраслей. Так, по группе «А» в целом на 11 млрд. руб. валовой продукции падает прирост незавершенного производства в 225 млн. руб. Если вычтуть из этой цифры прирост незавершенного производства по машиностроению и электротехнике, который включается в валовую продукцию, то остается еще прирост незавершенного производства на сумму в 42 млн. руб., который составляет 0,4% валовой продукции по группе «А» и на какую валовую продукцию по группе «А» будет преуменьшена. По отдельным отраслям промышленности имеет место довольно значительное изменение незавершенного производства, что соответственным образом меняет и итоги по валовой продукции. Так, по торфяной промышленности незавершенное производство увеличилось в 2,5 раза (с 444 тыс. руб. на начало года до 11 748 тыс. на конец года), прирост незавершенного производства составляет здесь 8,8% валовой заводской продукции. По мебельному производству прирост незавершенного производства составляет 1,7% валовой продукции, по производству предметов хозяйственного обихода — 0,4% валовой продукции, по консервной промышленности — 0,3% и т. д. По некоторым отраслям имеет место и убыль незавершенного производства. Так, по сахаро-рафинадной промышленности убыль незавершенного производства равна 3,6% валовой продукции, по обувной промышленности — 0,6% и т. д. Невключение незавершенного производства по всем отраслям дает неправильное представление о произведенной продукции.

Если за 1931 г. незавершенное производство влияет на валовую продукцию по одним отраслям, то за 1930 г. оно оказывает влияние на другие отрасли. Так, по основной химической промышленности прирост незавершенного производства составляет 0,7% валовой продукции, а по хлопчатобумажной промышленности убыль незавершенного производства составляет 0,8% валовой продукции и т. д. В одних случаях, когда имеется прирост незавершенного производства, валовая продукция должна быть увеличена соответствующим образом, причем, как мы видели выше, иногда на довольно значительную величину; по ряду отраслей, где имеется убыль незавершенного производства, валовая продукция должна быть уменьшена.

Организация правильного, точного учета, получение верной цифры должно быть руководящим началом и в данной области.

Перед нами стоит колоссальная задача в области перестройки методологии учета, ее реконструирования, совершенствования на основе анализа закономерностей планового хозяйства. Только в том случае, если в основе социалистического учета будет лежать правильный экономический анализ изучаемых явлений, практика нашего социалистического строительства найдет правильное отражение в формах и методах учета. Учет в СССР—один из важнейших рычагов социалистического планирования всего народного хозяйства, и борьба за социалистический план диктует необходимость борьбы за каждую цифру социалистического учета.

ШПАНН КАК „КРИТИК“ МАРКСА

Отмар Шпанн—идеолог фашизма. Он вполне современный «экономист» и «критик». Все его «творчество» носит на себе отпечаток эпохи величайших потрясений, всеобщего кризиса капитализма: Капитализм ищет спасения от пролетарской революции в кровавой диктатуре фашизма. Шпанн поэтому «создает» «учение», которое призвано перевооружить умы в духе фашистской диктатуры капитализма. Он отвергает учение классиков, с тревогой говорит он о «демонической силе» марксизма. Более того: взгляды буржуазной политической экономии, не разделяющей всецело взглядов Адама Мюллера в том виде, как их переработал Шпанн, он считает «скрыто марксистскими». Вся вульгарная политическая экономия предала анафеме классическую школу за ее учение об определении стоимости рабочим временем и признание, что прибыль есть часть неоплаченного труда. Так вот эту вульгарную политическую экономию, которая отвергает классиков и неистово борется за уничтожение «дьявольской силы» марксизма, Шпанн признает «скрыто марксистской». По Шпанну, «скрытыми марксистами» являются бывший австрийский министр, ярый враг марксизма, Шэфле, не менее злобствующий коммунизмофоб, чем например «высокоуважаемый тайный советник К. Бюхер», и другие. Почему? Потому что они, во-первых, стояли на точке зрения «триединой формулы» производительности капитала, земли и труда. Оказывался, сейчас эта теория уже недостаточна. Шпанн идет гораздо дальше. Производительным, плодородным для Шпанна является только капитал (банкиры, купцы, полицейские и т. д.),—то, что он называет «капиталом высшего порядка»; труд играет подчиненную роль и «сам» никакой производительности не имеет. Во-вторых, Шэфле, Бюхер и др. признают, что происходит «процесс концентрации». Шэфле доказывал совсем противоположное Марксу, но одно признание, «что имеет место концентрация», есть скрытый марксизм, даже если вы думаете, что эта «концентрация осуществится через столетия» (Ш п а н н).

Борясь против марксовой теории концентрации, Шпанн отрицает факт разорения, экспроприации крупным капиталом средних, мелких, мельчайших капиталистов и хозяйчиков. В шпанновском расчлененном и «органически связанном» (eingegliederte) хозяйстве «каждый рынок имеет свои особенные условия и требует также своих особенных предприятий». Власть частной собственности нет границ в шпанновском царстве фашистского «связанного» хозяйства. Распинаясь перед величием частной собственности «капитала высшего порядка» и *Mittelstand'a*, будучи «человеком науки», демагогом, выступающим в роли жреца науки, а не демагогом-агитатором перед мелкобуржуазными, антикапиталистически настроенными массами, Шпанн более свободно отбрасывает мелкобуржуазные, антикапиталистические побрякушки и защищает величие «капитала высшего порядка» в открытой форме.

Фашизм ищет массовую опору для антикоммунистического движения в массе мелких и мельчайших хозяйчиков и капиталистов, заверяет последних, что только в «союзе» с «капиталом высшего порядка», с монополистическим капиталом, который опутал среднюю и мелкую буржуазию густой сетью экономических связей и поставил ее в полную зависимость от монополисти-

ческих магнатов капитала, она найдет спасение от надвигающейся угрозы экономического разорения и от жутких для буржуа призраков диктатуры пролетариата. Монополистический капитал выступает как «национальный» капитал внутри страны против пролетариата, во в н е—за господство над мировым хозяйством, в борьбе за передел мира между империалистическими странами, монополистическими группами капиталистов. «Гигантские размеры финансового капитала, концентрированного в немногих руках, и создают необыкновенно широкую сеть отношений и связей, подчиняющую ему массу не только средних и мелких, но и мельчайших капиталистов и хозяйчиков, с одной стороны, а с другой,—обострение борьбы с другими национально-государственными группами финансистов за раздел мира и господство над другими странами,—все это вызывает повальный переход всех имущих классов на сторону империализма» (Л е н и н). Разоряющаяся мелкая буржуазия в эпоху всеобщего кризиса капитализма ищет спасения от нищеты и голода, от пожирания ее крупными акулами капитала в революционной борьбе против капитализма. Шпанн пытается, цепляясь за с о б с т в е н н ы е ч е с к и е интересы мелкой буржуазии, целиком подчинить ее т о л ь к о и т о л ь к о монополистическому капиталу и сделать ее массовой силой в борьбе буржуазии против коммунистического движения пролетариата. Вот почему Шпанн считает теорию концентрации капитала, раскрывающую действительный мир антагонистических противоречий буржуазного способа производства и, главное, показывающую путь «экспроприации узурпаторов», «сатанинской» силой, которую нужно уничтожить.

На докладе в Дюссельдорфе (в 1927 г.), посвященном «заблуждениям марксизма», Шпанн выступает перед и так уже напуганными буржуа и мелкими буржуа в роли фашистского шамана и внушает своим слушателям, что даже «в них и вне их» еще сильна вера в марксизм. Окончательно погубить учение Маркса можно только перестроив политическую экономию по Шпанну.

Особенность шпанновского учения состоит в том, что он не удовлетворяется никакой иной вульгарной экономией, кроме представляющей капитал в виде таинственной силы, направляющей жизнь. Без капитала все мертво. Только он один «величественный» и «творческий», «производительный» дух. Особенность учения Шпанна состоит еще в том, что этот капитал он представляет как в с е о б щ у ю с и л у. Фашистская апологетика капитала требует слепого преклонения капиталу со стороны рабочих во имя «универсалистской, всеобщее национальной» роли капитала. Чувя по-звериному великую угрозу пролетарской революции, Шпанн страстно взывает ко всем надземным духам о помощи капиталу. Он сеет жуткий страх, он угрожает «русским экспериментом», если именно его теория не будет проповедываться против марксизма.

Таковы исходные мотивы для критики Маркса. Ни в «созидательной работе» фашистов, ни «в общей линии борьбы» без теории такого «жутко вооруженного противника», как Маркс, победить нельзя, говорит в своем докладе Шпанн.

Как и другие «критики» Маркса, он начинает с «изложения» учения Маркса, т. е. с фальсификации марксизма. А затем уже приступает к «испытанию», «экзаменационной» проверке (Prüfung) «дьявольской», «сатанинской» теории К. Маркса в свете своих собственных взглядов.

«Необходимо марксизм рассмотреть в его трудном теоретическом пути—следовать бесплодной теории, которая достаточно еще жизненна и которая в течение десятилетий угрожающе влияет на нашу культуру».

Проследим фальсификацию марксизма невежественным рыцарем фашистской политической экономии.

Оказывается, в основе марксовой политической экономии, изучающей

развитие и гибель буржуазного способа производства, лежит учение о «благах». Маркс считает благом только вещество. А вот например доклад Шпанн на Маркс даже «за благо не считал бы» — жалуется своим слушателям Шпанн-Мистик, обскурант, «святой проповедник» католицизма и фашистской дикой жажды крови, необузданной страсти мести и расправы над революционными силами Шпанн пытается свою идеологию фашистского палача, тирана облечь в возвышенную «ценностную форму буржуазного блага». А утверждение, что Маркс изучает «вещественные свойства благ», показывает, что фашистский апостол ничего не понимает в политической экономии.

Шпанн говорит не о товарах, а о благах, таким образом специфический исторический характер капиталистического способа производства уже устранен. Маркс исследует двойственный характер товара, показывая, что и потребительная стоимость — это вечное естественное свойство продуктов — в товарном обществе является вещественным носителем товара, одним из полюсов его противоположности, и сама в связи с этим приобретает специфический исторический характер. Говоря о возмещении прибавочной стоимости в связи с накоплением капитала, Маркс подчеркивает: «здесь мы опять видим на примере, как важно определение потребительной стоимости для экономических форм».

От определения блага Шпанн переходит к критике марксова понимания «богатства и стоимости», давая его в своей собственной «интерпретации». «Народное хозяйство, по Марксу, сумма осязательных, вещественных товаров. Чем больше такими товарами обладают, тем более богатство; величина этого богатства зависит от стоимости отдельного товара, который, по Марксу, опять зависит от количества рабочего времени, которое в нем содержится». Поскольку у Шпанна речь идет не о простом товарном хозяйстве, а о капиталистическом способе производства, вся болтовня его о богатстве, связанном с величиной ценности отдельных товаров, имеет один смысл — скрыть, замаскировать, что развитие капиталистического богатства держится на производстве и присвоении прибавочной стоимости, накоплении капитала и т. д., что в этом лежит действительный источник развития товарного хозяйства, превращенного в производство капитала.

«Цена, по Марксу, — ничто, стоимость — все». Стоимость товара определяется только трудом, который в нем содержится, блага суть «как бы замороженная работа». «Здесь Маркс продолжает мысли Рикардо», которые он вообще более остро и для своих целей пригодно усовершенствовал». Шпанн считает Маркса последователем либеральной школы в политической экономии. Шпанн больше всего ненавидит не либеральную вульгарную экономию, а классическую школу. Фашисты вообще против либерализма. Это вполне понятно и целиком гармонирует в определенных условиях с интересами монополистического капитала: Владимир Ильич в своей замечательной статье «О карикатуре на марксизм» разъяснил с исключительной глубиной и ясностью суть современной политической и идеологической реакции. «Экономически империализм (или «эпоха» финансового капитала, дело не в слове) есть высшая ступень развития капитализма, именно такая, когда производство стало настолько крупным и крупнейшим, что свободу конкуренции сменяет монополия. В этом экономическая сущность империализма... Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот от демократии к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция»¹.

¹ Денин, Собр. соч., изд. 1930 г., т. IX, стр. 207.

Шпанн против «индивидуалистического, либерального, капиталистического мышления», которое проповедует «несвязанное» хозяйство, покоящееся на «свободной конкуренции»; он за «связанный» капитализм, за «органический связанный» капитализм, управляемый «капиталом высшего порядка», который может быть осуществлен только фашистским государством в интересах полного и абсолютного господства монополистического капитализма над пролетариатом и всем эксплуатируемым человечеством.

От «изложения марксовской теории» богатства и стоимости Шпанн переходит к учению Маркса о производительности. По Марксу, говорит Шпанн, производителен только труд, создающий вещество, только ручной труд. «Капитал не производителен». («Daraus folgt, dass das Kapital nicht fruchtbar ist»)².

На этой теории о производительности ручного труда построены марксовская теория стоимости рабочей силы и теория прибавочной стоимости. Шпанн с возмущением указывает, что, по Марксу, прибавочная стоимость имеет место благодаря присвоению капиталистами неоплаченного рабочего времени. «Эта идея служит острым орудием Маркса в социальной борьбе»³.

Но «прибавочная стоимость совершенно невозможна без такого зазнающегося (verstiegenen), неслыханно чуждого жизни положения: только живой труд производителен». «Абсолютно неправильным является утверждение Маркса, что есть различие между осуществленным, произведенным (vorgestanget) и живым трудом»⁴.

Шпанн признает различие только между трудом духовным и трудом физическим. «Духовный труд — ведущий, направляющий, физический — исполняющий»⁵; согласно шпанновскому Eingliederung «духовный труд есть господствующий, всеопределяющий, физический труд — технический, механический, исполняющий». Следовательно роль капиталистов, ученых, полицейских и т. д., по Шпанну, всегда должна быть господствующей, роль пролетариев — ничтожной, поскольку они неспособны на господствующие роли буржуазии и ее ученых холопов.

Противоположность между умственным и физическим трудом достигает громадной пропасти в условиях буржуазного способа производства. «Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и поработощающая их сила». Этот процесс отделения умственного труда от физического «завершается в крупной промышленности, которая отделяет от рабочего науку как самостоятельную потенцию производства и заставляет ее служить капиталу» (Маркс). Шпанн «духовную» работу главным образом капиталиста (купца, промышленника, финансиста), государственного мужа считает высоко производительной. Выступая в качестве силы, подчиненной капиталу, наука способствует расширению поля эксплуатации живого труда. Только эта сила науки признается капиталом и возвеличивается его учеными лакеями. В этой роли науки Шпанн видит «ее производительность».

Творческий дух науки для капитала состоит только в том, что она обеспечивает, создает ему более совершенную систему выжимания пота и производства все возрастающей прибавочной стоимости, что прикованная к колеснице капитала в своем качестве духовной потенции материального про-

² «Jrrungen des Marxismus», стр. 10.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 30.

⁵ Там же, стр. 28.

цесса труда она выступает на поверхность как «творческий дух» самого капитала, ибо капитал присваивает себе результаты действительного развития производительности труда. Духовная челядь монополистического капитала—рыцари фашистской политической экономии,—поэтому объявляет: «мы присваиваем себе благо неоплаченного труда, но неоплаченного труда тех творческих людей, прежние мысли которых еще действительны в нашей настоящей работе».

Присвоение же чужого неоплаченного труда рабочих, по Шпанну, не имеет места. Шпанн фетишизирует «духовный труд» капиталистов и научных деятелей с одной только целью — «доказать», что без «духовного», ведущего (*führend*) «производительного» фактора жизни физический труд — ни что и вообще ничего создавать не может. Шпанн фетишизирует только науку, которая обеспечивает «духовную, производительную» силу капитала, которая обеспечивает капиталу условия повышенной эксплуатации рабочего класса и вооружает капитал в борьбе против коммунизма.

Измумительное невежество фашистского идеолога заключается в абсолютном непонимании им марксова анализа буржуазного способа производства. Процесс обращения капитала по Марксу Шпанн «излагает» по формуле $T - D - T$, и тайны простого товарного обращения он настолько мистифицирует, что каждый раз угрожающе напоминает буржуа и его «ученым» холопам, что из этого учения Маркса вытекает, «что капитал непродуцирующ, процесс обращения непродуцирующ, торговля непродуцирующ, потребление денег, банковское дело непродуцирующ, так как продуцирующ только один ручной труд». Все же «непродуцируемые» ренты должны быть конфискованы.

От теории прибавочной стоимости Шпанн переходит ко второй основе марксизма — теории концентрации.

Теория концентрации Маркса вызывает бешеные нападки со стороны фашистской лженауки. И это буквально неминуемо. Это объясняется рядом обстоятельств. Фашисты объявили «о равноправии» всех арийских *Staatsbürger*ов. Мелкий буржуа мечтал не только о равноправии арийцев, но и о сохранении его частной собственности, экспроприруемой крупным капиталом. Фашисты заверили представителя *Mittelstand*'а, что больше всего они за его сохранение. В 16 пунктах своей программы фашисты писали: «Мы требуем создания здорового мелкого буржуа» («*Wir fordern die Schaffung eines gesunden Mittelstandes und seine Erhaltung*»).

Но это они только писали. В действительности мелкий буржуа разорется. В современных условиях экономического кризиса, происходящего на базе всеобщего кризиса капитализма, мелкая буржуазия, средние и мелкие хозяйчики и капиталисты разоряются в массовом масштабе и поглощаются монополистическим капиталом. И чем больше концентрация и особенно централизация, т. е. именно поглощение крупным капиталом мелких и средних хозяйчиков и капиталистов, делают свое brutальное дело, которое санкционируется фашистским государством, тем все более идеолог-фашист кричит: «Долой фальшивую теорию концентрации Карла Маркса!»

Будучи террористической жандармерией монополистического капитала против коммунистической революции, фашисты являются послушными слугами крупного монополистического капитала, борющегося за свое спасение ценою величайшего разорения средней и мелкой буржуазии и ограбления трудящегося человечества.

Концентрация капитала делает свое дело: она «втаскивает капиталистов помимо их воли и сознания в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению» (Л е

д и н). Экспроприация экспроприаторов становится неизбежным условием действительного развития. Концентрация ускоряет процесс разорения *Mittelstand'a*. Она противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения доводит до их апогея.

Разорившийся и разоряющийся мелкий буржуа апеллирует к своим лживым идеологам, представляющим интересы крупного капитала, он неистовствует и ищет выхода из трагического состояния деградирующего *Mittelstand'a*.

Взбесившийся мелкий буржуа ищет виновников этой жуткой действительности. Усиливающийся гнет капитала не может не вызывать его сопротивления, борьбы против монополистического капитала. Фашистская деспотия сокрушает его сопротивление «естественными» для нее методами террористической расправы.

Переделать действительность фашисты не хотят и не мечтают. Поэтому фашист-идеолог думает «спасти» мелкую буржуазию от ее союза с революционным пролетариатом баснями, что вина в бедственном положении *Mittelstand'a* совсем не связана с капитализмом.

И на вопрос, кто же виноват, он кричит: «Долой теорию концентрации, не верь ей!» Самообман фашистских идеологов заключается в том, что они думают увековечить свою террористическую деспотию на базе фашистской лживой морали.

У Шпанна полное единство с его коллегами — полицей-профессорами Германии в вопросах борьбы против марксизма, против СССР, против коммунистического движения. Dietrich Klagges в своей брошюре «Kampf dem Marxismus», под громким названием «Die Lüge von der Naturnotwendigkeit der Konzentration» «опровергает» учение Маркса о концентрации капитала. Klagges устанавливает две причины концентрации — техническую и финансовую — и считает, что техническая концентрация связана была с господством парового двигателя. Вообще, по Клаггесу, решающее значение в промышленной революции имела не рабочая машина, как думает Маркс, а только двигатель. Так вот теперь электромотор и мотор внутреннего сгорания делают возможным не концентрацию; а укрепление и сохранение *Mittelstand'a*. Клаггес приводит данные о том, что с 1888 по 1907 г. число паровых машин увеличивается на 26%, а число электромоторов — на 3 356%.

Клаггес однако не приводит ни одной цифры, говорящей о том, каково число моторов (в киловаттах) в крупных предприятиях и предприятиях *Mittelstand'a*. А в этом гвоздь вопроса.

А вот данные, приводимые Владимиром Ильичом, показывают, что как раз в том же 1907 г. из 1 500 млн. *квт* электрической энергии 1 200 млн. приходится на долю крупных предприятий, т. е. 71,2%, или $\frac{4}{5}$, электрической энергии используется менее одной сотой доли процента предприятий, а 91% предприятий, т. е. именно предприятия *Mittelstand'a* — средние и мелкие хозяйчики-капиталисты — распоряжается всего лишь 7% электроэнергии и паровой энергии, вместе взятых.

Владимир Ильич делает следующий вывод, целиком подтверждающий теорию концентрации Маркса: «Десятки тысяч крупнейших предприятий — все; миллионы мелких — ничто»⁶. Не лучше обстоит дело с применением моторов внутреннего сгорания.

В. Зомбарт еще в 1929 г., т. е. в период подъема капиталистического хозяйства, жаловался на то, что в Германии тракторы почти не использовались: «...весь тракторный вопрос дал в сельском хозяйстве отрицательные результаты. Приобретенные тракторы праздно стоят в сараях

⁶ Ленин, Собр. соч., т. XIX, с пер. 81.

крестьян. Я случайно в течение последних недель побывал на многих фермах в Бранденбурге. И я замечал это в каждом отдельном хозяйстве».⁷

Комбайны, работающие при помощи моторов внутреннего сгорания, почти совсем не применяются в сельском хозяйстве Германии, даже крупном. Следовательно доказывать, что мотор внутреннего сгорания является одной из крепостей сохранения *Mittelstand*'а и бьет «по гипнотизирующей теории» Карла Маркса, — есть соображение холопа крупного капитала, думающего, что мелкий буржуа будет верить его басням и не свалит его вместе с господами капиталистами под руководством революционного пролетариата.

Маркс, Энгельс, а затем особенно Владимир Ильич и т. Сталин придавали — и наша партия под руководством т. Сталина и сейчас придает — электрификации сельского хозяйства огромное значение. Социалистическое общество в СССР будет максимально электрифицировать город и деревню, создавая высокий уровень развития производительных сил социализма.

При капитализме сельское хозяйство — а это и есть основная масса *Mittelstand*'а — не может быть электрифицировано.

Электростанции находятся в руках крупных капиталистов, вся электроэнергия в стране находится в руках монополистического капитала.

Действительное развитие опрокидывает устойчивое состояние *Mittelstand*'а, бросает его в хаос разорения, нищеты и пауперизма. Недаром лозунг дня германского министра земледелия Дарро, говорящего от имени «вождя», для сельского хозяйства таков: «Помогите, крестьяне, сами себе», «Терпите!» и т. д.

Поэтому вывод таков: теория концентрации Маркса нашла блестящее подтверждение в развитии всей современной капиталистической экономики, его революционные выводы также находят свое историческое оправдание: подобно тому как трудящиеся массы *Mittelstand*'а в России под руководством пролетариата освободились от оков капитализма и участвуют, став колхозниками, в строительстве социалистического общества, точно так же мелкая буржуазия других стран пойдет под руководством пролетариата в окончательный бой против капитала, за победу коммунизма.

Вот почему резюме Шпанна о марксовской теории развития и гибели капитализма таково: «...как теория прибавочной стоимости, так и теория концентрации являются «полными яда заблуждениями» («*vergiftete Irrtümer*»). «Марксизм не является более или менее счастливой, справедливой, острой критикой общества, но отравленной критикой, которая лишает жизнь ее соков». «Плодотворная хула свершенствует несовершенное, отравляющая (ядовитая) хула (*Tadel*), которая воплощена в марксизме, умоножает несовершенное; делает его неизлечимым, он сам (марксизм) есть вершина несовершенного, он демон зла»⁸.

Шпанновская критика политической экономии Маркса — это отчаянный вопль холопа капитала, призыв всех реакционных сил для спасения буржуазного способа производства от угрожающей ему коммунистической революции.

Критикуя систему Маркса в своем докладе в Дюссельдорфе, Шпанн обращается к своим слушателям с призывом к дикой, варварской расправе над коммунистами:

«Думаю... что я ознакомил вас с тончайшим оттенком мыслей марксизма. Вы слышали самое главное о том, что вооружило марксизм для политической и социальной борьбы и что сделало его мировой силой, которая в на-

⁷ Зомбар, Буржуазные ученые о закате капитализма стр. 89.

⁸ «*Jrrungen des Marxismus*», стр. 349.

стоящее время повсюду еще недооценивается, но перед которой мы, глядя на Россию, должны больше чем когда-либо дрожать»⁹.

И далее: «Теория Маркса до тех пор не увянет, а будет тяготеть, пока ее ошибки окончательно не будут преодолены. Пытаются идти другим путем, но не могут помочь себе. Это сатанинская, демоническая мощь, которая дала марксизму силу бросить в пропасть русское государство. Дай бог, чтобы немецкий народ в ослеплении тотчас же не последовал за ним»¹⁰.

Как же бороться с этой «демонической, ядовитой, сатанинской» силой?

До войны еще можно было путем духовного воспитания учителями (капиталисты, инженеры, государственные мужи) приучить рабочих повиноваться; сейчас уже одной теорией против марксизма не спастись от опасности, которая нам угрожает. Это дело силы, дело борьбы. И Шпанн призывает к борьбе «во имя службы правде»: только работа, непрерывная горячая работа на службу истине, «ибо почва для этой работы, — говорит Шпанн словами Новалиса, — бедна», т. е. революционная атмосфера накалена, и только в жестокой и кровавой борьбе фашизм может укрепить диктатуру монополистического капитала.

Большое место в борьбе против марксизма занимает у Шпанна жуткий призрак большевистской революции. «По указке Москвы горит дворец юстиции в Вене и поднимаются сотни тысяч на улицы».

«Коммунистическое хозяйство противостоит естественно, оно хозяйственно невозможно. В действительности мы видим, как коммунистическое плановое хозяйство в России перенесло полное крушение». Коммунисты представляют там «привилегированное секретное сословие»¹¹.

И это Шпанн повторял в 1931 г., когда капиталистический мир уже задыхался в тисках небывало тяжелого и мучительного экономического кризиса, а великая страна строящегося социализма окончательно ликвидировала безработицу и шла на всех парах к построению фундамента социалистической экономики!

В странах капитала все силы революции коются коммунистическими партиями. Революционное возмущение растет неизмеримо, растет сознательная борьба за диктатуру пролетариата, за большевистскую революцию. Настает день расправы над фашистской деспотией монополистического капитала.

И фашисты пытаются спасти капитализм, объявляя, что все беды лежат в «старом капитализме», «либеральном», «индивидуалистическом», основанном на конкуренции, на «классовой борьбе», которую «индивидуалисты»-марксисты делают основным исходным пунктом своей социальной теории, что поэтому в капитализме «корпоративном», при фашистской диктатуре «сильных личностей» «капитала высшего порядка» капитализм будет «обновлен», и духовные силы человечества (читай: буржуазии) будут спасены.

Капитализм согласно Шпанну, при условии если в нем не господствуют фашисты, если он не живет только фашистскими идеями холопов капитала, имеет недостатки. Их нужно исправить.

Как же «по-новому» Шпанн разрешает «социальную проблему»?

Шпанн видит основной недостаток несвязанного капитализма не в бедности части народа, но в том, что он лишен корней, и это относится к рабочим крупной промышленности. Поэтому он противопоставляет для исцеления общества «индивидуалистическому» хозяйственному порядку корпоративное хозяйство.

Итак, мы прибыли в лоно фашистского корпоративного хозяйства. На чем

⁹ «Jrrungèn des Marxismus», стр. 22.

¹⁰ Там же, с. 25.

¹¹ Там же, с. 45.

же сохраняются здесь «целостность» и иерархический хозяйственный порядок? На полном господстве «капитала высшего порядка», на абсолютном уничтожении коммунистического движения. Поэтому осуществление этого «общественного» правопорядка возможно при установлении такой иерархической лестницы, когда наверху находится «капитал высшего порядка», куда входят ученые, министры, полицейские, капиталисты, всякая ученая челядь, обслуживающая «производительную» деятельность капитала, а на самом конце — те части народа, которые капитализм «некорпоративный» («entwurtelt») деморализовал, а капитализм «корпоративный» превращает в механический придаток к «капиталу высшего порядка».

В статье «Lohn und Gewinn» один из влиятельных представителей фашистской политической экономики в Италии Муссинао дает такое определение корпоративного хозяйства: «Корпоративное хозяйство представляет собой род ведения хозяйства, при котором государство частные интересы социальных классов ставит под контроль пользы совокупности всего наличного состава общества и прежде всего изменяет, преобразовывает, реорганизует непримиримые противоречия между трудом и капиталом в направлении гармонической сработанности обоих факторов производства в укреплении нации». Под формой «общей национальной пользы реорганизации классовых противоречий» скрывается не что иное, как прикрытые концентрированной деспотии капитала над рабочим классом.

Теория корпоративного хозяйства облекается в форму всеобщих интересов всей нации, всего государства в противоположность интересам классовым, которые фашисты именуют интересами индивидуалистическими.

В чем особенность современной теории «всеобщности», которую проповедают Шпанн и иже с ним фашистские теоретики? Во времена Великой французской революции буржуазия тоже выступала с идеями всеобщности, которая соответствовала: 1) классу *contra* сословие, 2) конкуренции всемирным сношениям и т. д., 3) большому числу господствующего класса, 4) иллюзии общего интереса; вначале эта иллюзия истинна, 5) самообману идеологов и разделению труда» (Маркс).

В современных условиях всеобщего кризиса капитализма «всеобщность», «универсальность» соответствует: 1) гигантской мощи монополистического капитала, выступающего в качестве «национального» капитала, отождествляющего себя с интересами «всей нации», поскольку имеет место «повальный переход всех имущих классов на сторону империализма» (Ленин); 2) господствующей иерархии монополистического капитала, умирающему классу *contra*, огромным массам поработаемого человечества; причем особенность «всеобщности», проповедуемой Шпанном, характерна тем, что, будучи слепком интересов не большой кучки монополистов-узурпаторов, эта «всеобщность» выступает как требование восстановить «*с о с л о в и е*» *contra* класс; 3) иерархии сословий, закрепляющих современное состояние «разделения труда» между классом эксплуататоров и классом эксплуатируемых. Первый класс является «ведущим, абсолютно господствующим и жизненным, второй — подчиненным, руководимым, исполняющим, но только необходимым в качестве придатка, оплодотворяемого первым классом» (т. е. сословием). В таком виде история сословий направлена на установление вечной гармонии в «национальном» «корпоративном» хозяйстве, на уничтожение классовой борьбы; 4) реакционной иллюзорной псевдосамостоятельности, в частности частной собственности во всех ее формах простого товарного хозяйства и капиталистической частной собственности. Самообману идеологов, думающих уничтожить реальные противоречия классов мистическими заклинаниями против революционной классовой борьбы, призывами к реставрации «феодалных отношений» с их постоянством сословий (Stände). Фашистская реакция драпируется «в феодальный щит». Шпанн

думает возродить историю капитализма, объявив ее к о н е ц н а ч а л о м. Иллюзии превратились в фарс. Особенность шпанновского учения о «корпоративном хозяйстве» заключается в том, что в нем хоть и отдается дань мелкобуржуазным побрякушкам спасения собственности, — в ц е л о м она представляет выпуклое выражение деспотических, кровожадных интересов монополистического капитала.

В э т о м с у т ь « т е о р и и » Ш п а н н а.

Отсюда ясно, каковы обязанности академической науки ученых, политических и хозяйственных руководителей в их борьбе против коммунизма, против революционного движения рабочего класса, за «корпоративное хозяйство».

Три направления: субъективно-психологическая школа, «социальное» направление п фашистское направление в современной вульгарной политической экономии, представляли субъективисты в конце XIX и социальники в начале XX столетия; фашистское направление представляет сейчас господствующие школы вульгарной апологетики капиталистического способа производства за последнее полстолетие со дня смерти Маркса.

Эти три направления ведут жестокую и непрерывную борьбу против учения Маркса, против коммунистической революции, которая является величайшим историческим подтверждением всемирно-исторической победы марксизма. Самая отчаянная и враждебная борьба ведется фашистским и всеми другими «направлениями» вульгарной политической экономии в настоящее время против большевистской революции, осуществившей победу пролетариата над буржуазией.

Чем же объясняется различный характер этих «школ» вульгарной политической экономии?

Эти три направления в основном представляют различные формы их борьбы против Маркса.

Эти три направления в основном представляют в различные «эпохи» господствующие взгляды вульгарной политической экономии в течение последних 50 лет. Снятием «эпохи» заканчивалась теория той или другой школы. Отсюда—крах «субъективно-психологической школы» в XX столетии. Всеобщий кризис капитализма и фашистский террор против коммунистического движения модифицируют «социальную» школу в фашистскую «корпоративную экономию» в XX столетии.

Пятьдесят лет, прошедших с того времени, как величайший революционер, мыслитель и вождь мирового коммунистического движения сошел в могилу, полны грандиозных, всемирно-исторических событий.

Восьмидесятые и девяностые годы характеризуются началом массового движения рабочего класса в Средней Европе, забастовочным движением в Америке. Борьба за восьмичасовой рабочий день впервые ставится практически в порядок дня мирового рабочего движения. Революционные выступления пролетариата вызывают бешеную расправу буржуазии, которая никак не могла отделаться от «кошмаров» Парижской коммуны. Она учиняет чикагские расстрелы рабочих и ведет репрессивную борьбу против рабочего движения в Германии и других странах.

В эту эпоху против Маркса выступил Е. Бем-Баверк. Он выступил как собиратель дум вульгарной экономии, как ее признанный жрец. Это была эпоха зародышей домонополистического капитализма, это был канун империализма. Экономические и классовые антагонизмы уже достаточно обнажены. Буржуазия уже в эту эпоху приходит в отчаяние от развивающегося массового социалистического движения. Бем эту тревогу выражает во всей рельефности.

Но именно разгром Парижской коммуны, продемонстрировавший пролетариату в решительных классовых боях его исторический путь победы, а буржуазии ее неизбежный конец, и кровавая расправа над рабочими в

Чикаго определили степень зрелости и обнажения классовых противоречий.

Воинствующая буржуазная апологетика начинает враждебную, мерзкую, лживую и лицемерную борьбу против марксизма.

Домонополистический капитализм все же порождает свои особенности в «критике» Маркса.

Е. Бем-Баверк «пытается» обосновать всю «критику» на мнимой «экономической» основе. Скрыто веря еще в чудодейственные силы «производительности капитала», он все же понимает необходимость маскировки этой мистической, фетишизированной плоти вещей, освещая их субъективно психологическими, «казуистическими» определениями.

Другую форму «критики» мы имеем у Штаммлера и Штольцамана. Они, веря в чудодейственную силу «производительности капитала», видят, что еще более «великие чудеса» может творить полицейский правопорядок, охраняющий величие «производительности капитала».

Империализм есть эпоха политической реакции. Скрыть эту политическую реакцию под формой «свободы» — вот «социальная» цель вульгарной экономии Штольцамана и Штаммлера. Поэтому Бем — идеолог вульгарной экономии, поклоняющейся грубой плоти вещей, прикрашенной субъективно-психологическими мотивами. Под этим углом зрения все время идет его «критика» Маркса. Штаммлер и Штольцман поклоняются двум богам, фетишам буржуазного общества: фетишу вещей и фетишу идей (право, нравственность, этика). Поэтому они с этих точек зрения «критикуют» Маркса. Штаммлер к фетишу идей буржуазной «свободы» хочет приковать рабочий класс.

Буржуазии, чтобы овладеть «идейным» воспитанием рабочего класса, борющегося под знаменем Маркса, необходимо прежде очернить знамя революционного марксизма на почве «самого марксизма», поэтому она непрочь «излагать марксизм» — только не настоящий, а «обуржуазенный». Штаммлер изображает марксизм как слепой фатализм. Если Маркс и Энгельс говорили, что их учение не догма, а руководство к действию, то Штаммлер ставит своей целью доказать, что марксизм характеризуется именно своей верой в слепую необходимость, которая не требует никакого вмешательства, что марксизм — против насильственной революции.

Марксизм, по Штаммлеру, «н е т р е б у е т» ничего, он констатирует то, что есть... он хладнокровно наблюдает смену экономических феноменов». «Социалист-марксист отвергает мысль о том, что современный общественный строй может быть уничтожен путем насильственного переворота». В диалоге между социалистом и буржуа социалист говорит: «...насилие реакционно и враждебно культуре». Так Штаммлером изображается отношение марксизма к пролетарской революции: Штаммлер в вопросе отношения «марксизма» к революции, понимания революции как «идеологического воспитания» предвосхитил «марксизм» социал-фашистов по всем этим вопросам.

Но задача Штаммлера (как и социал-фашистов) не ограничивалась только извращением марксизма. Это был только трамплин к действительной цели — обуржуазить рабочий класс целиком буржуазной идеологией. Поэтому Штаммлер отвергая «марксистскую доктрину» предлагает свою концепцию «социальной теории общественного развита». Наиболее подходящей для этого является «социальная концепция», потому что она дает возможность во имя «национального целого» проповедывать идею классовой гармонии, означающей полное подчинение всех сил страны господствующей клике буржуазии. Это — в о п е р в ы х.

Во-вторых, социальная теория видит конституитивный признак общества в правопорядке (Штаммлер, Штольцман, Аммон, Диль). Поэтому она

буржуазный правопорядок с его иллюзорными свободами (действительными только для господствующей части буржуазии) выдает за развитие «свободы», основанной на праве. Классовый смысл «социальной», «национальной», «универсальной» экономии дан в том, что в прокрустово ложе реакционного правопорядка удастся втиснуть «интересы» всей нации, «всего народа», «целого социального организма».

«Закону буржуа должны уметь придать всеобщее выражение именно потому, что они господствуют как класс» — писал Маркс 80 лет назад в «Немецкой идеологии». Штаммлер, придавая всеобщее и абсолютное значение закону, желает подчинить ему — и только ему — всю общественную жизнь, все явления «социальной жизни».

«Внешнее регулирование»¹² есть священный страж закона. По существу оно выражает необходимость осуществления закона при помощи принуждения, насилия. Штаммлер выдает «внешнее регулирование» за всеобщий, вечный, универсальный закон общественной жизни. «Социальная» жизнь конституируется на основе ныне действующих буржуазных «законов», «договоров», нарушение которых вызовет «внешнее регулирование», т. е. полицейскую деспотию, ибо без «внешнего регулирования» нет правопорядка. Таков замаскированный смысл «внешнего регулирования» в «социальной» концепции Штаммлера.

Штольцман идет уже дальше Штамллера. В своих последних работах, написанных после победы пролетарской революции в России, он смыкается все более со Шпанном. Если Штаммлер ставил своей сознательной целью обуржуазить рабочее движение, «обезвредив» марксизм и воспитывая пролетариат в духе «социально-правового» и «социально-органического» взглядов, то Шпанн видит основную миссию своей теории в полном уничтожении марксизма не столько теоретически, сколько жестокой и варварской расправой с коммунистическим движением.

Штольцман спешит за каждым реакционным шагом фашизирующей вульгарной экономии. В своих работах «Кризис в современной национальной экономике», и «Основы философии народного хозяйства» Штольцман, не только примыкает к Шпанну, но и требует признания за собой обоснования «социальной» фашистской политической экономии с ее учением о государстве, целостности и т. д., с ее преклонением перед мистической силой идей, с ее бешеной ненавистью к материалистическому пониманию действительности и борьбой против революционного движения.

Отмар Шпанн не видит «более жизненно необходимого, культурно необходимого дела, чем сознательное уничтожение материализма», и требует уничтожения марксизма не только в теории, но и как силы (уничтожение большевизма); Штольцман в своих основных произведениях — «Der Zweck» и «Grundzüge einer Philosophie» — направляет свой гнев против революционного движения и диалектического материализма Маркса — Энгельса; Диль расшаркивается перед современными королями капитала и желает капиталистическому способу производства вечного здоровья в пользу «цивилизации и развития науки».

Как глава нового течения Шпанн¹³ выступил в условиях всеобщего кризиса капитализма, когда рабочий класс штурмует и уничтожает капиталистический способ производства и борется за диктатуру пролетариата. Поэтому его «социальная концепция» базируется на конструкции такого «на

¹² Штаммлер «внешнее регулирование» рассматривает как основной и главный универсальный закон общественного развития всех эпох и всех времен человеческой истории.

¹³ Фашистская политическая экономия является сейчас господствующим течением вульгарной экономии. Идеи соловного «корпоративного» антиклассового, антикоммунистического хозяйства прповедуются фашистами, католической церковью, фашизирующей верхушкой социал-демократии.

Все реакционные силы капитала поставлены на службу охраны буржуаз-

ционального единства», где не должно быть коммунистов. Шпанн выступает под флагом реакционной силы фашистского полицейского террора во имя уничтожения коммунистического движения и духа марксизма-ленинизма. Таков ряд нюансов в развитии современного «социального» направления.

Фашизм есть террористическая диктатура господствующей части буржуазии — террористическая диктатура крупного капитала. Отсюда понятны «теория» Супино о преступности забастовочного движения, теория Шпанна о «кроважидных преступниках-коммунистах». Шпанн пишет: «В переходные периоды, при отсутствии власти, в эпоху революции всплывают эти прежде связанные, невидимые и почти незнакомые элементы общества. Они желают установить такой порядок, который угнетал бы не только деятельных, честных и богатых, но и других прилежных членов общества и превратил бы их в интересах этих элементов в объект эксплоатации». Затем приводятся примеры проникнутых большевистским духом восстаний и дележа имущества в эпоху упадка Греции, Французской революции, правительств Эйзенра и Бела Куна.

Шпанн более открыто выбалтывает тайны борьбы Ариаса, Супино и других фашистских теоретиков итальянского корпоративного хозяйства против «демократизма», против «либерального» хозяйства.

«И поэтому здесь бесполезно искать мира и любви, как это делают пацифисты и мечтатели. «Ohne Wertherschaft», и поэтому без действительной господствующей власти (Machtherrschaft) и господства принуждения никакое общество невозможно, но это господство должно базироваться на определенных господствующих ценностях... и духовной иерархии чинов» (то, что Шпанн называет *geistige Rangordnungen*).

Таково обоснование «духовных качеств» господства кровавой диктатуры буржуазии. Шпанновская политическая экономия имеет своей исторической миссией обожествить, освятить деяния буржуазной террористической реакции против революционного движения пролетариата.

Со сменой исторических событий одна форма борьбы против марксизма сменяется другой—все более злобной, более враждебной, более кровавой.

Монолитная и величественная, истинно революционная и героическая теория Маркса не только не «потерпела краха», как это представлялось в мечтах всем ее «критикам», но становится все более победоносной в всемирно-исторической силе победы социализма в СССР и развития могучего мирового коммунистического движения, подготавливающего окончательную победу мирового коммунизма.

В эпоху империализма марксизм получает свое дальнейшее развитие и обогащение в ленинизме. Учение Ленина и Сталина о неравномерном развитии капитализма, о пролетарской революции, о победе социализма в одной стране и т. д., — все это ведет к дальнейшему развитию революционного учения Маркса о мировой победе коммунизма.

Пусть реакционная, кровавая челядь капитала в неистовстве, страхе, духовной агонии кричит о смертном бое марксизму и ленинизму — большевистской революции.

М а р к с и з м - л е н и н и з м н е с о к р у ш и м .

Победа коммунизма наступила уже на одной шестой части замного шара, коммунизм победит в мировом масштабе. Учение Маркса вошло в железный инвентарь могучего революционного движения пролетариата как самое верное его оружие в борьбе за полное всемирное освободительное движение.

ного государства, буржуазных имущественных отношений, ставших реакционной разрушительной силой производительных сил и хищнического, варварского закабаления огромных трудящихся масс, подбегнутых нищете, голоду, кровавой расправе.

О СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛЕ

Возражая Сокольникову, который не понимал коренной разницы между торговлей в условиях диктатуры пролетариата и торговлей в условиях капитализма, т. Сталин в заключительном слове на XIV партсъезде отметил:

«Дело вовсе не в том, что торговля и денежная система являются методами «капиталистической экономики». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с успехом используют их против капитализма, с успехом используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики»¹.

Таким образом после завоевания пролетариатом власти сущность торговли коренным образом меняется. Из формы развития капитализма она превращается в руках пролетариата в орудие социалистического строительства, ибо меняется характер производственных отношений, скрывающихся за торговлей, товаром, деньгами.

Но и в пределах самого переходного периода торговля не остается неизменной. Торговля начала нэпа и торговля современного периода, периода развернутого наступления социализма по всему фронту, имеют существенные различия.

Если в начале нэпа доля частнопосреднической торговли во всем товарообороте была чрезвычайно высока, то сейчас эта доля равна нулю.

Розничный оборот по секторам без учета базарной торговли (в млн. рублей)

Г о д ы	Государственный	Кооперативный	Государств. кооператив.	Частный
1922/23	512	368	880	2 680
1923/24	840	1 622	2 462	3 000
1924/25	1 521	2 871	4 392	3 230
1925/26	2 170	5 865	8 035	5 346
1926/27	2 362	6 988	9 350	5 158
1927/28	2 325	9 174	11 499	3 908
1928/29	3 033	11 803	14 836	2 679
1930	3 300	14 525	17 825	1 100
1931	6 485	20 512	26 997	свед. нет
1932	13 444	21 000	—	

Если в начале нэпа экономически связь между городом и деревней осуществлялась в значительной мере через частного торговца, то теперь эту связь мы устанавливаем сами непосредственно, без помощи частника. «Советская торговля, — говорил т. Сталин на январском пленуме, — есть торговля без капиталистов малых и больших, без спекулянтов малых и больших».

¹ Сталин, Об оппозиции, стр. 214.

Если в начале нэпа нашей главной задачей в области торговли была задача вытеснить частника из сферы товарооборота между городом и деревней и, наладив свой собственный товарооборот, заменить частнопосредническую торговлю торговлей обобщественной, то теперь, когда эта задача решена, нашей главной задачей является задача закрепления и развития достигнутых на этом поприще успехов, задача организации и развертывания советской торговли, т. е. торговли непосредственных производителей продуктов (госпредприятий, колхозов, колхозников и трудящихся единоличников-крестьян), и полного искоренения частного торговца, спекулянта, перекупщика.

Теперь торговля в подавляющей части является формой связи между государством и колхозами, государством и рабочими социалистических предприятий и учреждений, колхозами и рабочими.

Особенно крупные сдвиги в области товарооборота мы имеем за годы первой пятилетки.

Индустриализация СССР, в итоге которой промышленность группы «А» за годы первой пятилетки выросла на 219% и промышленность группы «Б» — на 187%, рост сельского хозяйства на основе колхозов и совхозов, нашедшей свое выражение в росте посевных площадей за годы первой пятилетки на 21 млн. га, в росте товарной продукции по зерновым хлебам в 2 раза: росте заготовок по скоту, птице, рыбе и т. д. вызвали рост товарооборота с 14 млрд. руб. в 1928/29 г. до почти 40 млрд. руб. в 1932 г. Такой количественный сдвиг в товарообороте. Из качественных сдвигов необходимо отметить: переход к политике искоренения спекулянта-перекупщика; возникновение и развертывание торговли колхозов и колхозников; прикрепление звеньев советской торговли к социалистическим предприятиям (создание ЗРК, ЗР, ОРС), развертывание товаропроводящей сети со 191 тыс. торговых точек в начале пятилетки до 291 тыс. точек; ускорение товарооборота; расширение собственной продовольственной базы потребкооперации; рост охвата общественным питанием с 500 тыс. чел. до 14—15 млн. и т. д.

Достижений по линии социалистического строительства вообще, по линии развития торговли в частности вызвали необходимость изменения организационной структуры государственной и кооперативной торговли и изменения методов товарооборота между городом и деревней. Создание закрытых распределителей, закрытых рабочих кооперативов, отделов рабочего снабжения при крупнейших предприятиях, развертывание торговой сети, перестройка сельского торгового аппарата, развертывание торговли колхозов и колхозников, изменение методов централизованных заготовок зерновых, мясо-молочных продуктов и некоторых технических культур и т. д. и т. п. — вот основные вехи этих изменений организационной структуры государственной и кооперативной торговли и методов товарооборота между городом и деревней. Но, являясь результатом развития социалистического производства и роста товарооборота в стране, эти изменения в свою очередь имели и имеют огромное значение для дальнейшего развития и улучшения качества работы советской торговли, а значит и для дальнейшего успешного социалистического строительства.

Изменение методов централизованных заготовок вызывается изменением условий социалистического строительства. Переход от восстановительного периода к реконструктивному, от торговой к производственной форме смычки как основной сопровождался и не мог не сопровождаться соответственным изменением в методах товарооборота

между городом и деревней, переходом от «торговли мелкими партиями» к «торговле крупными партиями по заранее составленным договорам (контракциям) насчет цен и качества товара» (С т а л и н). Это значило, что «государство стало поставщиком товаров для крестьянства, а крестьянство становится поставщиком хлеба для государства» (С т а л и н). Переход к контракции был в это время и возможен,—поскольку восстановлением и развитием промышленности за довоенный уровень, восстановлением сельского хозяйства, вытеснением частного из сферы товарооборота, подготовкой необходимого аппарата и кадров для проведения этой работы были созданы условия для этого перехода, — необходим, — поскольку только контракция могла обеспечить удовлетворение промышленности и рабочих сырьем и продуктами продовольствия в необходимых размерах и главное облегчала выполнение основной задачи пролетариата в то время по отношению к сельскому хозяйству—задачи социалистической реконструкции его.

Изменение условий социалистического строительства, дальнейший быстрый рост индустрии, завершение в основном коллективизации и ликвидация кулачества как класса и благодаря этому выдвижение как главной задачи в области развития сельского хозяйства задачи организационно-хозяйственного укрепления колхозов и повышения урожайности социалистических полей,—все это вызвало необходимость нового изменения методов товарооборота. Контракция должна была измениться и была заменена по ряду с.-х. продуктов (хлеб, картофель, масло, мясо и т. д.) обязательными поставками, имеющими силу налога.

Замена контракции обязательными поставками создает огромный стимул у колхозов и колхозников для усиления борьбы за повышение качества своей работы, за повышение урожайности, за сохранение произведенных продуктов от хищений со стороны расхитителей (кулаков и их агентов) общественной собственности. А это значит, что колхозы и колхозники после выполнения ими плана поставки продуктов своего производства государству будут иметь в своем распоряжении огромные массы товарной продукции для развития колхозной торговли.

Направление развития торговли в переходный период

Анализ торговли переходного от капитализма к социализму периода, анализ тенденций этого развития показывает не только то, как изменялась торговля, но и направление ее дальнейшего развития.

Уже торговля начального периода нэпа и по характеру производственных отношений, скрывающихся за ней, и по той роли, которую играет торговля в стране диктатуры пролетариата благодаря наличию в руках последнего политической власти и командных высот, коренным образом отличается от торговли капиталистической. Тем более отличается от нее торговля современного периода. Изменения, происходящие в сфере обращения, неразрывно связаны с изменениями в сфере производства.

Восстановим вкратце историю развития торговли в СССР. Начало нэпа. Разрушенная промышленность. Разрушенное сельское хозяйство. Недовольство крестьянства политикой военного коммунизма. Переход от военного коммунизма к нэпу. Разрешение известной свободы торговли. Слабость промышленности и недостаток умения торговать у

пролетариата вызвали быстрый рост частного, удельный вес которого в розничном обороте достиг в 1922/23 г. 75%. Проблема «кто—кого». Кто скорее воспользуется наэпом: мы или капиталисты? Постепенное восстановление сельского хозяйства, оживление товарооборота. Социалистическая промышленность начинает быстро вылезать из той разрухи, в которой она находилась. Этот факт плюс накопление пролетариатом опыта торговли приводят к росту государственной и кооперативной торговли. Она начинает вытеснять частную торговлю, устанавливая все больше и больше непосредственную связь между социалистической промышленностью и сельским хозяйством. Это приводит к ускорению темпов роста социалистической промышленности. А это, наоборот, вызывает более быстрый рост государственной и кооперативной торговли.

Переход к реконструктивному периоду. Бурный рост социалистической промышленности. Все более и более ускоряющийся темп социалистической реконструкции сельского хозяйства. Усиливающееся наступление на кулацкие элементы. Переход к сплошной коллективизации и ликвидации на ее основе кулачества как класса. На основе всего этого происходят быстрый рост государственной и кооперативной торговли и резкое сокращение частной. Торговля все больше и больше поворачивается лицом к социалистическому производству.

Современный этап. Бурно выросла, оставив далеко позади довоенный уровень, социалистическая промышленность. Растет и крепнет сельское хозяйство на базе совхозов и колхозов. В решающих зерновых районах завершена в основном ликвидация кулачества как класса. Абсолютно преобладающую роль во всем народном хозяйстве играет социалистический сектор. Главная масса продуктов производится теперь в социалистическом секторе. Развертывается советская торговля, торговля «без капиталистов — малых и больших».

Если мы проследим ход развития торговли в переходный период, то увидим, что, во-первых, все большую и большую роль играют хозяйственные отношения между социалистическими предприятиями и учреждениями и их работниками и, во-вторых, все меньшую и меньшую роль играет индивидуальный обмен (благодаря коллективизации, кооперированию кустарей, вытеснению частного, ликвидации кулачества и т. д.).

Когда говорят о перспективах развития торговли, обычно применяют два термина для определения судьбы торговли: «отмирает» и «ликвидируется». Но нужно сказать, что наша торговля не «ликвидируется», не «отмирает», а перерастает в прямое социалистическое распределение. Именно такова суть того процесса развития торговли, который определяется диктатурой пролетариата в СССР. Темп процесса перерастания торговли в социалистическое распределение в значительной степени зависит от нас: от степени напряженности нашей работы в области социалистического строительства, от нашего умения культурно, по советски торговать и т. д. Важно подчеркнуть в связи с этим только то, что для перехода от торговли к иной, высшей форме распределения нужно делать ставку не на ликвидацию торговли, а на ее развертывание, на ликвидацию элементов бюрократизма, оппортунизма как правого — главной опасности на данном этапе, так и «левого», на ликвидацию «наэпманского духа», которые все еще имеют место в отдельных звеньях советской торговли.

Условием перерастания торговли в прямое социалистическое распределение является превращение всего трудящегося населения в ра-

ботников социалистического общества, где «все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного синдиката» (Ленин).

Уничтожение же денег связано не только с этим условием (хотя оно и представляет основное условие этого уничтожения), но и с наличием организационных и технических завоеваний, которые представляют возможность перейти от денег к талонам или удостоверениям, на которых будет прямо указано, какую долю своего труда работник социалистического общества может получить в фонд своего личного потребления.

В социалистическом обществе, поскольку нет индивидуального производства и частного присвоения, поскольку и производство и присвоение общественные — постольку не будет ни торговли, ни денег. Вместо торговли будет прямое социалистическое распределение. Вместо денег — трудовые свидетельства. Но уничтожение денег опять-таки связано с их укреплением, с ростом социализма, с успехами нашей работы на всех фронтах борьбы за социализм. Неустойчивость денег означает наличие перебоев в нормальном процессе расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений, а это означает отодвигание момента перехода от денег к талонам. Именно поэтому нужна постоянная работа над укреплением нашей денежной системы.

Прямое социалистическое распределение

На вопрос о судьбе торговли в социалистическом обществе учителя марксизма-ленинизма дали исчерпывающий ответ.

Товар, деньги, торговля возникают только на определенной ступени развития человеческого общества. Общественные отношения, которые вызывают необходимость существования торговли, товара, денег, характеризуются наличием, во-первых, более или менее развитого общественного разделения труда и, во-вторых, наличием частной собственности на средства производства. Однако всеобщее распространение эти категории получают только при капитализме, который, развивая производительные силы, усиливает разделение труда в обществе, расширяет товарное производство, превращая в товар не только вещи, созданные человеком, но и самую рабочую силу человека. Но тем самым создается основное противоречие капиталистического общества, усиливающееся с развитием этого последнего, — противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения, противоречие, которое может быть разрешено и разрешается только в социалистической революции.

Основное, чем характеризуется социалистическое общество, заключается в отсутствии частной собственности на средства производства, в превращении их в общественную собственность, а следовательно в отсутствие классов и эксплуатации человека человеком.

Общественные отношения коренным образом изменяются. Изменяются и экономические категории.

«В обществе, основанном на принадлежности средств производства всему обществу, производители не обмениваются своими продуктами»².

Все произведенные продукты являются собственностью всего общества.

«Непосредственное общественное производство, как и прямое распределение, — писал Энгельс, — исключает всякий товарный обмен,

² Маркс, Критика Готской программы.

а следовательно и превращение продуктов в товары...»³, ибо продукт «является товаром только потому, что в нем (в вещи, в продукте) воплощается отношение двух лиц, отношение между производителем и потребителем, которые здесь больше не сливаются в одном лице»⁴.

Но раз продукт не превращается в товар, раз производители не обмениваются своими продуктами, то нет и торговли, суть которой и заключается именно в обмене товарами, в взаимной купле-продаже.

Место торговли заступает прямое социалистическое распределение.

Работник социалистического общества, проработав на общественных средствах производства определенное количество времени, «получает от общества удостоверение в том, что доставил столько-то и столько-то труда, и за вычетом из его труда того, что идет в общественный фонд, по представлении этого удостоверения, получает из общественных магазинов такое количество предметов потребления, которое стоит того же количества труда»⁵.

В том, что производители больше не обмениваются друг с другом продуктами своего труда, что работник социалистического общества приобретает на удостоверение все необходимые ему средства потребления в общественных магазинах в соответствии с тем количеством и качеством труда, которое он дал обществу, и заключается суть прямого социалистического распределения.

Из этого видно между прочим, как мало поняли Маркса, Энгельса и Ленина те левые фразеры, которые видели и видят всю суть социалистического распределения в том, чтобы все занормировать, забронировать, внести сплошную уравниловку в снабжении, «заморозить» товарооборот, действовать по принципу «лопай, что дают».

Не поняли и извратили, во-первых, тем, что попытались искусственно ввести (и конечно — в извращенной форме) социалистическое распределение. Они упустили из виду такую «мелочь», что хотя мы и вступили в период социализма, но еще не вышли и из переходного периода, переживая его последний этап. Наконец «забыли», что принцип личной заинтересованности будет долго сохранять свое значение («от каждого — по способностям, каждому — по труду»), что социалистическое распределение означает не бюрократическую, а такую организацию использования созданных средств потребления, которая обеспечивает удовлетворение потребностей работников социалистического общества еще лучше, еще полнее, еще быстрее и с большими удобствами, чем сейчас.

«Переход» к прямому социалистическому распределению обусловлен определенными предпосылками, которые заключаются, во-первых, в уничтожении частной собственности, в превращении всех средств производства в общественную собственность, в уничтожении классов и превращении всех трудящихся в работников бесклассового, социалистического общества, в развитии социалистических производительных сил до пределов, в которых, обеспечивая дальнейшее расширение воспроизводства темпами, удовлетворяющими общество, они одновременно создают возможность удовлетворения личных потребностей членов общества целиком из общественных магазинов, и наконец в создании необходимых организационных предпосылок (необходимого аппарата учета, контроля, распределения, распределительной сети,

³ Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, Д — 295, Гиз, 1928 г.

⁴ Э н г е л ь с, Рецензия на книгу Маркса «К критике политической экономии».

⁵ М а р к с, Критика Готской программы; см. также Л е н и н, Государство и революция, гл. V.

улучшения качества его работы на основе преодоления элементов правого и «левого» оппортунизма, искоренения элементов бюрократизма и т. д.). Само собой разумеется, что все эти моменты связаны между собой самым неразрывным образом. Нельзя выдвигать одно условие, забывая другое.

Для создания этих условий, т. е. для построения бесклассового, социалистического общества, величайшее значение имеют решения XVII партконференции и январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), устанавливающие не только общую задачу и общую линию развития во второй пятилетке, но и наметившие ряд конкретных мероприятий для осуществления этой задачи.

«Для обеспечения большевистских темпов подъема всего народного хозяйства и лучшего удовлетворения запросов широких масс города и деревни в отношении товаров широкого потребления первостепенное значение имеет развёртывание товарооборота».

И дальше:

«Конференция подчеркивает антибольшевистский характер левой фразы о переходе к «продуктообмену» и об «отмирании денег» уже на данной стадии строительства социализма» (из резолюции XVII партконференции).

Таким образом не продуктообмен, не левацкое распределение, а развёрнутая советская торговля, «торговля без капиталистов — малых и больших, торговля без спекулянтов — малых и больших» (Сталин) — вот та единственная форма обмена, которая соответствует данному этапу развития переходной экономики и следовательно обеспечивает в числе других факторов полное выполнение задач, стоящих перед нами во второй пятилетке. «Только безнадёжные леваки могут... недооценивать хозяйственное и политическое значение дальнейшего расширения производства товаров ширпотреба, всемерного увеличения их рыночных фондов и развёртывания товарооборота для усиления снабжения промтоварами рабочих и колхозных масс» (январский пленум ЦК и ЦКК).

Итак, нашей основной задачей на вторую пятилетку является в области товарооборота задача развёртывания советской торговли. Переход же к продуктообмену, чего требовали и требуют левацкие элементы, явился бы не шагом вперед, не шагом, обеспечивающим выполнение задач, стоящих перед нами на современном этапе развития советской экономики, а шагом назад, шагом, который неизбежно привел бы к тому, что мы сами затормозили бы успешный ход социалистического строительства и тем самым сыграли бы на руку классовому врагу.

Ленинский план товарообмена и его извращение «левыми» оппортунистами

«Левые», защищая теорию немедленного перехода к продуктообмену, иногда ссылаются на Ленина, пытаясь свою антибольшевистскую левую фразу прикрыть цитатами из Ленина о продуктообмене.

Вспомним, в какой обстановке говорил о продуктообмене Ленин, и посмотрим, в чем заключается суть его высказываний. Обратимся к плану брошюры о продналоге и к другим работам Ленина.

План брошюры о продналоге писался Лениным в марте—апреле 1921 г., т. е. в самом начале новой экономической политики⁶.

⁶ X съезд ВКП (б), принявший решение о замене развёрстки налогом, открылся 8 марта 1921 г.

Основной вопрос, который стоял в это время перед партией и перед Лениным, был вопрос о том, на какой основе может быть установлена экономическая связь между рабочим классом и крестьянством в условиях мирного хозяйственного строительства. Продразверстка, существовавшая в эпоху военного коммунизма, в новых условиях была невозможна. Требовался переход к иным отношениям, к отношениям, которые в новых условиях обеспечили бы укрепление союза рабочих и крестьян под руководством пролетариата.

Какими должны быть эти отношения?

В брошюре о продналоге Ленин, развивая следующую мысль о плане: «Ни разверстки, ни налога, а обмен продуктами крупной промышленности на крестьянские продукты — такова экономическая суть социализма, его базы», пишет:

«Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен (разрядка моя — *И. М.*) хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе.

Продналог есть переход к ней, ибо мы еще «не можем дать крестьянину за весь нужный нам хлеб продукты промышленности».

По этой же причине мы вынуждены были разрешить «развитие частного негосударственного обмена, т. е. торговли, т. е. капитализма», стараясь «направить его в русло государственного капитализма»⁷.

Об этом же говорил Ленин и на III конгрессе Коминтерна.

«Вполне правильным и устойчивым с социалистической точки зрения союз мелких крестьян и пролетариата может стать лишь тогда, когда вполне восстановленный транспорт и крупная промышленность позволят пролетариату давать крестьянам в обмен на продовольствие все необходимые для них и для улучшения их хозяйства продукты (разрядка моя—*И. М.*)».

«...Продналог является переходом от реквизиции всех хлебных излишков крестьянина к правильному социалистическому продуктообмену между промышленностью и земледелием»⁸.

Можно было бы удлинить количество цитат из речей и статей Ленина по этому вопросу в несколько раз. Ограничимся здесь лишь приведением еще одного замечания Владимира Ильича. В речи на VII московской партконференции Ильич говорил:

«Что заключалось в этом понятии? (товарообмена—*И. М.*)... Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность как единственную основу социалистической организации»⁹.

Таким образом суть этого ленинского плана перехода от продразверстки к продналогу заключается в том, чтобы хлеб у крестьян

⁷ Ленин, т. XXVI, стр. 332—334.

⁸ Там же, стр. 430.

⁹ Ленин, т. XXVII, стр. 67.

братъ не в долг¹⁰, а в обмен на продукты промышленности, причем этот обмен должен быть непосредственным между социалистической промышленностью (через кооперацию и государственные распределительные органы) и миллионами раздробленных крестьянских хозяйств без помощи, без посредства частного торговца. 9 апреля 1921 г. Ленин на собрании секретарей ячеек ВКП(б) Москвы в речи, посвященной продналогу, разъясняя, что такое продналог, говорил: «Значит в налоге есть частица прежней разверстки и есть частица того порядка, который один только представляется правильным, именно обмен продуктов в крупных социалистических фабриках на продукты крестьянского хозяйства через продовольственные органы государственной власти, принадлежащей рабочему классу, через кооперацию рабочих и крестьян (разрядка моя—И. М.)»¹¹.

Вот в этом и заключалась, по Ленину, суть, главное, основное в обмене между городом и деревней в начальный период нэпа. Началить обмен продуктов между социалистической промышленностью и крестьянством непосредственно через социалистическую товаропроводящую сеть — без помощи, без допущения частного торговца, удовлетворить на этой основе хозяйственно крестьянина и получить на восстановление социалистической промышленности тот хлеб и те продукты сельского хозяйства, которые необходимы сверх 240 млн. пуд., собираемых налогом, — вот чего добивался Ленин, выдвигая необходимость товарообмена. «включая сюда и продуктообмен, ибо государственный продукт и продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар, в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром»¹². Борьба за организацию и налаживание товарообмена в начале нэпа как раз и была борьбой за удовлетворение трудящегося крестьянства, за сохранение и усиление руководства пролетариата крестьянством, за непосредственный обмен между социалистической промышленностью и земледелием, за недопущение частного торговца в государственный оборот. Развитие же частного, негосударственного обмена, т. е. торговля, т. е. капитализма, неизбежно при существовании миллионов мелких производителей»¹³, предполагалось допустить только в пределах местного оборота, стараясь «направить его в русло государственного капитализма»¹⁴. Следозательно речь идет все время о том, чтобы, меняя основу смычки пролетариата с крестьянством, переходя от военного союза к хозяйственному, от задач обороны к задачам мирного социалистического строительства, сохранить, закрепить и развить, но уже в новых условиях и поэтому иными методами то положение, которого мы добились в условиях военного коммунизма и которое заключалось в том, что легальная частная торговля в государственном обороте была уничтожена. Товарообмен как раз и являлся такой формой связи, которой достигалось: 1) недопущение частного торговца в государствен-

¹⁰ «Только сохранить остатки промышленности, чтобы не совсем разбежались рабочие, иметь армию — вот задача, которую мы себе ставим, и нельзя было решить ее никак иначе, как разверсткой без вознаграждения, потому что бумажные деньги конечно не вознаграждение» (Ленин, т. XXVI, стр. 301).

¹¹ Ленин, т. XXVI, стр. 298—299; см. также «Ленинский сборник» XX.

¹² Ленин, т. XXVI, стр. 370.

¹³ Там же, стр. 333.

¹⁴ Там же, стр. 334.

ный оборот, 2) удовлетворение в хозяйственном отношении крестьянства и 3) получение для восстановления и развития социалистической промышленности необходимых добавочных продуктов сельского хозяйства, следовательно достигалась цель укрепления хозяйственной смычки рабочего класса и крестьянства, усиления руководящей роли первого в этом союзе и развития социалистических форм производства.

Но «частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля»¹⁵.

Мы должны были задачи, которые мы хотели решить на основе товарообмена, решить на основе «государственного регулирования торговли и денежного обращения». «Лишь таким, — говорил Ленин, — еще более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь... Другого выхода нет, а между тем сознание необходимости этой экономической политики в нашей среде еще недостаточно отчетливо»¹⁶. И тогда же он разъяснял, что «овладеть торговлей, дать ей направление, поставить ее в известные рамки пролетарская государственная власть может»¹⁷.

Позже, в статье «О значении золота», Ленин, объясняя причины перехода от товарообмена к государственному регулированию торговли и денежного обращения, писал:

«Торговля есть единственная возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев с крупной промышленностью, е с л и... е с л и нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии, способной и по своей технической мощи и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде»¹⁸.

Когда Ленин говорил о товарообмене, он все время проводил мысль о том, что правильной политикой пролетариата по отношению к трудящемуся крестьянству является не продрозверстка, когда мы забираем у крестьянина в долг все излишки, а непосредственный обмен между городом и деревней, обмен продуктов сельского хозяйства на промтовары, обмен без помощи частного.

С того времени прошло много лет. Условия коренным образом изменились. Выросла социалистическая промышленность, вырос социалистический сектор не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Победили и укрепились позиции социалистического сектора в сфере обмена. Роль частного торговца сведена почти к нулю.

Как видим, условия иные, иными следовательно должны быть и содержание и форма обмена между промышленностью и сельским хозяйством. А вот это изменение условий как раз и игнорируют «левые» оппортунисты, доказывая этим, что они совершенно не понимают Ленина.

Ленин говорил о переходе от продрозверстки к товарообмену. «Левые» же говорят теперь о переходе от советской торговли последнего этапа нэпа к продуктообмену. Центр тяжести в высказываниях Ленина лежит в недопущении частной торговли в государственном масштабе, центр

¹⁵ Ленин, т. XXVII, стр. 68.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 83.

¹⁸ Там же. Об этом же Ленин говорил и на IX съезде советов, т. XXVII, стр. 124—126.

тяжести у «левых» фразеров — в уничтожении товарно-денежной формы.

Таким образом «левые» оппортунисты по ревизионистски понимают Ленина, не уяснили сути его теории. Поэтому и продуктообмен у них является совершенно иным, чем у Ленина.

Главное из того, о чем говорил Ленин, мы выполнили, хотя и не так, как предполагалось в самом начале нэпа, — не через переход от продразверсток к продуктообмену, а через государственное регулирование торговли и денежного обращения. Допустив известную свободу торговли, пролетариат Советского союза полностью восстановил разрушенную промышленность, создал новую, социалистическую промышленность, построил новые фабрики и заводы, производящие предметы широкого потребления и средства производства, в том числе и для сельского хозяйства создал новые электростанции и т. д. и т. п. Все более овладевая торговлей в ходе развития советской экономики, мы вытеснили из сферы товарооборота частного посредника, сведя его роль к нулю.

Благодаря этому не через переход к товарообмену (и продуктообмену), а через государственное регулирование торговли и денежного обращения мы добились того, что 1) продукты сельского хозяйства мы получаем от колхозников и единоличников-трудящихся крестьян в обмен на продукты промышленности и притом социалистической промышленности, 2) этот обмен происходит сейчас без посредничества, частного, через социалистическую товаропроводящую сеть, которая непосредственно связывает между собой социалистическую промышленность и социалистическое же в основном сельское хозяйство. По отношению к частнику-спекулянту задача сейчас сводится к тому, чтобы искоренить его полностью, без остатка, окончательно уничтожить частно-посреднический торговый оборот.

В таких условиях вся суть теории немедленного перехода к продуктообмену, выдвинутая «левыми» оппортунистами, сводится к требованию уничтожения товарно-денежной формы.

«Левые» оппортунисты при этом пытаются сослаться на Ленина. Но Ленин не только не заявляет о ненужности денег, но, наоборот, подчеркивает все значение денежного оборота.

«Это вопрос очень важный, — говорил он, — потому что оборот денежный — это такая штука, которая прекрасно проверяет удовлетворительность оборота страны, и когда этот оборот бывает неправильным, то получают из денег ненужные бумажки»¹⁹.

А в «Наказе от ЦК местным советским учреждениям», написанном в мае 1921 г., Ленин пишет:

«...Во-вторых, товарообмен есть проверка правильного взаимоотношения промышленности и земледелия, а равно фундамент по созданию сколько-нибудь правильно действующей денежной системы. На вопрос о товарообмене (включая сюда и продуктообмен) ... должно быть обращено теперь главное внимание всех экономистов, всех органов хозяйственного строительства»²⁰.

Таким образом Ленин не только не говорит о необходимости уничтожения денег, не только не противопоставляет товарообмен деньгам, но, наоборот, вопрос о «создании сколько-нибудь правильно действующей денежной системы» ставит в прямую зависимость от развития товарообмена. «Левым» оппортунистам до этого дела нет. Они так

¹⁹ Ленин, т. XXVI, стр. 243.

²⁰ Там же, стр. 370.

увлечены перспективой немедленного уничтожения денег, что не хотят ни минуты задерживаться для того, чтобы подумать над тем, что говорил Ленин по поводу товарообмена и денег в начале нэпа, и не хотят или не могут подумать над тем, что нового вносит современный этап развития советской экономики в вопрос о деньгах.

Мы имеем сейчас непосредственный обмен между социалистической промышленностью и в основном уже социалистическим земледелием, непосредственный потому, что этот обмен происходит между социалистической промышленностью и сельским хозяйством без помощи и участия частного посредника. Но этот обмен — не безденежный обмен, не обмен продукта прямо на продукт, а обмен, опосредствованный денежной формой. Государство и рабочие покупают у колхозников, колхозов и трудящихся единоличников сельскохозяйственные продукты за деньги. И за деньги же колхоз, единоличник покупают у государства продукты промышленности, завершая этим кругооборот денег. В 1919 г. Ленин говорил: «Еще до социалистической революции социалисты писали, что деньги отменить сразу нельзя, и мы своим опытом можем это подтвердить. Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги, а до тех пор приходится оставаться при равенстве на словах, в конституции и при том положении, когда каждый, имеющий деньги, имеет фактическое право на эксплуатацию»²¹. Условий, необходимых для уничтожения денег, мы еще не имеем. Но та сила денег, которая заключается в том, что обладание ими дает фактическое право на эксплуатацию, эта сила надорвана и чрезвычайно ограничена по сравнению с тем, что было в начале нэпа. Та специфическая двойственность советских денег, из которых вытекала возможность их использования капиталистическими элементами для развития сферы приложения капитала, для эксплуатации трудящихся, для своего обогащения и т. д., все более отходит в область прошлого.

В социалистическом обществе в конечном итоге место торговли, товара, денег займет прямое социалистическое распределение по «трудталонам». Но социалистическое общество не возникает сразу в законченном, отшлифованном виде, словно по мановению волшебного жезла. Маркс, Ленин и Сталин, показывая, как возникает и развивается социалистическое общество, подчеркивали не раз, что в нем на первых ступенях неизбежно наличие ряда явлений, созданных еще капиталистическим обществом и от которых социалистическое общество будет освобождаться и освободится только по мере своего развития.

«Буржуазная революция, — говорит т. Сталин, — завершается обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь ее началом, причем власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой».

Пролетариат СССР, захватив в свои руки власть, национализировав фабрики, заводы, банки, землю и т. д., не мог сразу, непосредственно в стране, где преобладало мелкокрестьянское хозяйство, перейти к социализму. Для перехода к социализму требовался целый ряд переходных мер, обеспечивающих рост социалистической промышленности, переделку мелкокрестьянского хозяйства в крупное социалистическое и ликвидацию остатков капитализма.

²¹ Ленин, т. XXIV, стр. 203.

Одной из таких мер являлось допущение известной свободы торговли. Это единственно разумная и возможная политика, ибо, имея в своих руках политическую власть, командные высоты в области промышленности, сельского хозяйства и торговли, пролетариат мог использовать и использует также и известную свободу торговли в интересах построения социалистического общества.

То же относится и к деньгам.

Эти методы используются пролетариатом и должны быть использованы им до тех пор и в тех пределах, пока они помогают выполнению задачи строительства социалистического общества. А помогают они до тех пор, пока в их существовании имеется необходимость и пока они не могут быть заменены другими, более лучшими методами социалистического строительства.

Попытки же ввести иную систему обмена и распределения, пока не изжита необходимость в советской торговле, неизбежно наносят жестокий удар социалистическому строительству.

Но если переход к продуктообмену невозможен сейчас, то будет ли он возможным и нужным в дальнейшем?

На этот вопрос можно ответить только анализом перспектив развития всего народного хозяйства и в первую очередь сельского хозяйства и самой торговли.

Перспективы развития сельского хозяйства освещены в директивах XVII партконференции к составлению второго пятилетнего плана:

«Осуществить завершение социалистической реконструкции с тем, чтобы машинно-тракторные станции охватили все колхозы и в основном завершили механизацию сельскохозяйственного производства. Задачи организационно-хозяйственного укрепления колхозов и социалистического перевоспитания колхозных масс должны стоять в центре внимания и во второй пятилетке».

В своем развитии колхозы будут все больше и больше сближаться с предприятиями последовательно социалистического типа.

Машинизация колхозов через МТС будет означать, что все большая и большая часть основных средств производства в колхозах будет собственностью государства.

А это означает, что как в городе, так и в деревне мы будем иметь все больше и больше одни и те же отношения в процессе производства, что как в городе, так и в деревне произведенный продукт будет принадлежать государству.

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов — предпосылка такого развития колхозов и обязательное условие его.

Но такое направление развития сельского хозяйства делает чрезвычайно мало вероятным, если не сказать невозможным, переход к безденежному «продуктообмену» как переходному этапу от советской торговли к прямому социалистическому распределению.

Продуктообмен предполагает наличие по крайней мере двух обменивающихся субъектов, владеющих на началах определенной формы собственности продуктами производства. Но их-то как раз и не будет. Средства производства будут принадлежать государству, продукты труда тоже. О каком же «продуктообмене» и обмене между кем может идти речь, поскольку тогда будут даны все предпосылки для перехода к прямому распределению?

Сопоставление всего вышесказанного с тем, что говорилось раньше о тенденциях развития торговли, дает полное основание для вывода: переход от современной торговли, т. е. от советской торговли, к пря-

тому социалистическому распределению лежит не через переход к «продуктообмену», а на пути непосредственного развития советской торговли в прямое социалистическое распределение.

Развертывая советскую торговлю, мы тем самым создаем (и по линии дальнейшего улучшения снабжения трудящихся города и деревни продуктами промышленности и сельского хозяйства и по линии увеличения социалистического накопления и мобилизации всех внутренних ресурсов народного хозяйства) необходимые условия для дальнейшего быстрого развития социалистических производительных сил во всем народном хозяйстве, ускоряем процесс переделки всего трудящегося населения в работников социалистического общества и, наконец, улучшаем работу самого товарораспределительного аппарата, ибо развертывания товарооборота невозможно добиться без ожесточенной борьбы со всякими проявлениями бюрократизма, косности, неповоротливости и с сопротивлением развертыванию советской торговли со стороны правого и «левого» оппортунизма. Борясь за развертывание торговли, пролетариат под руководством партии разоблачает и выгоняет из торгово-распределительного аппарата все элементы, тормозящие успешный ход выполнения, поставленной задачи, выдвигает новые кадры, которые в процессе борьбы за развертывание торговли, против оппортунистов обоих лагерей — правого и «левого» — и бюрократов закалятся и научатся торговать действительно по-советски.

Тем самым создаются предпосылки к тому, что торговля в будущем перерастет в прямое социалистическое распределение.

Таким образом и для перехода к более высокой системе распределения средств потребления путь тот же самый — не суживание товарооборота, не переход к продуктообмену, а разв е р т ы в а н и е советской торговли.

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ В РОССИИ 90-х и 900-х годов *.

(К экономическому учению „легального марксизма“). Окончание).

В настоящей статье мы займемся анализом последнего этапа эволюции взглядов С. Булгакова в 90-х годах на проблему стоимости и цен производства, последнего этапа его «логического романа» с этой проблемой. С формальной стороны, считает Булгаков, между первым и третьим томами «Капитала» существует явное противоречие. Однако, спрашивает Булгаков, «...возможна ли такая точка зрения, с которой противоречия эти не существуют, или, лучше сказать, являются не л о г и ч е с к и м и противоречиями, а п о с л е д о в а т е л ь н ы м и моментами развития одного высшего понятия? Точнее: если сам Маркс признал несоответствие трудовой теории ценности современной действительности, следует ли отсюда, что не годится и сама теория? Из несоответствия индивидуальной прибыли капиталиста количеству производимой им прибавочной ценности следует ли, что теория прибавочной ценности не имеет научного значения? Отвечая на эти оба вопроса отрицательно, я утверждаю, что трудовая теория ценности и связанная с ней теория прибавочной ценности не только не должны быть отвергнуты, но составляют е д и н с т в е н н о возможное и совершенно необходимое средство научного понимания экономических явлений»¹.

Уже сама постановка вопроса не предвещает ничего плодотворного. Маркс, по Булгакову, признавал несоответствие теории стоимости с фактами капиталистической действительности. Это пишется о Марксе, который в стоимости видел закон движения капиталистического способа производства, который, на всех стадиях своего исследования констатируя мнимый характер противоречия данного этапа исследования с законом стоимости, доводил предположки этого кажущегося противоречия до их логического завершения и вместе с тем неустанно подчеркивал, что если отказать от закона стоимости, то исчезнет всякая рациональная основа для изучения капитализма. С другой стороны, утверждает Булгаков, факт несоответствия стоимости и прибавочной стоимости не устраняет их научного значения. Булгаков в сущности отводит этим категориям в стиле Зомбарта роль вспомогательных средств мышления экономиста-исследователя, желающего осознать мир хозяйственных явлений.

Для разрешения поставленного им вопроса о возможности рассматривать категории «Капитала» как последовательные моменты развития одного высшего понятия, о возможности такой точки зрения, с которой противоречия между первым и третьим томами «Капитала» устраняются, Булгаков переходит к анализу стоимости, — предварительно проанализировав объект и задачи политической экономии. Зрелище для богов! Сам Маркс, по Булгакову, указывает на явное противоречие первого и третьего томов «Капитала». Булгаков однако считает себя призванным устранить это противоречие и вместо противоречивости тех или иных категорий показать их примиримость в высшем синтезе.

Итак, в целях примирения «несоответствия» первого и третьего томов «Капитала» Булгаков предварительно переходит к анализу объекта политической экономии. Булгаков прежде всего останавливается на анализе тех признаков, на основании которых «мы выделяем известные явления как экономические и делаем из них самостоятельный объект, изучаемый отдельной наукой, и для него устанавливаем особую закономерность»².

Таких признаков Булгаков насчитывает два: о б щ и й, характеризующий политическую экономию как социальную науку, и с п е ц и а л ь н ы й, характеризующий политическую экономию как особую отрасль общей социальной науки. Общая социальная наука, или социология, изучает общественные отношения людей, понимаемые в самом широком смысле. «Социология... — пишет С. Булгаков, — должна являться высшей инстанцией, в которой определялся бы, так сказать, удельный вес положений отдельных

* См. «Проблемы экономики» № 7 за 1932 г.

¹ Булгаков, О некоторых основных понятиях политической экономии. 1. Ценность, «Научное обозрение» № 2 за 1898 г. стр. 333.

² Там же, стр. 334.

социальных наук и давался бы высший синтез этих положений, имеющий приложимость к жизни общества в его целом. С другой стороны, это высшая критическая инстанция, где определяются как научные права самой социологии, так приложимость и значение употребляемых и самой социологией и отдельными ее дисциплинами научных понятий». Общий объект политической экономии тот же, что и у социологии: общечеловеческие отношения людей. Но вопрос заключается в том, каковы же эти отношения? Действительным содержанием политической экономии как исторической науки является и меняющееся в ходе исторического развития общественное сочетание труда, та или иная его общественная организация. «...Специальной задачей теоретической экономии, — пишет Булгаков, — является и учение типов и закономерностей исторически данных и исторически меняющихся общественных отношений людей, которые возникают на почве общественного труда, направленного на удовлетворение материальных потребностей, следовательно на основе потребительных стоимостей»³. «Политическая экономия есть историческая наука в том смысле, что она есть наука об историческом». Исходя из этого определения, С. Булгаков устанавливает конститутивный признак экономической явления. «Всякое экономическое явление, — пишет С. Булгаков, — есть общественное отношение людей между собою, возникающее на почве их совместного труда, короче — та или другая форма общественного труда, еще короче — общественное сочетание производительного труда»⁴. С. Булгаков различает экономическую теорию и экономическую историю, которые он называет отделами политической экономии и между научными задачами и способом и учения которых существует принципиальное различие. Если экономическая история, полагает С. Булгаков, и учающая частное и индивидуальное, имеющая своей задачей установление событий, по самому объекту своему исключает возможность установления типов и закономерностей, то экономическая теория стремится к установлению именно этих закономерностей и поэтому она отвлекается от всего индивидуального. «Исторический закон, — пишет С. Булгаков, — есть contradiction in adjecto и в переводе на простую логический язык: значит единообразное различие, неиндивидуальная индивидуальность. Лишь сводя индивидуальное к социальному, особенно к общему, социология и экономическая теория могут установить свои законы. Но этот различный способ и учения ничего конечно не изменяет в общем объекте и учения, которым является человеческая история»⁵.

Иложенные нами рассуждения Булгакова, облаченные в марксистский наряд, характерны у него отделив выраженными чертами неокантовской методологии. Прежде всего — классификация наук. Булгаков классифицирует науки с «точкой зрения» исследователя. Отдельные общественные науки Булгаков классифицирует таким образом, что общественные отношения людей в широком смысле слова рассматриваются им под углом зрения различий приращений, выдвигаемых исследователем. Такой подход к проблеме классификации наук не имеет ничего общего с марксистом. По Марксу: всякая наука, задача которой заключается в том, «чтобы виднись, выступающее на поверхности явлений движение свести к действительному внутреннему движению»⁶, имеет дело с закономерностями, которые соответствуют специфическим формам движения. «Классификация наук, — писал Энгельс, — и которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собою и переходящих друг в друга форм движения, является также классификацией, иерархией согласно присущему им порядку самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение»⁷.

Таким образом Энгельс говорит о различных формах движения и о иерархии наук соответствующих этим различным формам движения, о иерархии наук, имеющих свой специфический объект. Черты различия между Булгаковым и Энгельсом очевидны. Булгаков строит идеалистическую классификацию наук, так как он, в духе Виндельбанда и Риккерта, выдвигает в качестве конститутивного признака научных дисциплин субъективистический момент — подход, точку зрения исследования. Энгельс же в основу классификации наук кладет объективный, материалистический признак — различие форм движения материи.

Далее. Политическая экономия и социология имеют, говорит Булгаков, один и тот же объект — общественные отношения людей. Характерной чертой социологии, по Булгакову, как мы видели, является ее синтетичность. Она не является частной наукой, как политическая экономия, наука о праве и т. д., — она обобщает данные специальных наук, она дает, как он пишет, «высший синтез» положений, выдвинутых отдельными общест-

³ С. Булгаков, «О некоторых основных понятиях политической экономии». 1. Ценность, «Научное обозрение» № 2 за 1898 г., стр. 334.

⁴ Там же, стр. 336.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Маркс, Капитал, т. III.

⁸ Энгельс, Диалектика природы.

венными науками, она вместе с тем «высшая критическая инстанция» частных общественных наук. Таким образом социология, по Булгакову, является общей наукой об обществе, которая, с одной стороны, является исходным пунктом частных социальных наук, ибо она улавляет им на их объект и методы, с другой стороны, «заключительным их итогом, так как она на основе их данных строит свой собственный «высший синтез». Правильна ли эта точка зрения? Конечно нет. Социология, или исторический материализм, опирается на развитие отдельных наук, ее положения проверяются развитием отдельных частных наук. Но путем синтеза частных наук мы не получим науки, которая имеет своим объектом и учение логики общественного развития. Точка зрения Булгакова сводится к непониманию роли социологии как метода. Философия, или диалектический материализм, представляет собой науку об общих законах развития природы, общества и мышления. В результате применения материалистической диалектики к историческому процессу мы получаем новую науку — социологию, или исторический материализм, которая является логикой общественного исторического процесса. В результате применения исторического материализма к конкретной области общественных явлений его категории конкретизируются, приобретают своеобразный смысл и значение, и таким образом исторический материализм в отношении каждой науки является не чем иным, как методом: исторический материализм превращается в методологию общественных наук. Следовательно исторический материализм является критической и революционной методологией исследования общественных явлений, является наукой, отображающей общественный процесс развития, «реальное движение», которое Маркс и Энгельс называли научным коммунистическим процессом. Исторический материализм является единством метода и науки.

По вопросу о предмете политической экономии Булгаков, как мы видели, утверждает, что задача политической экономии — и учение закономерностей исторически и меняющихся общественных отношений людей, которые возникают на почве общественного труда. Определение Булгакова бессодержательно, ибо оно с таким же успехом может быть применено не только к политической экономии, но и к праву. В то время как Маркс говорит о совокупности производственных отношений данного общества, образующей его экономическую структуру, Булгаков пишет об общественных отношениях. Для Маркса и Энгельса понятие «общественных отношений» шире понятия «производственных отношений». Про теорию Маркса Ленин писал: «Она выработала понятие общественно-экономической формации. В явном исходный пункт основной для всякого человеческого общества факт — способ добывания средств к жизни, она поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений (производственных отношений, по терминологии Маркса) указала ту основу общества, которая облекается политико-юридическими формами и вестными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»⁹. Ленин здесь подчеркивает, с одной стороны, что марксистское определение общества как «совокупности производственных отношений» представляет собой всеобщее понятие, распространяющееся на все общественные формации, с другой стороны, что это общее понятие конкретизируется в ходе исторического процесса. Точка же зрения Булгакова не дает ответа на вопрос, о каких общественных отношениях идет речь в политической экономии, у Булгакова нет понятия общественно-экономической формации как системы производственных отношений. Далее, Булгаков видит задачу политической экономии в изучении закономерностей исторически и меняющихся общественных отношений. Конечно задача всякой науки, в том числе и политической экономии, заключается в отыскании закономерностей специфической формы движения. Задача всякой науки заключается в том, чтобы единичное извлекать из его единичности и переводить в его всеобщее. А формой всеобщности является закон. «Действительно, всякое реальное, исчерпывающее понятие, — писал Энгельс, — заключается лишь в том, что мы в мыслях ивлекаем единичное из его единичности и переводим его в особенность, а из этой последней во всеобщность, заключается в том, что мы находим бесконечное в конечном, вечное в преходящем. Формой всеобщности в природе является закон»¹⁰. Теоретическое понятие должно охватить объект в его восторонних отношениях, в его противоречивом движении, причем практика является критерием объективности понятия, критерием понятия объективной реальности.

Как писал Ленин, «мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит, если оно правильно... от истины, а подходит к ней. Абстракция материализма, закона природы, абстракция стихии и т. д., одним словом, в ее научные (правильные, серьезные, не в дорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»¹¹.

Булгаков однако не признает объективного характера закономерности; он дает кан-

⁹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 72.

¹⁰ Энгельс, Диалектика природы.

¹¹ «Ленинский сборник» IX, стр. 183—184.

«ианскую трактовку этой проблемы. У Булгакова мы встречаем идеалистическую интерпретацию категории «закона».

Идеалистическая точка зрения Булгакова на категорию «закона» чрезвычайно ярко представлена в его лекции «Классическая школа и историко-этическое направление»¹², прочитанной почти одновременно с появлением его статей в «Научном обозрении» (1898 г.). Булгаков говорит: «...Абстракция... в том и состоит, что из всей массы впечатлений, получаемых нами из внешнего и внутреннего опыта, мы и бираем предметом своего внимания не все, а некоторые, насильственно отвлекаем (абстрагируем) их из всего пестрого моря восприятий и обрааем таким образом предмет и учения. Для всех, прикосновенных к критике познания Канта, ясно, что таков вообще путь человеческого знания, что не предметы как особые реальные субстанции даны нам в опыте (как это полагают наивный позитивизм и метафизический реализм), но мы сами обрааем предметы из хаоса впечатлений. Относительно этих объектов и учения устанавливаются затем «законы». В этом смысле справедливы слова великого Канта: «Ра ум почерпает свои законы не из природы, а сам предписывает их природе»¹³. Таким образом, по Булгакову, «закон» отнюдь не является формой связи, страженным в нашем мышлении тех объективных процессов, которые существуют и разворачиваются вне нашего сознания в самой действительности, наоборот, по Булгакову, законы предписываются нашим разумом этой действительности, законы являются построениями исследователя, желающего внести правильность, порядок в многогранный, красочный, хаотичный мир действительности.

Субъективистическая идеалистическая точка зрения Булгакова на природу закона диаметрально противоположна материалистическому воззрению на эту категорию, что «закон есть прочное, остающееся в явлении», что «закон — спокойное отражение явлений», что «закон есть существенное в явлении»¹⁴, что «законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека»¹⁵. Кроме указанного нами идеалистической трактовки экономических законов на определении предмета политической экономики у Булгакова лежит печать буржуазного объективизма. Если Булгаков и говорит об историческом характере капитализма, то он рассматривает капитализм как плавный, эволюционный, отнюдь не противоречивый процесс, он в развитии капитализма не включает момента его необходимой гибели, революционного, насильственного преобразования в высшую гармоничную форму, где социальная эволюция перестанет сопровождаться политическими революциями.

А между тем «прямая» задача науки, по Марксу, дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно предвидеть эту борьбу как продукт определенной системы производственных отношений, суметь понять необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития»¹⁶.

«Настоящая наука политической экономики, — писал Маркс, — кончается тем, что рассматривает буржуазные производственные отношения только как исторические отношения, которые ведут к высшим отношениям, где исчезают антагонизм, на котором основано капиталистическое общество»¹⁷.

Буржуазный публицист Сергей Булгаков, рядившийся в 90-х годах в тогу сторонника Маркса, видный представитель «легального марксизма» — общественно-политического течения, стремившегося вооружить буржуазную теорию, которая освещала бы ее практику выкорчевывания отживших хозяйственных форм и строительства полнокровного капиталистического хозяйства, идеолог такого социально-политического течения естественно не мог дать такого определения объекта политической экономики, которое включало бы необходимость его гибели, ибо, как писал Маркс, если понята связь вещей, то рушится всякая теоретическая вера в постоянную необходимость существующих производственных отношений, рушится ранее того, чем они погибают на практике»¹⁸.

¹² «Новое слово» № 1 за октябрь 1897 г., стр. 39—53.

¹³ С. Булгаков, Классическая школа и историко-этическое направление. («Новое слово» № 1 за 1897 г., стр. 47). В одном из примечаний к этой статье Булгаков пишет: «Во избежание недоразумения считаю нужным заметить здесь, что я вовсе не считаю материалистическое понимание истории окончательно выработанным и законченным; скорее это несколько гениальных идей, которые оплодотворили социальную науку, но которые необходимо нуждаются в дальнейшем развитии и точнейшем формулировании» (стр. 45).

¹⁴ «Ленинский сборник» IX, стр. 147.

¹⁵ Там же, стр. 205.

¹⁶ Ленин, т. I, стр. 233.

¹⁷ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 334.

¹⁸ В 1902 г. в статье «Основные проблемы теории прогресса» С. Булгаков уже прямо заявляет, что учение о классовой борьбе является «буржуазным» учением. «Вполне буржуазным и потому гедонистическим характером отличается одно современное учение, исходящее из лагеря тех, кто считал себя наибольшими и притом принципиальными врагами буржуазии. Мы разумеем знаменитое учение о классовых интересах и классовой борьбе, классовом эгоизме и классовой солидарности, если рассматривать классовую борьбу не как случайное историческое средство для достижения высшей этической цели,

В заключение остановимся на ра границении, которое Булгаков проводит между экономической теорией и экономической историей, которые он рассматривает как специальные отделы политической экономии. Как мы видели, по Булгакову, экономическая история и учит лишь особенное, частное, индивидуальное, устанавливает лишь события. Для этой науки исключена какая бы то ни было возможность установления типов и закономерностей, ибо исторический закон — это *contradictio in adjecto*. Лишь экономическая теория стремится к установлению специфических закономерностей, лишь социология и экономическая теория сводят индивидуальное к социальному, особенное к общему. Рассуждения Булгакова целиком воспринимая ведут деление наук на естественные и исторические науки у Риккерта. По Риккерту, вследствие экстенсивного и интенсивного многообразия явлений природы нельзя я по нать окружающий нас мир в целом как совокупность единичных явлений. Отсюда — генерализующий метод естественных наук, который достигает образа ования : аконов природы путем упрощения данных чувственного опыта, путем по нания того, что повторяется во множестве явлений, путем выделения общего. Естественно-научному, генерализующему методу Риккерт противопоставляет метод индивидуализирующий, который лежит в основании исторических наук, который стремится к по нанию особенных, неповторимых, индивидуальных явлений действительности. «Все то, что сообщают нам о процессах в определенных пунктах пространства и времени, мы на ываем историей, и поэтому, если должна существовать наука об этих процессах, она должна будет на ываться исторической наукой... История может пытаться и ображать действительность не таким обра ом, чтобы при этом имелось в виду о б щ е е, но лишь таким обра ом, что при этом имеется в виду ч а с т н о е, так как лишь частное действительно происходит»¹⁹. У Виндельбанда, другого видного представителя неокантианства, это ра граничение наук на теоретические и исторические представлено в еще более отчетливой и расчлененной форме. «Опытные науки, — пишет Виндельбанд, — ищут в по нании реального мира либо общее, в форме : а: она природы, либо единичное, в его исторически обусловленной форме; они исследуют, с одной стороны, не меньшую форму реальных событий, с другой — их однократное, в себе самое определенное содержание. Одни и них суть науки о аконах, другие — науки о событиях; первые учат тому, что всегда имеет место, последние — тому, что однажды было. Научное мышление... в первом случае есть н о м е т н о е с к о е мышление, во втором — мышление и д и о г р а ф и ч е с к о е»²⁰. Таким обра ом истоки ра граничения, проводимого Булгаковым между экономической теорией и экономической историей, очевидны. Булгаков стоит целиком на неокантианских по наниях, на по наниях Риккерта и Виндельбанда²¹. Не говоря уже о том, что по Риккерту и Виндельбанду критерий ра личия между науками и критерием истинности понятий находится не в самой объективной действительности, не в человеческой практике, но и лежит в по нании субъекте, в ра личии тех целей, которые человек ставит перед собой в ра личных науках, — основная их методологическая ошибка : аключается в непонимании мира явлений как диалектического единства общего и единичного, в непонимании того обстоятельства, что общее и единичное не могут быть противопоставлены друг другу и что любая наука имеет дело с общим и единичным в их нера рывном единстве.

В наши дни продолжателем неокантианской методологии «легального марксизма» является Рубин.

Как ставит проблему классификации наук Рубин? Как и вестно, Рубин выдвигал необходимость наличия двух наук: науки об общественной технике, которая должна и учать прои водительные силы общества в их в аимодействии с прои водственными отношениями людей, и политической экономии, которая и учает капиталистические прои водственные отношения в их в аимодействии с прои водительными силами. Рубин, выдвигая определение политической экономии как науки, и учающей прои водственные от-

а как вполне самостоятельный этический принцип. Классовая борьба является формой отстаивания своих прав на участие в благах жизни. При распределении этих благ есть обделенные и обделившие... но с этической точки : рения обе борющиеся партии равны между собой, поскольку ими руководит не этический и религиозный энтузиазм, а чисто эгоистические цели. Очевидно, что на голом классовом интересе можно воспитать новую буржуазию, но нельзя основать великого исторического движения. Конечно величайшее движение современности никогда всецело не основывалось и не могло быть основано на этом принципе классовой борьбы, а всегда было выше этого принципа. Во всяком случае можно ска ать, что степень торжества этого принципа обратно пропорциональна этической высоте движения, и полное его торжество способно было бы уронить его до полной буржуазности» (С. Бу л г а к о в, Основные проблемы теории прогресса, стр. 25-26, сб. «Проблемы идеализма»).

¹⁹ Г. Р и к к е р т, Границы естественно-научного образования понятий, СПб 1904 г., стр. 220.

²⁰ В. В и н д е л ь б а н д, Прелюдии, СПб 1904 г., стр. 320.

²¹ В своей дальнейшей эволюции к идеализму Булгаков идет дальше Риккерта, так как он считает, что всякая наука, не только науки исторические, определяется через «отнесение к ценности». «...Предмет всякой науки, — писал Булгаков, — определяется через:

ношения людей в их взаимодействии с производительными силами, спрашивает: «...Но значит ли это, что мы тем самым делаем производительные силы непосредственным предметом нашего изучения в политической экономии? Никким образом, — и всякий человек, знакомый с элементарными принципами классификации наук, без труда поймет это. Различные науки изучают различные стороны единой реальной действительности. Различные общественные науки изучают различные стороны жизни общества. При неразрывной связи и взаимодействии различных сторон жизни общества различные общественные науки для объяснения и изучения ими явлений вынуждены апеллировать к другим явлениям, находящимся в тесной связи с первыми явлениями в качестве их причин и следствий. Но этим нисколько не отрицается во возможность существования отдельных, более или менее самостоятельных наук, изучающих различные стороны жизни общества»²².

Мы не будем останавливаться на идеалистической трактовке производственных отношений у Рубина, мы не будем также брать его за границе науки об общественной технике и политической экономии, — нам в данной связи важно подчеркнуть, что Рубин трактует проблему классификации наук по неокантовски, выдвигая субъективный критерий — точку зрения исследователя, конституирующую объект науки в зависимости от тех или иных познавательных целей. Под этим углом зрения он проводит разграничение между политической экономией и общественной техникой и историческим материализмом. Метод Маркса Рубин трактует субъективистически, не как аналог действительности, а как точку зрения, исследователем привнесенную в эту действительность. Маркс, по Рубину, является творцом социологического метода, который противоположен абстрактному методу классиков.

«Мы полагаем, — пишет Рубин, — что указание на абстрактный метод является конечно необходимым, но далеко не достаточным для характеристики метода Маркса и не то имел последний в виду, противопоставляя внутреннюю связь явления внешней. Абстрактный метод общ Марксу со многими его предшественниками, включая Рикардо. Нисключительно его заслугой является внесение в политическую экономию метода социологического, усматривающего в вещных категориях выражение производственных отношений и людей»²³.

И в другом месте: «Тот новый социологический метод, который Маркс внес в политическую экономию, заключается в последовательном приведении различия между производительными силами и производственными отношениями, материальным процессом производства и его общественной формой, процессом труда и процессом образования стоимости»²⁴.

Таким образом, по Рубину, для Маркса отнюдь не характерно наличие единого метода материалистической диалектики, который является универсальным методом познания и изучения природы и общества, — для изучения экономических явлений Маркс и берет метод социологический, своеобразную точку зрения исследования, которая устанавливает различия между учением Маркса и классиков. О наличии двух методов у Маркса Рубин в одном месте прямо заявляет: «Потребительная стоимость и стоимость — это не два различных свойства вещи, как думает Бем-Баверк. Противоположность между ними вытекает из противоположности между методом естественно-научным, и изучающим товар как вещь, и методом социологическим, изучающим общественные производственные отношения, «сравненные с вещью»²⁵.

Здесь Рубин совершенно отчетливо обнажает неокантовскую природу своей методологии. Итак, Рубин в своей классификации наук, в определении метода Маркса, в своем противопоставлении естественно-научного метода и социологического метода последовательно, «строго выдержанно» проводит буржуазно-апологетическую идеологию неокан-

«отношение к ценности». Вся наука практична, и потому «исторична». Поэтому мы признаем остроумную классификацию наук Риккерта на исторические и естественно-научные не достигающей цели. Абстрагирующий и индивидуализирующий методы как моменты имеются налицо во всякой науке, и их ясное логическое различие составляет бесспорную заслугу Риккерта. Но разделять их на основании этого разделения вызывает классификацию наук не имеет смысла, ни к чему не ведет. Для самого Риккерта это интересно потому, что открывает перспективы для его телеологического критерия ма с понятием «культуры» (маска прагматизма), и с пониманием природы это различие более запутывает, чем выясняет. Повторяем, всякая наука порождается интересом и конституируется через «отношение к ценности» (что Риккерт считает лишь особенностью наук исторического характера в смысле Риккерта (С. Булгаков, Философия хозяйства, ч. 1, «Мир как хозяйство», Москва 1912 г., стр. 175—176).

²² И. Рубин. Очерки по теории стоимости Маркса, изд. 4-е, Гиз, 1929 г., стр. 307; ра. ядка моя.

²³ Там же, стр. 27.

²⁴ Там же, стр. 31.

²⁵ Там же, стр. 28.

тианства. С такой методологией конечно трудно охотиться на «ирезанной почве спекулятивного мышления», с такой методологией конечно трудно анализировать внутренние противоречия капиталистического способа производства²⁶.

Не избежал субъективистических тенденций в трактовке классификации наук, проблемы метода и Бухарин. По Бухарину, объект научного познания конструируется исследователем, который анализирует единый, целостный общественный процесс с определенной точки зрения и путем научной абстракции рассекает сложное единство исторического процесса на составные части. Бухарин пишет: «Жизненный процесс человеческого общества есть единый поток; в действительности есть только одна история, а не различные истории хозяйства, истории права, истории морали и т. д. Только научная абстракция рассекает единую жизнь на части, искусственно выделяя различные роды явлений, группируя их по известным признакам»²⁷. И дальше: «Наука, вообще говоря,— пишет Бухарин,— может ставить себе две цели. Или она занимается описанием того, что было или есть в определенное время в определенном месте, или же она старается вывести законы явлений, которые всегда укладываются в формулу, если имеется А. В. С. то необходимо выступает Д. В первом случае наука носит и л и о г р а ф и ч е с к и й, во втором — и с м о г р а ф и ч е с к и й характер. Ясно, что теория политической экономии принадлежит ко второму типу наук; она выдвигает на первый план историко-географические задачи познания»²⁸. Бухарин свое разграничение наук заимствует у буржуазного статистика А. А. Чупрова, которое является несколько видоизмененной формой деления наук, предложенного Риккертом и Вилдельбаном. Таким образом Бухарин в трактовке классификации наук скатывается на неокантианские позиции. Вообще для Бухарина характерен субъективизм в трактовке марксовской методологии. Так например, в предисловии к «Экономике переходного периода» Бухарин писал, что «путеводной нитью для автора был метод Маркса, метод, по которому ценность которого только теперь стала во весь свой гигантский рост»²⁹. На это Ленин замечает: «Только понавальная ценность? а не объективный мир отражающая? — «стыдливый агностицизм!»³⁰. Вернемся к Булгакову.

После предварительного анализа вопроса о предмете политической экономии Булгаков переходит к рассмотрению понятия стоимости. «Коммерческому» пониманию стоимости, которое рассматривало стоимость как и вестие меновое отношение товаров, как масштаб меновых пропорций, Булгаков противопоставляет трактовку стоимости как общественного отношения. По Булгакову, стоимость не есть только правило обмена, она есть определенное общественное отношение, из которого и вытекает ее значение как правила обмена. «Содержание общественного отношения, которое объемлется понятием ценности, состоит в том, что производители... входят между собою в общественные отношения... через посредство продуктов своего труда, вещей. Таким образом в отношении вещей, которые выражаются в меновых пропорциях, скрыто или материально овано определенное общественное отношение производителей. «Меновая ценность есть взаимное отношение лиц», хотя и «прикрытое вещественной оболочкой»³¹.

²⁶ В своем отрицании объективности диалектики Рубин идет как по стопам «легальных марксистов», продолжая тем самым традиции русской буржуазной экономической мысли, так и зарубежных идеологов II Интернационала. Рабирая вопрос о применении диалектики к общественным наукам. Гильфердинг писал: «Это приложение метода можно в первую голову найти не там, где его обыкновенно ищут; не в и ображении реальных классовых противоречий и в открытии противоречия между социально-исторической ограниченностью капиталистического способа производства и общественной потребностью, носителем которой является пролетариат и которая направлена к овладению производителями силами, вошедшими в капиталистической организации, но все более перерастающими ее. Это приложение метода скорее выполняет свою специфически логическую роль в способе образования и и ложения логических понятий».

Отметим также, что точка зрения Рубина о методологическом дуализме Маркса весьма близка к аналогичным воззрениям Петри. «...В теории стоимости, — говорит Петри, — ведут борьбу, с одной стороны, естественно-научный метод, воспринятый от Рикардо как дальнейшее развитие его мыслей, метод, который сводится к причинному — в смысле естественных законов — объяснению явлений цены и стоимости, а с другой — стоящая в противоречии к Рикардо культурно-научная тенденция, которая стремится анализировать явления цены и стоимости в их социальном содержании и тем самым внести исследование «общественности» точку зрения» (Петри, Социальное содержание теории стоимости Маркса). Вообще «оригинальная», социал-фашистская в русском варианте концепция Рубина является своеобразным синтезом «легального марксизма» (Булгаков), германского социал-фашизма (Гильфердинг) и «социального направления» (Штольцман, Петри).

²⁷ Н. Бухарин, Политическая экономия рантье, изд. 2 е, 1929 г., стр. 13.

²⁸ Там же, стр. 31.

²⁹ Н. Бухарин, Экономика переходного периода, Гиз, 1920 г., стр. 6.

³⁰ «Ленинский сборник».

³¹ С. Булгаков, О некоторых основных понятиях политической экономии. т. I. Ценность, «Научное обозрение» № 2 за 1898 г., стр. 338.

Для более обстоятельного разъяснения сущности стоимостного отношения С. Булгаков прибегает к исторической параллели. При натуральном хозяйстве, которое исторически предшествует и логически противоположно товарному производству, «распределение труда, — пишет Булгаков, — по разным отраслям производства не вызывает никаких специальных общественных отношений между производителями, это распределение есть дело, так сказать, домашней экономии, простого домохозяйства, адекватной теорией для которого мог бы явиться такой труд, как Домострой»³².

Таким образом, по Булгакову, в условиях натурального хозяйства нет места производственным отношениям, — там речь ляжет итти лишь о «домашней экономии», о Домострое. Иная картина наблюдается в товарном производстве, где «равно самостоятельны все... производители, где «труд каждого и н д и в и д у а л ь н о г о производителя считается о б щ е с т в е н н ы м трудом, точнее, частью всего общественного труда и в этом качестве р а з н ы м всякой другой части»³³. Таким образом, по Булгакову, стоимость тесно связана с товарным производством. Явления товарного обмена, полагает Булгаков, «являются постольку экономическими, поскольку в них выражается общественное соединение труда. В этом смысле т р у д о в а я теория ценности — если пока понимать под ней и учение в меновых пропорциях общественного соединения труда — должна быть принята уже априори и есть только частный случай и учения общественных отношений с определенной экономической точки зрения, случай конституирования экономических явлений. Она есть необходимый рекви з и т э к о н о м и ч е с к о г о познания. На экономическом языке ц е н н о с т ь и т р у д о в а я ц е н н о с т ь — синонимы»³⁴.

Как мы видим, у Булгакова буквально на одной стороне о ужинаются две противоположных точки зрения. С одной стороны, стоимость объявляется производственным отношением, опосредствованным в вещной форме, т. е. объективной реальностью, с другой стороны, она трактуется лишь как орудие познания, как мыслительная категория, как вспомогательное средство нашего мышления. В теории стоимости Маркса Булгаков отводит главную, основную роль форме стоимости. «Мне приходилось уже ука з ы в а т ь ³⁵, что в марксовом анализе ценности как сторонниками, так и противниками учения Маркса совершенно игнорировалась до сих пор самая ценная и самая важная часть этого анализа — формы ценности. Зомбарт со дал даже целую интерпретацию учения о ценности, основанную на игнорировании этого учения. Сам же Маркс прилавл — и это вполне естественно — наибольшее значение именно этой части своего анализа и в этом смысле противопоставлял себя предшествовавшим сторонникам трудовой теории ценности, именно представителям классической политической экономии»³⁶. Классики, полагает Булгаков, видели в стоимости только меновое отношение, отнюдь не общественное отношение, в соответствии с этим они проглядели форму стоимости. Игнорирование классической школой формы стоимости, по Булгакову, «объясняется отсутствием у ее представителей эволюционной точки зрения, благодаря которому исторически возникшие общественные отношения и соответствующие им категории рассматривались ею как неизменные и следовательно сами собою разумеющиеся»³⁷. Однако, если Булгаков рассматривает стоимость и форму стоимости как исторические категории, то потребительная стоимость и конкретный труд, ее со дающей, трактуются им как категории не исторические, присущие любой исторической эпохе. «Наличность труда; — пишет Булгаков, — направленного на и:готовление полезных для человека предметов, или, говоря техническим термином, потребительных ценностей, наличие в этом смысле п р о и з в о д и т е л ь н о г о труда сама собою подра умевается относительно любой исторической эпохи»³⁸. Таким образом в противоположность стоимости и форме стоимости, которые являются экономическими категориями, Булгаков объявляет потребительную стоимость техническим термином. Итак, по Булгакову, трудовая теория стоимости Маркса должна быть принята априори, если понимать под этой теорией изучение в меновых пропорциях общественного соединения труда. Однако, полагает Булгаков, для анализа трудовой теории стоимости недостаточно констатирования ее априорности, необходима ее проверка на данных опыта.

По Булгакову, «мало для развития трудовой теории этого простого указания на ее априорность, нужно апостериорное сличение ее с данными опыта, нужно также исследование судеб этой трудовой ценности в данных опыта; с другой стороны, нужно более точно формулировать самое содержание этой трудовой теории, как она представляется в опыте

³² С. Булгаков, О некоторых основных понятиях политической экономии, 1. Ценность, «Научное обозрение» № 2 за 1898 г., стр. 333.

³³ Там же, стр. 339.

³⁴ Там же.

³⁵ Здесь Булгаков ссылается на разобранную нами выше его статью против Зомбарта, где он писал: «...если понятие эволюции составляет центр историко-философской системы Маркса, то в центре его экономической системы лежит понятие формы ценности, формы товара».

³⁶ С. Булгаков, О некоторых основных понятиях политической экономии. 1. Ценность, «Научное обозрение» № 2 за 1898 г., стр. 337.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 335.

и отсюда должна представиться в системе логических понятий»³⁹. Вторая задача, по Булгакову, сводится к объективно-логическому анализу общественного отношения стоимости, реультаты которого должны быть зарегистрированы в системе научных понятий. Первая же задача, по Булгакову, это исследование исторических судеб стоимости и ее модификаций, которые она претерпевает в связи с возникновением капитала. Ра решение этих двух задач и посвящено дальнейшее положение Булгакова.

Ра решая вторую поставленную перед собой задачу, Булгаков в трудовой теории стоимости выделяет ряд основных пунктов, которые подвергались критике и к торые были предметом оживленной полемики. Сои меримость ра личных видов труда: «Ра личные виды труда как поле ной работы,— пишет Булгаков,— могут быть соизмеримы только как абстрактный труд, труд, лишенный своего определенного поле ного вида и сводящийся к затрате нервной, мускульной и мо говой энергии... Прои водители относятся друг к другу через посредство товаров или вещей, меняются продуктами своего труда... Эти различные виды труда... приравниваются друг к другу... Будучи ра личны по своей поле ной форме, эти виды труда друг к другу приравниваться не могут, фактически не приходясь к абстрактному труду как единственно во возможной (т. е. мыслимой, а немьслимое для нас не существует; за это ручается все наше по навательное устройство) общей субстанции»⁴⁰.

Двйственный характер труда, заключенного в товарах, продолжает Булгаков, находит свое объективное выражение в форме денег, а последние, по Булгакову, представляют собой «вещественный кристалл общественных отношений товаропродовителей, а вместе с тем и исторически и логически составляют исходный пункт для ра вития общественного отношения ценности в общественные отношения капитала»⁴¹. Интересен от ыв Булгакова об анализе ра вития форм стоимости Маркса: «Анализ понятия ценности до кристаллизации формы денег,— писал Булгаков,— как воплощения абстрактного хара тера труда, содержащегося в товаре, кажется мне одним из самых победоносных :завоеваний человеческого ума. Его можно сравнить, на мой вгляд, только с анализ ом нашего понимания у Канта, и его я считаю самым гениальным местом во всей экономической системе «Капитала»⁴².

На довод критиков теории стоимости Маркса, что соизмеримость товаров посредством затраты мускульной и нервной энергии неточна, Булгаков отвечает, что он идет дальше критиков, ибо он полагает, что эта сои меримость иррациональна, ибо она до сих пор с полной точностью не была выражена в биологии, а если этого и добьется наука, то это не буд т иметь . по Б л а к о в у, иррациональное знание для точного спределения меновых пропорций. Од ако иррациональность с и а с р м о с т и т о а р в с т о я д е н я не является, считает Булгаков, фактом, опровергающим трудовую теорию стоимости.

«Я вижу в ней (стоимости—А. Р.),— пишет Булгаков,— прежде всего общественное отношение, лишь находящее свое выражение в меновых пропорциях; вы же (сторонники «коммерческого» понимания стоимости—А. Р.) только эти пропорции и видите и с коммерческой точностью хотите исчислить соотношения, в них выраженные. С меня довольно жка ания, что данные общественные отношения приводят к иррациональному выражению. Математически точное и мерение их нево можно, но в целях научного по нания общи х и основных тенденций и следовательно для понимания грубой рыночной практики крупных и менений в ценности этого и мерения вполне достаточно»⁴³.

Логическим выводом из равенства труда индивидуальных производителей, из которых

³⁹ С. Булгаков, О некоторых основных понятиях политической экономики. I. Ценность, «Науч ое обозрение» № 2 за 1893 г., стр. 339.

⁴⁰ Там же, стр. 340.

⁴¹ Там же, стр. 340—341.

⁴² Там же, стр. 341. Иной от ыв о первой главе первого тома «Капитала» дает Булгаков в своей статье «Карл Маркс как религиозный тип», написанной в 1906 г., когда Булгаков от «чистой общественности» эволюционизировал к религии, осо наво, что основой идеалов общественности является религия. «Для меня является основой, — писал Булгаков, — имеющий аподиктическую достоверность, что истинную основу общественности надо видеть в религии. Религия есть фермент ошественности, тот «баис», на котором во двигаются различные «надстройки». В этом смысле религия есть универсальное единое начало, и человек есть существо общественное... лишь насколько он есть существо религиозное» (С. Булгаков, Два града, «Исследования о природе общественных идеалов», т. I, Москва 1911 г., стр. VII). О первой главе «Капитала» Булгаков писал: «...Под Гегелем» написана—на страх начинающим читателям—глава о форме ценности в I томе «Капитала». Но и сам Маркс при нался впоследствии, что :десь он «кокетничал» подражанием Гегелю, а мы еще прибавим, что и совершенно напрасно он это делал, при скудной вообще идейной содержательности этой главы, в сущности лишней для и положения экономической системы «Капитала»; эта преднамеренная напыщенность скорее :оставляет усомниться в литературном вкусе автора, нежели поверить на этом основании, что автор духовно бли ок к Гегелю или является его серьезным знатоком» (С. Булгаков, Два града, «Исследования о природе общественных идеалов», т. I, Москва 1911 г., стр. 81).

⁴³ Там же, стр. 341.

каждый выполняет известную часть общественного труда, является, по Булгакову, и меренне величины стоимости рабочим временем; к этому и меренно представители «коммерческого» направления сводили всю теорию стоимости. Но и в этом определении считал Булгаков, наличие иррациональные моменты, ибо «т о ч и о е определение степени интенсивности труда столь же нево можно, сколь нево можно точное и меренне общей субстанции ценности, именно :атраты перво-мускульной силы»⁴⁴. Однако, полагает Булгаков, в практических целях, с известным грубым приближением — «ра различия и интенсивности труда уловляются и отмечаются в ценности»⁴⁵.

Но в определении стоимости, считает Булгаков, есть еще более уязвимые места, которые подвергались суровой критике. В качестве примера Булгаков указывает на проблему квалифицированного труда. Булгаков считает аргументацию Бем-Баверка⁴⁶, направленную против редукции сложного труда к простому, несостоятельной. «Отдельные виды труда, — пишет Булгаков, — различаются между собой не только как виды определенной полезной работы, но и в качестве абстрактного труда. Труд, требующий особой выучки, отличается от среднего или простого труда. Он ф а к т и ч е с к и н е р а в е н этому последнему с точки зрения эффективности труда, его способности служить удовлетворению общественных потребностей; он не может оказываться равным и в том общественном отношении, которое развивается на почве разделения, обособления производительных функций, когда общественной формой выражения затраченного в производстве труда является меновая ценность» («Капитал»)⁴⁷. Но каково действительное соотношение меновых соотношений различных видов труда, это, полагает Булгаков, зависит от специфических условий общественного производства, ибо если теоретические нормы этой сорименности установить нево можно, то приходится апеллировать к опыту. «...Иррациональность и известных элементов, — включает Булгаков, — не есть грех данной научной теории: они включены в самом изучаемом общественном отношении. Наука не может и не должна, оставаясь правдивой и верно и ображая и учаемый объект, их рационализовать»⁴⁸. Подобно труду квалифицированному столь же эмпирически устанавливается и недостаточно точно выражается в каких-либо теоретических нормах и определении стоимости общественно необходимым рабочим временем. «Этим понятием, — полагает Булгаков, — в теорию ценности, имеющую дело с частями и необходимыми формулами, вводится понятие процесса, без какого понятия не может обойтись научная экономическая теория».

Трудовая теория стоимости, заканчивает свой анализ Булгаков, на фактах не может быть проверена, потому что понятие стоимости включает иррациональные элементы, не поддающиеся точному и меренно; косвенная грубая проверка путем сравнения стоимостей фабричных товаров однако во возможна. Но и эта косвенная проверка не является доказательством трудовой теории. «Это только, — пишет Булгаков, — более детальное выражение того общественного отношения, которое выражено в трудовой теории и которое не требует доказательств, потому что в своей непосредственной самоочевидности стоит выше их»⁴⁹.

Такова, по Булгакову, сущность общественно-исторического факта, общественного отношения производителей через посредство вещей; таковы как их рациональные, так и иррациональные элементы определения стоимости.

Нужно определенно сказать, что на данном этапе своего «логического романа» с теорией стоимости Булгаков более тонко ревизует Маркса, чем на исследованных уже нами этапах. Мы не намерены анализировать все положения его теоретических построений, отметим лишь те из них, которые имеют наибольший теоретический и актуальный интерес, и те, где наиболее ясно и вращение марксизма. По Булгакову, натуральное хозяйство не может быть объектом и учения теоретической политической экономии, по Булгакову, там даже отсутствуют производственные отношения, — в натуральном хозяйстве имеет место лишь «домашняя экономия», вроде старорусского Домостроя. Таким образом, по Булгакову, объектом теоретического и учения могут быть только те общественно-экономические формации, которые характеризуются наличием стихийных закономерностей, т. е. объектом политико-экономического и учения может быть только товарно-капиталистическое общество. В свете ленинских замечаний на «Экономику переходного периода» Бухарина, которые вскрыли механистический характер возрений Бухарина и меньшевистско-идеалистический характер концепции Рубина по вопросу о политической экономии в широком и узком смысле, ошибочность трактовки Булгакова очевидна. Ленин, как и известно, высказался за классическое определение предмета политической экономии, и ложное Энгельсом в «Анти-Дюринге». «Политическая экономия, в широком смысле слова, — писал Энгельс, — есть наука о законах, управляющих производством

⁴⁴ С. Булгаков, О некоторых основных понятиях политической экономии. Ц. Ценность, «Научное обозрение», № 2, за 1898 г., стр. 342.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, стр. 344.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, стр. 344—345.

⁴⁹ Там же, стр. 348.

и обменом материальных неизменных благ в человеческих обществах»⁵⁰. Однако политическая экономия, по Энгельсу, не может быть тождественной для всех времен и народов. «...Политическая экономия по самому существу своему — историческая наука. Она имеет дело с историческим, т. е. непрерывно и меняющимся материалом; она прежде всего исследует особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена и лишь в конце этого исследования может установить немногие, имеющие применение к производству и обмену, вполне общие законы»⁵¹. Однако политической экономии в широком смысле еще нет, она должна быть содана. Энгельс писал: «Политическая экономия как наука об условиях и формах производства и обмена продуктов в различных человеческих обществах и о соответствующих способах распределения этих продуктов, такая политическая экономия в широком смысле этого слова еще должна быть содана. То, что дает нам в настоящее время экономическая наука, ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства»⁵². Но для того чтобы завершить критику буржуазной политической экономии, недостаточно было знакомства с капиталистическим способом производства, — следовало также, хотя бы в общих чертах, исследовать и привлечь к сравнению формы, существующие или рядом с ней существующие в менее развитых странах»⁵³. Это, по мнению Энгельса, и было сделано Марксом, которому наука объявила тем, что и вестно о добуржуазных способах производства. Так определял предмет политической экономии Энгельс: всякое определение объекта этой науки, которое ограничивало его рамками капиталистического способа производства, Ленин привал шагом на ад по сравнению с классическим определением Энгельса. Политическая экономия в широком смысле слова, о которой писал Энгельс и которая еще не содана, включает в себя таким образом не только теоретический анализ капиталистического способа производства, его во пикновение, рост и гнел, но и теоретическое изучение добуржуазных способов производства, с одной стороны, а также закономерности развития капиталистического способа производства, процесс становления социалистического общества, его отрицание капитализма и процесс переделки отсталых докапиталистических форм в коммунистическое общество и закономерности дальнейшего развития последнего — с другой. Конечно «легальному марксисту» Сергею Булгакову, мечтавшему о развитии «дородового» капитализма, перед которым капитализм маячил как носитель культурно-исторической миссии мощного развития производительных сил, для идеолога общественно-политического течения, которое ставило своей целью снабжать теоретическим оружием триумфально шествовавший в роли гегмона промышленный капитал, — такому идеологу естественно было чуждо «вторичное на политическую экономия, как на науку о развивающихся исторических укладах общественного производства»⁵⁴.

В теории стоимости Маркса Булгаков, как мы видели, центральную роль отводит форме стоимости, которую он объявляет самой важной и самой ценной частью марксова анализа, — более того, по Булгакову, в учении о форме стоимости проходит водораздел между Марксом и классической школой (Рикардо). Правильно ли это мнение Булгакова? Нет, неправилен. Центральным вопросом в теории стоимости Маркса является отнюдь не учение о форме стоимости, а проблема содержания или сущности стоимости. Маркс и Энгельс неоднократно писали о том, что на учении о двойственном характере труда «покопался» все понимание фактов». В «Капитале» Маркс, как и вестно, пишет: «двойственная природа заключающегося в товаре труда впервые критически указана мною»⁵⁵. В одном из писем Маркса к Энгельсу мы читаем: «В моей книге самое лучшее — это: 1) на этом основывается все понимание фактов) подчеркнутый у нее в первой главе двойственный характер труда, см. тра по тому, выражает ли он в потребительной или в меновой стоимости»⁵⁶. В предисловии ко II тому «Капитала» Энгельс также указывает на новые вехи, проложенные Марксом в вопросе о содержании стоимости, по сравнению с классиками. «...Маркс, — пишет Энгельс, — исследовал труд со стороны его свойства со давать стоимость и в первый раз установил, как о й труд, почему и как образует стоимость, установил, что вообще стоимость есть не что иное, как кристалли труд ованный труд этого рода»⁵⁷. В «К критике...», «Капитале» и «Теориях прибавочной стоимости» имеется богатейший материал по вопросу о недостатках трактовки содержания стоимости у Смита и Рикардо, на котором мы здесь не имеем возможности подробно останавливаться. Отметим лишь, что, по Марксу, классики хотя и подвергали исследованию стоимость и величину стоимости и раскрыли, хотя и недостаточно, заключающееся в этих формах содержание, «но они ни разу дальше не поставили вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами, почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда как его мера —

⁵⁰ Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1930 г., стр. 135.

⁵¹ Там же, стр. 136.

⁵² Там же, стр. 138.

⁵³ Там же, стр. 139.

⁵⁴ Ленин, Соч., т. II, изд. 2 е, стр. 371.

⁵⁵ «Капитал», т. I.

⁵⁶ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 431.

⁵⁷ Энгельс, Предисловие ко II тому «Капитала» Маркса.

величине стоимости продукта труда?»⁵⁹. Про трактовку содержания стоимости у Адама Смита Маркс указывает, что у Смита стоимость со дается всеобщим общественным трудом не ависимо от того, в каких потребительных стоимостях он овеществляется, однако существенным недостатком его анали а содержания стоимости является то обстоятельство, что элемент природы «преследует его в сфере чисто общественного богатства, т. е. меновой ценности»⁶⁰. У Рикардо, который сделал дальнейшие шаги в ра работе теории стоимости по сравнению со Смитом, Маркс в основном отмечает те же ошибки, что и у Смита. Рикардо, который рассматривал капиталистический способ прои водства как вечную естественную форму общественного труда, который внутренние противоречия этой общественно-экономической формации считал вечными, роковыми, неумоллимыми законами природы, Рикардо, по Марксу, также не понимал той специфической формы, в которой труд со дает стоимость. «Ошибка Рикардо, — писал Маркс, — заключается в том, что он исследует только величину у стоимост и; поэтому он интересуется только относительным количеством труда, которое представляют различные товары, которое они содержат в себе как стоимости в воплощенном виде. Но заключенный в них труд должен быть представлен как общественный труд, как отчужденный индивидуальный труд. Реали уется это лишь в продаже. Это превращение всех видов заключенного в товаре труда отдельных индивидуумов в одинаковый общественный труд, который поэтому может быть представлен во всех потребительных стоимостях, может быть обменен на особую из них; эта к а ч е с т в е н н а я сторона дела, которая содержится в выражении меновой ценности, в деньгах, у Рикардо не равита. Это обстоятельство — необходимость представить заключенный в них труд одинаковым общественным трудом, то-есть в деньгах. — Рикардо упускает из виду»⁶¹.

Таким образом точка зрения Булгакова, что форма стоимости является центром теории стоимости, находится в явном противоречии как с духом теории стоимости, так и с прямыми выска зываниями Маркса и Энгельса. В противоположность стоимости и форме стоимости Булгаков рассматривает однако потребительную стоимость лишь как естественно-техническую категорию. В недавно опубликованных заметках Маркса «О книге Адольфа Вагнера» мы имеем исключительно интересный материал, посвященный трактовке категории потребительной стоимости. «...Только *in obscuris*, — писал Маркс, — не понявший ни слова в «Капитале», может заключать: «Так как Маркс в одном примечании в первом и дании «Капитала» отвергает всю в дорную болтовню немецких профессоров насчет «потребительной стоимости» вообще и отсылает читателей, желающих получить какие-нибудь сведения о действительных потребительных стоимостях, к «руководствам по товароведению», то п о т р е б и т е л ь н а я стоимость у Маркса не играет никакой роли»⁶². Для правильного понимания концепции потребительной стоимости Маркс ссылается на I т. «Капитала», где он писал, что товарпроизводитель должен прои водить не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. «...Потребительная стоимость как потребительная стоимость «товара», — включает Маркс, — сама обладает исторически-специфическим характером»⁶³. И дальше: «...У меня, — пишет Маркс, — потребительная стоимость играет совершенно другую роль, чем в прежней политической экономии, но — и это надо заметить — она входит в исследование лишь тогда, ко да такое исследование вытекает из анал и данных экономических форм, а не и : умствованиям по поводу понятий и слов «потребительная стоимость» и «стоимость»⁶⁴. Далее Маркс указывает на целый ряд моментов, свя анных с потребительной стоимостью, которые не были поняты Адольфом Вагнером. А именно: в двойственном значении товара выражается двойственный характер труда, со давшего товар, стоимость одного товара выражается в потребительной стоимости другого товара, прибавочная стоимость выводится из специфической потребительной стоимости рабочей силы, присущей лишь этому своеобразному, оригинальному товару. Таким обра ом замечания Маркса на книгу Адольфа Вагнера «Allgemeine oder theoretische Volkswirtschaftslehre», и данную в 1879 г., целиком применимы и к трактовке потребительной стоимости, данной «злегалъным марксистом» Булгаковым в 40-х годах, существовавшим ее у своих буржуа ных западных коллег... что касается рассуждений Булгакова о сои меримости товаров, о квалифицированном труде и об общественно-необходимом труде, то мы у него встречаем ряд метких замечаний, направленных против критиков Маркса. Однако и в данном случае тень Канта преследует нашего исследователя. Булгаков считает, что в целом ряде категорий, свя анных с теорией стоимости, имеются иррациональные моменты, не поддающиеся рациональному по нанию, — своеобразное приложение кантовской «вещи в себе» к экономическим категориям. Но этим не исчерпываются кантов-

⁵⁹ К. Маркс, Капитал, т. I.

⁶⁰ К. Маркс, К критике...

⁶¹ К. Маркс, К теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 111.

⁶² «Архив», кн. 5, стр. 394.

⁶³ Там же, стр. 395.

⁶⁴ Там же.

ские мотивы в рассуждениях Булгакова. Булгаков считает, что лишь категория общесociально-необходимого труда трактуется о процессах, все же остальные категории, связанные со стоимостью, статичны по своей природе. По Булгакову, получается примерно такая схема: стоимость — динамическая категория; категории, связанные со стоимостью, делятся на 2 группы: общественно-необходимый труд — категория динамическая, все остальные категории — статичны. Нужно ли говорить о том, что эта своеобразная классификация категорий Булгакова ничего общего не имеет с учением Маркса, для которого категории характерны своей диалектической природой, ибо они являются теоретическим выражением, объективными формами мысли не достигших метафизических сущностей, но диалектически и меняющихся материальных производственных отношений? Следует наконец отметить, что в противоположность своему ученику Рубину Булгаков трактует абстрактный труд как категорию филогенетическую. Таким образом в данном вопросе Рубин оказался plus royaliste que le roi...

В целом ряде отмеченных нами вопросов Рубин целиком стоит на позициях Булгакова. Объектом теоретической политической экономии Рубин, подобно Булгакову, считает лишь капиталистическое производство. «...Предметом и учения политической экономии, по Рубину, являются «экономические формы», типы производственных отношений людей в капиталистическом обществе, которые имеют своей предпосылкой определенное состояние материального процесса производства и входящих в его состав технических факторов»⁶⁴.

В приведенной нами цитате в концентрированном виде представлен социал-фашистский ревизионизм Рубина. Политическая экономия и учает «экономические формы» вещей, производственные отношения трактуются как пассивная, внешняя оболочка, облекающая материальный процесс производства, последний рассматривается как технический процесс. Мы не говорим уже об идеалистической трактовке сущности производственных отношений, натурализации производительных сил и т. п. — вопросы, достаточно освещенные в нашей литературе. Нам важно лишь подчеркнуть, что Рубин, подобно Булгакову, не различает политической экономии в широком и в узком смысле; Рубин ограничивает ее задачи теоретическим и учением капитализма. Да это и естественно, ибо наш герой II Интернационала, эмигрировавший от советской действительности в призрачный мир туманных прованских абстракций, не мог, подобно «легальному марксисту» Булгакову, социальным идеалом которого был капитализм во всем блеске его мощных производственных потенций, — наш социал-фашистский теоретик не мог иначе ставить проблему предмета политической экономии, ибо в противном случае необходимо было бы и учать проблемы экономики переходного периода, становление социализма в Советском союзе...

В вопросе о форме стоимости Рубин также целиком стоит на позициях своего учителя Булгакова. По Рубину, «учение Маркса о «форме стоимости» (т. е. социальной форме, принимаемой продуктом труда), являющейся результатом определенной социальной формы самого труда, представляет собой наиболее своеобразную и оригинальную часть марксовой теории стоимости»⁶⁵. Подобно Булгакову, Рубин считает, что в учении о форме стоимости проходит водораздел между Марксом и классиками. «Именно учение о форме стоимости или о стоимости как форме общественного труда» составляет наиболее своеобразную часть марксовой теории стоимости в отличие от теории классиков»⁶⁶.

И в других своих работах Рубин неоднократно указывает в отличие от критиков Маркса, которые различают между Марксом и классиками видели в учении о труде как субстанции стоимости, что не в учении о содержании или субстанции стоимости, под которым он зачастую видел лишь зависимость стоимости от материально-технической стороны труда, а в учении о форме стоимости, — тогда где проходит основное различие между Марксом и классиками. Трактовка Рубиным роли формы стоимости как центральной части марксовой теории стоимости, как рекой грани, отделяющей Маркса от Смита и Рикардо, находится в теснейшей связи с его точкой зрения на метод Маркса как на метод социологический, ибо в своеобразии этого социологического метода Рубин видит различие между Марксом и классиками. Односторонне-аналитическому методу классиков, считает Рубин, Маркс противопоставляет свой генетический метод. «Особенность этого генетического метода Маркса заключается, — по Рубину, — не только в его историческом, но и в его социологическом характере, в пристальном внимании к социальным формам хозяйства»⁶⁷.

В результате применения социологического метода Маркс, считает Рубин, и обогатил науку «высшими достижениями». «На каждой странице «Очерков» я стараюсь доказать, что теория стоимости Маркса не только не противоречит его социологическому методу, а является одним из высших достижений, к которому Маркс мог прийти только при помощи этого метода»⁶⁸.

Повторяем, что трактовка категории формы стоимости как центральной и своеобраз-

⁶⁴ И. Рубин, Очерки..., изд. 4-е, стр. 40.

⁶⁵ Там же, стр. 56.

⁶⁶ Там же, стр. 106—107.

⁶⁷ Там же, стр. 41—42.

⁶⁸ Там же, стр. 299.

ной части марксовской системы, ра личие, проводимое Рубиным между Марксом и классиками. — все это находится в теснейшей сязи и с его нескантинанским противопоставлением метода естественно-научного и социологического, с его идеалистической трактовкой метода вообще.

В заключение отметим, что Рубин, подобно Булгакову, считает, что потребительная стоимость не является объектом и учения политической экономии, ибо она представляет собой только естественную предпосылку стоимости. Ошибочность его трактовки категории потребительной стоимости находится в теснейшей сязи и с характерным для Рубина противоставлением прои водственных отношений и прои водительных сил, с и гнашем последних как натуралистической категории из политической экономии. Итак, по целому ряду существенных вопросов теории стоимости Рубин примыкает к системе взглядов «легалного марксиста» Булгакова, гыне достопочтенного проповедника слова божьего⁶⁹. Неудивительно, что социал-фашист Рубин и быгший «легалный марксист», ныне белогвардеец, Сергей Булгаков, на службе буржуа или облачившийся в христианскую лигреду, ссоргательным единодушнем выступают не только в царстве бесплотных идей, но и в мире реальных вещей — в своей борьбе против коммуни ма, против страны строящегося социали ма...

Переходя к ра решению первой поставленной перед собой гадачки, к исследованию тех модификаций, которые претерпевает стоимость в сязи и с во ликовеннем капитала, Булгаков прежде всего останавливается на анализе категории капитала. «Логически, — пишет Булгаков в соответствии историческому ходу вещей, — исходным пунктом исследования капиталистических отношений, формулой капитала является формула ценности, отношение эквивалентности...»⁷⁰. Общественное отношение капитала появляется, по Булгакову, на и вестной ступени ра вития общественного отношения стоимости, когда последнее распространяется на товар — рабочую силу. «Объективным определением, кристалли ацией меновой ценности в форме денег, — читаем мы у Булгакова, — и исчергываются потенции общественного отношения ценности, в дальнейшем ра витии она должна уступить свое место или, точнее, осложниться новым общественным отношением, для которого она приготовила фундамент»⁷¹.

Интересно отметить определение капитала, которое дает Булгаков. «Капитал, — по Булгакову, — есть общественное отношение прои зводителей, ра описанное на почве общественного процесса труда. Это отношение характеризуется противопоставлением владельца материальных условий — орудий и материалов прои водства — и собственника рабочей силы, который продает свой труд... Это общественное соединение труда имеет ряд аналогий в истории: прои ба в о ч н а я ц е н н о с т ь прои водится и в рабском и крепостническом хо яйстве»⁷².

Общественное отношение капитала, продолжает далее Булгаков, ба ируется на основе общественного отношения стоимости. — «акон ценности необходимо прои икает и определяет весь процесс прои водства капитала»⁷³. Однако общественные отношения стоимости и капитала идут рука об руку одно с другим, не приходят в противоречие и столкновение между собой лишь до определенного момента. «Все учение о капитале первого, а отчасти и второго томов основного трактата Маркса, — пишет Булгаков, — является сопоставлением двух общественных отношений — ценности и капитала и выяснением того, насколько второе отношение вытекает и з первого и ра вивается на его основе. Оба общественных отношения таким обра ом идут рука об руку одно с другим. Они еще не приходят в притиворечие и столкновение между собой. Соответственно этому и их научное выражение — система научных понятий — представляет удивительно красивое и гармоничное целое»⁷⁴.

Это противоречие наступает при переходе к анализу цен прои водства. «Это не противоречие, — пишет Булгаков, — двух выдуманных Марксом абстрактных понятий, противоречие, которое обнаруживает лишь «слабость его л гики» и «превращает научную систему капитала в трехтомый сфин м или даже мистификацию, как утверждает хор критиков Маркса. Оно не может быть «снято» как противоречие в логике Гегеля, оно не должно быть устранено, как необходимо должно быть устранено логическое противоречие, в противном случае лишшающее всякой логической ценности данный вывод или положение: как практическое противоречие, столкновение двух противоречивых тенденций оно может ра ршиться только к о м п р о м и с с о м»⁷⁵.

⁶⁹ Наглядным показателем мракобесия и мистического бреда, до которого в последние годы докатился «марксист» Сергей Булгаков, является статья «Июста ь и ипо таспость», напечатанная в сборнике статей, по и ященых 35-летию научно-публицистической деятельности П. Б. Струве, Прага 1925 г.

⁷⁰ С. Булгаков. О некоторых основных понятиях политической экономии. «Капитал», «Научное обозрение» № 9 за 1898 г., стр. 1475.

⁷¹ Там же, стр. 1476.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, стр. 1477.

⁷⁴ Там же, стр. 1479.

⁷⁵ Там же, стр. 1480.

Итак, по Булгакову, закон стоимости приходит в столкновение с притязанием всех капиталистов на равную прибыль. «Третий том «Капитала», — полагает Булгаков, — исследует именно те общественные отношения, которые возникают между дольщиками прибавочной ценности, прежде всего между самими капиталистами, затем между производственными капиталистами и торговцами (товаром и деньгами), наконец отношения между капиталистами и землевладельцами. Между тем первый том «Капитала» исследовал общественные отношения между капиталистами и рабочими»⁷⁶.

Как же Булгаков разрешает противоречие закона стоимости с фактом образования средней прибыли? Средняя норма прибыли, полагает Булгаков, тесно связана со средней степенью производительности общественного труда. «... Закон ценности господствует над движением цен, господствует не только в том смысле, что с изменением количества труда на проиводство и меняется и цена-товара, но и в том смысле, что средняя норма прибыли устанавливается в соответствии с состоянием производительности труда или индивидуальным нормам прибыли отдельных отраслей проиводства. Конечно, когда говорится, что сумма цен равна сумме ценностей и совокупная прибыль равна совокупной прибавочной ценности, то имеется в виду указание не точное соответствие цен-ценности и прибыли прибавочной ценности, а лишь и а п р а в д е л и е, в котором совершается их движение, тенденцию, которая вообще не имела того строгого значения, которое придают сторонники коммерческого положения»⁷⁷.

Далее Булгаков уточняет свое понимание процесса распределения прибавочной стоимости и образования средней нормы прибыли. Мы позволяем себе привести длинную цитату, ибо она представляет большой интерес.

«Для выяснения отношения между прибылью и прибавочной ценностью нужно принять во внимание следующие соображения. Не нужно забывать, что прибавочная ценность есть ценность, а ценность (ее материальная ация) сводится к обезличенному абстрактному труду, который не имеет качественных различий, а лишь количественные. Это качественное различие труда к ценности эмпирически объективизировано в деньгах, которые представляют только количественные различия. Благодаря этой объективности ации ценности, выражению ее в деньгах и возможно распределение прибавочной ценности между капиталами и образование средней нормы прибыли. Прибавочная ценность непосредственно выражается в прибавочном продукте — товаре данного вида... Но меновая ценность в строгом смысле может отделяться от этой натуральной формы прибавочного продукта, который является носителем меновой ценности, и даже распределяться в виде денег (а не товаров) по лицу земли капиталистической. При коммерческом понимании общественно-экономических отношений трудно помириться с тем, что меновая ценность в форме денег ведет существование, совершенно независимое от своей потребительной натуральной формы, и распределение прибавочной стоимости совершается только распределением денег, одной меновой ценности, не сопровождаясь распределением натуральной формы товаров, в которых она выражается. Пожалуй, в этом смысле — относительно натуральной формы прибавочной ценности — можно сказать, что прибыль и прибавочная ценность различны, поскольку прибыль есть только меновая ценность, прибавочная же ценность есть меновая ценность, но — имеющая потребительную форму»⁷⁸.

В результате своего исследования Булгаков приходит к выводу, что в столкновении общественных отношений стоимости и капитала нет логического противоречия, здесь есть лишь фактическое противоречие двух тенденций, одновременное и полное проявление которых несомненно между собой. «Коммерческая точка зрения, чуждая исторического и социологического понимания экономических учений, не видя в ценности ничего, кроме и мерения меновых пропорций, естественно, в фактическом противоречии, в фактической несовместимости двух тенденций усматривает логическое противоречие. Теория, которая является точным и адекватным описанием фактов, ставится на минус, что факты эти отражают противоречивые тенденции, что они не так просты и ясны, как этого хотелось бы критикам и как это доступно их пониманию»⁷⁹. Так Булгаков разрешает задачу исследования тех модификаций, которым подвергается категория стоимости в связи с выступлением на сцену капитала⁸⁰. Хотя Булгаков и говорит по

⁷⁶ С. Булгаков, О некоторых основных понятиях политической экономии, «Капитал», «Научное обозрение» № 9 за 1898 г., стр. 1483.

⁷⁷ Там же, «Научное обозрение» № 10 за 1898 г., стр. 1658.

⁷⁸ Там же, стр. 1659—1660.

⁷⁹ Там же, стр. 1665.

⁸⁰ Иллюстрированная трактовка соотношения стоимости и цен производства у Булгакова получила дальнейшее мистическое завершение в книге «Философия хозяйства». В этой книге Булгаков рассматривает труд как своеобразный мост между субъектом и объектом, по которому субъект выходит в объект и осуществляет в нем свои идеи, проекты или модели. «И той живой связью между субъектом и объектом, мостом, выводящим его «я» в мир «зальностей и неравно соединяющим его с этим миром, является труд, — человеческая актуальность, объективирующаяся вовне и тем объективирующаяся для нас этот мир. Благодаря труду не может быть ни только субъекта, как принимает субъективный идеализм, ни только объекта, как принимает материализм, но есть их живое

аналогии о производстве прибавочной стоимости в рабском и крепостническом хозяйстве, все же Булгаков понимает, что переход от стоимости к капиталу есть путь не только логический, но и исторический, что на целую голову ставит Булгакова выше его ученика, Фрубина. Общественное отношение капитала, по Булгакову, как мы видели, живет в ладу с общественным отношением стоимости лишь до поры до времени, — при переходе же к анализу цен производства эти общественные отношения вступают между собой в столкновение, в противоречие, которое не может быть ни «снято», ни решено, но как столкновение двух противоречивых тенденций может разрешиться лишь компромиссом. Таким образом цена производства трактуется Булгаковым как компромисс между общественным отношением стоимости и капитала. По Булгакову, получается примерно такая схема: до известного предела одна категория «спокойно» переходит в другую, происходит гармоничная полная своеобразная красота «эманация» одной категории в другую. Лишь в определенном узловом пункте, при переходе к цене производства, происходит катастрофическое столкновение противоречивых тенденций — закона стоимости с процессом образования средней нормы прибыли. В цене производства, по Булгакову, логически разрешается противоречие между фактически несовместимыми двумя тенденциями. Правильна ли такая своеобразная «методология»? Можно ли ее назвать марксистской? Нет, нельзя. Прежде всего неправильно утверждение Булгакова, что на всем протяжении первого и второго томов «Капитала» мы имеем гармоничный переход одной категории в другую, поступательное движение понятий без борьбы, без столкновений, без противоречий. В действительности диалектика категорий «Капитала» противоречива по своей природе, ибо она отражает противоречивую капиталистическую действительность. Во всем ли мы метаморфоза товара, который представляет собой рабское движение заключенного в единстве товара противоречия стоимости и потребительной стоимости, далее денег и товара, во всем ли мы процесс метаморфоза капитала, — всюду мы имеем противоречивость различных категорий, разрешенные противоречий и становление новых противоречий. Таким образом не только переход от стоимости к ценам производства, как это полагает Булгаков, но и диалектика всех категорий «Капитала» не является плавным, гармоничным переходом одной категории в другую, но она предполагает борьбу, столкновение, противоречивость категорий, отражающих противоречия самой капиталистической действительности.

Но любопытнее всего то, что Булгаков, который ратует за специфичность категории цены производства, отражающей противоречивые тенденции капиталистической действительности, не понял действительного классового содержания этой категории, не понял те действительные антагонизмы, которые находят в этой категории свое теоретическое выражение.

Как определяет Булгаков категорию цены производства? Он видит в ней производственное отношение между капиталистами, — сферы приложения промышленного капитала. Булгаков, как мы видели, рабочему классу уделяет место лишь в первом томе «Капитала», третий том «Капитала» — арена борьбы промышленных капиталистов за раздел прибавочной стоимости.

единство, субъект — объект, и лишь при рассмотрении его в том или другом отношении посредством методологической абстракции выделяются из него субъект или объект. Эта полнота бытия, его ра двоение погашаются только в Абсолютном, которое есть одновременно и субъект и объект для самого себя. Поэтому для него в ы х о д субъекта в объект исключен по самому понятию, и субъект объектность полагается в едином, тождественном, вневременном акте: тайна святой троицы внутри троичной жизни» (С. Булгаков, Философия хозяйства, ч. 1, «Мир как хо яйство», Москва 1912 г., стр. 98). Исходя из такого понимания труда, Булгаков считает, что трудовая теория стоимости имеет то общеполософское значение, что в ней с исключительной силой было выдвинуто значение трудового начала, столь недостаточно оцененного в философии. «В ней (трудовой теории стоимости — А. Р.) отра илось, — пишет Булгаков, — хотя и недостаточно осознанное чувство актуальности человека, трудовая или хо яйственная природа жи ни. В этом смысле то ерно истины, которое содержится в трудовых теориях ценности, сохраняет жи. неспособность, хотя и в ином столкновении, чем дали ей творцы ее, облекшие это ерно в совершенно закрывающую его шелуху... Ее творцы в стремлении воз- величить труд (отчасти по мотивам социалистического человеколюбия) совершенно затемняют свою идею, придают ей мелочное, уродливое выражение, которое ока зывается неаппетитным-и в специально научном смысле. Цены товаров, даже по при нанию самих творцов трудовой теории ценности (Рикардо, Родбертуса и Маркса), не соответствуют трудовым ценностям, им приписывается почетная роль идеального теоретического мерила ценностей, — вовсе лишить труд этого значения они очевидно не считали возможным. Но в действительности для оценки значения труда в хо яйстве как его основы совершенно несущественно и, пожалуй, даже неинтересно, в каком отношении рыночные цены стоят к трудовым ценностям. Цены могут никогда не соответствовать трудовым ценностям... и, тем не менее, останется в полной силе значение труда как основы хозяйства» (С. Булгаков, Философия хозяйства, ч. 1, «Мир как хо яйство», Москва 1912 г., стр. 105—106).

На самом же деле производственные отношения между капиталистами и рабочими всех отраслей производства, всей сферы приложения промышленного капитала, производственные отношения, во всяком случае между различными подгруппами капиталистов, а также и землевладельцами, — вот та тема, которой посвящен третий том «Капитала».

Категория цены производства оказывается, что «каждый отдельный капиталист точно так же, как и совокупность капиталистов каждой отдельной сферы производства, участвует в эксплуатации всего рабочего класса всем капиталом и в степени этой эксплуатации и участвует не только в силу общей классовой солидарности, но и непосредственно экономически, потому, что, — предполагая данными все прочие условия, в том числе стоимость всего агачивированного постоянного капитала, — средняя норма прибыли зависит от степени эксплуатации всего труда всем капиталом».

Категория цены производства в ее правильном понимании, как производственного отношения между всем классом капиталистов и рабочим классом, говорит пролетариату о необходимости вести борьбу не с отдельным капиталистом, а со всем классом капиталистов, со всем социально-политическим капиталистическим режимом, — а диктатуру пролетариата, а бесклассовое общество, где свободное развитие каждого будет условием развития всех, — а коммунизм. Точка зрения Булгакова — это замена революционной борьбы реформистской, политической борьбу тред-юнионистской, экономической борьбой вместо борьбы за свержение капитализма и диктатуру пролетариата, — борьбой за «штопание дыр» капиталистического режима.

Но этим не исчерывается искажение Булгаковым марксовской категории. Как мы видели, Булгаков перелив прибавочной стоимости из одной отрасли в другую представлял себе довольно своеобразно. Окажется, что прибавочная стоимость может делиться от своей натуральной формы прибавочного продукта и распределяться между отдельными отраслями производства. Таким образом с «социологической точки зрения» Булгакова прибавочная стоимость теряет существование не зависимо от своего натурального субстрата, и распределение прибавочной стоимости происходит не зависимо от распределения товаров, в которых эта прибавочная стоимость воплощается. Ту же самую мысль в несколько иной формулировке мы имеем в книге Булгакова «Капитализм и земледелие» (1900). Так например, подвергая критике теорию абсолютной ренты Маркса, которая, по Булгакову, является ярким примером немарксизма, а гичек го фетишизма, последний писал: «Сам и замечательный с экономической точки зрения является в этом отношении и тот же явление — абсолютная рента реализуется одного и того же фактора — диним из факторов — из производства, трактуется в одном случае как абсолютная рента, в другом — как прибыль чужда, причем под влиянием причин, совершенно посторонних, в том смысле слова случайных. Эта случайность логического распределения данного (существенного) отношения ставится в зависимость от того, хватит или не хватит прибавочной стоимости оплатить эту ренту. Но что же за вещь такая эта прибавочная стоимость, что ее, как сукна или хлопка или другого какого-либо товара, может хватать или не хватать для поднятия во возможного спроса? Прежде всего, это не материальная вещь, это понятие. служившее для выражения определенного общественного отношения производства»⁸¹.

Ленин писал: «Это противоложенное «материальной вещи» «понятие» представляет из себя наглядный образчик той схоластики, которую так любят в настоящее время представлять под видом «критики». Какое значение могло бы иметь «понятие» о доле общественного продукта, если бы этому понятию не соответствовали определенные «материальные вещи»? Прибавочная ценность есть денежный эквивалент прибавочного продукта, который состоит из определенной доли сукна, хлопка, хлеба и всех прочих товаров... В земледелии прибавочный продукт больше (в пропорции к капиталу), чем в других отраслях промышленности, и этого и лишка (не входящего в выравнивание прибыли вследствие монополии по земельной собственности) может, естественно, «хватать или не хватать на покрытие спроса» со стороны монополиста-землевладельца»⁸². Таким образом ошибочность концепции Булгакова очевидна. Булгаков противопоставляет материальные вещи общественным отношениям, как будто бы общественные отношения при капиталистическом способе производства не принимают вещественной формы, как будто бы прибавочная ценность, реализуется эксплуатации рабочих капиталистами, не материализуется в капиталистически произведенных товарах. Булгаков отрывает социальное от материального — в этом суть его идеалистической интерпретации цены производства, вскрытой Лениным.

Интересно отметить, что и в трактовке категории цены производства Рубин повторяет Булгакова. Как определяет Рубин категорию цены производства? По Рубину, категория

⁸¹ С. Булгаков, Капитализм и земледелие, т. I, С.-Петербург 1900 г., стр. 105. И дальше Булгаков пишет, что понятие прибавочной стоимости является «во душном мостом», «логическими лесами», которые нужно убрать после окончания постройки здания. Идеалистический, метафизический характер концепции Булгакова был вскрыт Лениным.

⁸² Ленин, Соч., т. IV.

цены производства представляет собой производственное отношение между капиталистами, оперирующими в сфере приложения промышленного капитала. «Марксова теория цен производства, — писал Рубин, — противоречит теории трудовой стоимости; она построена на ее основе и включает ее в себя как одну из составных частей. Это и понятно, если вспомнить, что теория трудовой стоимости изучает только один тип производственных отношений между людьми (как между товаропроизводителями), теория же цен производства предполагает существование всех трех основных типов производственных отношений людей в капиталистическом обществе (отношения между товаропроизводителями, отношения между капиталистами и рабочими, отношения между отдельными группами промышленных капиталистов)... Как трехмерное пространство не может быть сведено к одной плоскости, так теория капиталистического хозяйства не может быть сведена к одной теории трудовой стоимости»⁸³.

В приведенных нами рассуждениях Рубина мы имеем ряд серьезных погрешностей. Оказывается, что теория стоимости и теория капитала находят свое разрешение еще до изучения закона цен производства. Оказывается, что теория стоимости и теория капитала являются лишь предпосылками для изучения более сложной категории цен производства, что последняя отнюдь не является превращенной формой стоимости... Впрочем, что категория цен производства представляет собой производственное отношение лишь между промышленными капиталистами, Рубин в одном месте прямо заявляет: «...Закончиши исследование производственных отношений между товаропроизводителями (теория стоимости) и между капиталистами и рабочими (теория капитала), Маркс в третьем томе «Капитала» переходит к изучению производственных отношений между промышленными капиталистами разных сфер производства (теория цен производства)»⁸⁴. Таким образом рубинская трактовка категории цен производства, подобно концепции Булгакова, выдвигает знамя классового мира, знамя реформизма. Мы у Рубина имеем также прямые заявления, что положение рабочего класса при капитализме улучшается. Так например, обнищание рабочего класса им рассматривается отнюдь не как абсолютное обнищание, а как «общая тенденция к уменьшению относительной доли рабочего класса в общественном продукте...»⁸⁵, по Рубину, «рост производительности труда вы вает понижение стоимости различных предметов потребления, делая их тем самым доступными рабочим массам»⁸⁶. Маркс и Ленин, как известно, стояли, в противоположность социал-фашистским теоретикам (Каутский), на точке зрения абсолютного обнищания рабочего класса. По Марксу — «в ходе развития заработная плата понижается двояким образом: в о п е р ы х, относительно, по отношению к развитию общего богатства; в о в т о р ы х, абсолютно, так как количество товаров, которые рабочий получает в обмен, все уменьшается»⁸⁷. По Марксу — «удешевление всех товаров, которое, впрочем, не происходит для непосредственных жизненных потребностей, приводит к тому, что рабочий носит лохмоты, составленные из разных кусков, и его ништа окрашивается в цвета цивилизации»⁸⁸. Ленин писал, что «рабочий нищает абсолютно, т.е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недодевать, ютиться по подвалам и чердакам»⁸⁹. Таким образом как трактовка категории цены производства, так и прямые высказывания Рубина о полжении рабочего класса при капитализме обнажают ревизионистский, социал-фашистский характер его теоретической концепции.

Недаром писал Ленин, что «меньшевизм» и «легальный марксизм» представляют собой различные формы проявления одной и той же исторической тенденции, что если «легальный марксизм» был отражением марксизма в буржуазной литературе, то «меньшевизм» выступал в роли проводника политики, подчинившей пролетариат буржуазному либерализму. Но трактовкой цен производства как внутриклассовой категории не ограничиваются извращения Рубина этой категории.

Как ставит Рубин вопрос об образовании средней нормы прибыли? Если, по Марксу, особые нормы прибыли в каждой сфере производства выводятся из стоимости товара, если, по Марксу, различные нормы прибыли, соответствующие различным органическим составам капитала, господствующим в разных отраслях производства, уравниваются в общую норму прибыли, путем перелива прибавочных стоимостей из одной отрасли производства в другую, то Рубин считает, что процесс уравнивания нормы прибыли происходит при помощи перехода капитала.

«...В марксовой системе, — пишет Рубин, — средняя норма прибыли определяется как величина производная от массы совокупной прибавочной стоимости, а не от различных норм прибыли...»⁹⁰. И в другом месте: «Само собой понятно — и не требует доказа-

⁸³ И. И. Рубин, Очерки, изд. 4-е, Гиз, 1929 г., стр. 192.

⁸⁴ Там же, стр. 191.

⁸⁵ И. Рубин, Учение Маркса о производстве и потреблении, Архив, т. V, стр. 103.

⁸⁶ Там же, стр. 109.

⁸⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, 1929 г., стр. 545.

⁸⁸ Там же, стр. 542.

⁸⁹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 212.

⁹⁰ И. И. Рубин, Очерки, изд. 4-е, Гиз, 1929 г., стр. 211.

тельесть здесь, что и по Марксу процесс уравнения нормы прибыли происходит при помощи перехода капиталов, а не прибавочных стоимостей из одной сферы производства в другую... Но если соотношение прибылей двух капиталов, занятых в различных сферах производства, не соответствует соотношению количества занятого ими чужого труда, то отсюда еще не следует, что часть прибавочного труда или прибавочной стоимости «передается», «переливается» из одной сферы производства в другую. Такое представление... вытекает из взгляда на стоимость как на некоторое материальное вещество, обладающее свойством текучести. Но если стоимость есть не вещество, переходящее от одного человека к другому, а общественное отношение между людьми, фиксированное, «выраженное», «представленное» в вещи, то указанное представление о «переливании» стоимости из одной сферы производства в другую не только не вытекает из марксовой теории стоимости, но даже в корне противоречит учению Маркса о стоимости как явлении общественном»⁸¹. Таким образом Рубин почти в тех же самых выражениях целиком стоит на позициях Булгакова об образовании общей нормы прибыли, о невозможности перелива прибавочной стоимости. Критическое замечание Ленина, направленное против Булгакова, целиком применимо к Рубину. Отрыв социального от материального, выхолащивание из категории прибавочной стоимости ее материального содержания, превращение этого краеугольного камня экономической системы Маркса в фантом, в прирак, лишенный всякой реальности, — вот смысл рубинских построений. Таким образом концепции Рубина и Булгакова представляют собой наглядную иллюстрацию тезиса Ленина о преемственной связи между «легальным марксом» и «меньшевином», в наши дни принявших новую политическую окраску — черносотенной белогвардейщины и интервенционистского социал-фашизма...

Подводя окончательные итоги нашему исследованию об интерпретации теории стоимости Маркса Булгаковым, следует со всей определенностью подчеркнуть, что буржуазно-попологетическая природа «легального маркса» была впервые вскрыта Лениным, указавшим впоследствии на преемственную связь между «легальным марксом», «экономом мом» и «меньшевином», в отличие от Плеханова, который на первых порах «примиренчески» относился к их искажениям маркса в духе новейшего «критицизма».

Пира отбросить легенду, что будто бы Булгаков в своих ранних работах по теоретической политической экономии был ортодоксальным марксистом⁸². Булгаков на всех этапах своего «логического романа» с теорией стоимости Маркса был неокантанцем, — это однако не мешало ему выступать под маской ортодоксии. Более откровенными «критиками» экономической системы Маркса, которые даже в своих ранних работах выступали под флагом борьбы с марксовой ортодоксией, пытались снискать уважение Маркса с новейшими течениями западноевропейской экономической мысли, были С. Руве и Туган-Барановский. Но их интерпретация теории стоимости Маркса — предмет специальной статьи.

⁸¹ И. И. Рубин, Очерки, изд. 4-е, Гиз, 1929 г., стр. 205.

⁸² Об этапах всего «логического романа» с теорией стоимости Маркса Булгаков рассказывает в предисловии к книге «От маркса к идеализму»: «Подобно большинству марксистов, и пишущий эти строки имел многолетний логический роман с трудовой теорией ценности. Перед самым выходом в свет третьего тома «Капитала» мной была подготовлена к печати работа о равной норме прибыли на капитал на основе трудовой теории ценности... В этой работе я оказалась *plis r yaliste que le roi*, но попытка разрешить вопрос без всяких ограничений трудовой теории ценности (посредством комбинированного влияния различий в норме прибавочной ценности и различий быстроты оборотов оборотного и в нем переменного капитала, которая для капиталов различного органического состава со дает различную годовую норму прибавочной стоимости и тем выравнивает общее ее количество, приходящееся на капитал данной величины). Выход третьего тома «Капитала» принес мне жестокое разочарование, ибо, вопреки всем обещаниям Энгельса, он не дал ничего нового по сравнению с Родбертусом и содержал решительное видоизменение того понимания ценности, которое было намечено в первых двух томах «Капитала» (это разочарование вполне отразилось в статье «Третий том «Капитала» К. Маркса», напечатанной в «Русской мысли», 1895 г., III). Несмотря на то, что меня постигла судьба Алеша Карамова, когда его старец «пропах», мне (подобно Алеше) удалось скоро восстановить свое прежнее отношение к «Капиталу» (так что и впоследствии я ни разу не изменял трудовой теории ценности ради ее австрийской соперницы). Но ради этого мне пришлось делать настоящие и постоянные усилия, чтобы удерживать трудную по инцно, со даваемой соединением учений I и III томов «Капитала» — в результате появился ряд примирительных попыток, начинающийся статьей «Что такое трудовая ценность» (Сборник правоведения и общественных знаний, и д. Моск. юрид. общ., т. VI), продолжающийся статьями «Основные понятия политической экономии. I. Ценность. II. Капитал («Научное обозрение», 1898 г., VI и 1899 г., I—II) и заканчивающийся главой о ренте в книге «Капитализм и земледелие», т. I, ч. 2. (С. Булгаков, От марксизма к идеализму, С.-Петербург 1903 г., стр. 337).

Х Р О Н И К А П А Р Т И Й Н О Й К Н И Г И

- Марко К. и Энгельс Ф.**, Сочинения, под ред. В. Адоратского, т. XI, ч. 2, статьи и корреспонденции, 1863—1861 гг., ИМЭЛ, 703 стр., подписное издание.
- Энгельс Ф.**, Аптл-Дюринг (Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом), изд. 6-е, 304 стр., ц. 2 р. 75 к., пер. 80 коп.
- Его же**, Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованием Л. Моргана, ИМЭЛ, 266 стр., ц. 1 р. 60 к.
- Ленин В.**, Избранные произведения в шести томах, под общей ред. В. Адоратского, А. Кривницкого, М. Покровского и др., т. II, 1905—1914 гг., 771 стр., подписное издание.
- Его же**, 1917 г. (Новые статьи и документы), ИМЭЛ, 28 стр., ц. 20 коп.
- Его же**, Замечания на статьи Н. И. Бухарина о государстве, ИМЭЛ, 47 стр., ц. 10 коп.
- „Ленинский сборник“ XXII**, под ред. В. Адоратского, М. Молотова, М. Савельева, В. Сорипа, ИМЭЛ, 396 стр., ц. 3 р. 50 к., пер. 1 руб. Тетради В. И. Ленина по империализму и замечания на книгу Р. Люксембург „Накопление капитала“.
- Сталин И.**, О правом уклоне в ВКП(б). (Из речи на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г.), 62 стр., ц. 30 коп.
- Его же**, Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 г., 36 стр., ц. 25 коп.
- „Банковский крах и инфляция в САСШ“**, Дискуссия в Институте мирового хозяйства и мировой политики Комкадемии, 144 стр., ц. 1 руб.
- Инфляция в САСШ (вместо предисловия). **Йоульсон М.**, Банковская катастрофа в Соединенных штатах и ее последствия; **Гурвич Э.**, О крахе доллара; **Амо А.**, Банковский крах и положение рабочего класса; **Трахтенберг И.**, Кредитная система, денежное обращение, золотой стандарт; **Клепович Л.**, Крах доллара и его международные последствия; **Варга Е.**, К проблеме инфляции в современном кризисе.
- Дворкин И.**, Экономическая программа германского национал-социализма, 96 стр., ц. 80 коп
- Национал-социализм—партия монополистического капитализма. Характеристика роста гитлеризма за последние годы и анализ его социальной базы. Экономическая программа фашизма—требование автаркии. Демагогия нацистов для завоевания масс. Тождество и различие между фашизмом и социал-фашизмом. Борьба компартии против фашизма.
- Рудаш В.**, Вопросы государства и социал-фашисты, 143 стр., ц. 1 р. 20 к.
- Энгельс Ф. и „Единство исторического материализма“. Групповой брак и материнское право. Первобытный коммунизм. Происхождение классов и государства. Макс Адлер и буржуазная демократия. Равновесие классовых сил“. Абсолютная монархия. Бонапартизм, фашизм и диктатура пролетариата. Отмирание государства.
- Смит Ш.**, Положение рабочего класса капиталистических стран в свете теории обнищания К. Маркса, 183 стр., ц. 1 р. 50 к.
- Марксова теория обнищания. Рост промышленной резервной армии и современный кризис. Заработная плата и уровень жизни. Капиталистическая рационализация и ее социал-фашистские апологеты. Новые формы легализованного рабства. Правовое и материальное положение с.-х. рабочего.
- Загорский И.**, Обнищание рабочего класса капиталистических стран, 200 стр., ц. 1 р. 65 к.
- Обострение обнищания в связи с превращением промышленной резервной армии в постоянную армию безработных. Положение рабочего класса и движение заработной платы до мирового экономического кризиса. Обнищание рабочего класса в ходе мирового экономического кризиса.

П А Р Т У Ч Е Б Н И К И

- Ярославский Ем.**, История ВКП(б), ч. 1, 296 стр., ц. 2 р. 25 к., пер. 80 коп.
- Полов Н.**, Очерки истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), изд. 15-е, исправленное и дополненное, вып. I, 288 стр., ц. 1 р. 75 к., пер. 50 коп.
- „История ВКП(б)“**, Учебная книга, хрестоматия в отрывках из произведений Ленина и Сталина и из партдокументов, под ред. В. Волина, вып. I, 496 стр., ц. 3 р. 50 к., пер. 50 коп.
- „X съезд РИП(б)“**, (Март 1921 г.), под ред. Н. Попова. Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), 954 стр., ц. 7 р. 50 к., пер. 1 руб.
- Рабинович С.**, История гражданской войны (краткий очерк), учебное пособие для военных школ РККА, под ред. А. Геронимуса, 184 стр., ц. 1 р. 20 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) — ПАРТИЗДАТ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1933 ГОД

НА ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ КОМАНДАМИИ

Ответственный редактор **Н. БУТАЕВ**

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й ————— 6 НОМЕРОВ В ГОД

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

теоретическая разработка проблем социалистической реконструкции народного хозяйства СССР;

теоретическое освещение проблем современной фазы империализма, мирового экономического кризиса и проблемы взаимоотношений СССР с капиталистическими странами;

теоретическое разоблачение уклонов от ленинизма и генеральной линии партии;

борьба против буржуазной идеологии в области экономики СССР и капиталистических стран;

теоретическая разработка наименее разработанных сторон марксовской политэкономии.

Журнал рассчитан на экономистов, вузовцев и партактив.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на год — 24 рубля, на 6 месяцев — 12 рублей

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 4 РУБ.

Подписка принимается отделениями, магазинами и киосками Партиздата, уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях, газетными бюро Союзпечати, всеми письменными и почтовыми отделениями.

Подписку необходимо сдавать заблаговременно.